

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Академия МВД

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Под редакцией
профессора В.А. Кучинского и профессора Э.А. Саркисовой*

Минск 2008

УДК 340.1
ББК 67.0
С56

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор *В.А. Витушко*;
доктор юридических наук, профессор *Л.М. Рябцев*

Современные проблемы правовых отношений : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Кучинского и Э.А. Саркисовой ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. – 213 с.

ISBN 978-985-427-455-3

Предлагаемая читателям книга представляет собой сборник научных работ, подготовленных на основе целенаправленного исследования одной из наиболее сложных проблем теории права – проблемы правовых отношений. Авторы представленных работ стремились с учетом юридической практики по возможности сблизить существенно разнящиеся представления правоведов о месте правоотношений в механизме правового регулирования. Эта задача чрезвычайно важна и для преподавания рассматриваемых в книге вопросов. Затрагиваемые авторами научных статей проблемные положения привлекут к себе внимание исследователей права, преподавателей, курсантов, студентов и слушателей юридических учебных заведений, а также практических юристов.

УДК 340.1
ББК 67.0

ISBN 978-985-427-455-3

© Оформление. Академия МВД
Республики Беларусь, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

В юридической литературе высказываются различные суждения относительно того, что собой представляют правовые отношения, какова их роль в механизме правового регулирования общественных отношений. Наиболее распространенным является мнение, согласно которому правоотношения – это общественные отношения, урегулированные правом. Этому мнению противостоит суждение о том, что правоотношения – это не общественные отношения, а их юридическая форма, поскольку они регулируются правом.

Существуют также противоположные друг другу представления о том, что правоотношения регулируют общественные отношения и, наоборот, являются уже урегулированными отношениями конкретных субъектов права.

В зависимости от вышеприведенных и различных других подходов к трактовке правоотношений последние либо относятся к праву, либо рассматриваются в качестве формы, средства, вида его реализации.

Столь различные доктринальные трактовки правоотношений в значительной мере обуславливаются отсутствием их нормативно-правового определения в отличие от определений права, правомерного поведения, правонарушения, правоспособности, дееспособности и т. д. И это несмотря на то что правоотношение как правовая категория имеет большое практическое значение и применяется в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Вследствие этих обстоятельств возникают также чрезвычайно разнообразные, подчас прямо противоположные суждения относительно видов правоотношений, их структуры, субъектов, объектов, содержания и формы, способов реализации и т. п. Скажем, немало правоведов считают, что стороны правоотношений могут быть персонально не определены по принципу «все со всеми» (так называемые абсолютные и общерегулятивные правоотношения).

Но есть и такие авторы, которые небезосновательно полагают, что тем самым правоотношения отождествляются с правовыми нормами, которые распространяются на персонально не определенный круг субъектов права. Одни теоретики права настаивают на том, что в структуру правоотношения включаются только такие элементы, как субъекты, объекты, субъективные права и обязанности сторон. Другие доказывают, что их обязательным элементом должно быть также реальное поведение участников правоотношений по реализации их взаимных субъективных прав и обязанностей. Третьи довольно убедительно, опираясь на правоприменительную практику, показывают, что

взаимные субъективные права и обязанности представляют собой юридическую форму правоотношений, а их фактическое осуществление – реальное содержание последних.

Примеры столь различных суждений, широко представленных не только в научной, но и в учебной литературе, можно было бы приводить довольно долго. К сожалению, это вызывает большие затруднения в процессе подготовки специалистов юридического профиля. Даже в одном и том же юридическом учебном заведении в ходе преподавания различных правовых дисциплин курсантам, студентам, слушателям предлагаются существенно различные трактовки правоотношений, их соотношения с правом, их структуры, видов, форм реализации, что едва ли может быть оправдано с методологических позиций.

В предлагаемом читателю сборнике научных трудов предпринята попытка если не выработать единую позицию по всем проблемным вопросам правоотношений, то хотя бы сблизить противоположные суждения, помочь обучаемым разобраться в самой сути, роли правоотношений в правовом регулировании общественных отношений в современных условиях. В противном случае у них может сложиться впечатление об отсутствии практической значимости учения о правовых отношениях.

Среди членов авторского коллектива достигнуто, в частности, понимание того, что правовые отношения не могут рассматриваться как составная часть права, а являются результатом воздействия права на взаимоотношения конкретных его субъектов. Почти все авторы убеждены, что правоотношения представляют собой взаимодействие совершенно конкретных, индивидуально определенных их участников, обладающих взаимными субъективными, четко определенными правами и обязанностями. Нет сомнения и в том, что содержанием правоотношений является реальное поведение сторон по реализации их взаимных субъективных прав и обязанностей (в противном случае правоотношение оставалось бы неосуществленным или относилось бы к разряду фиктивных или притворных сделок).

Однако указанный «консенсус» по ряду вопросов не означает, что у авторов представленных работ уже совсем не осталось некоторых теоретических расхождений, особенно связанных со спецификой отраслевых правоотношений. И это естественно. Ученые не могут и, видимо, не должны приспособлять свои позиции к единственной точке зрения, поэтому ими выражаются намерения к дальнейшему творческому сотрудничеству, достижению наиболее рационального разрешения научных и практически значимых проблем, обеспечению методологи-

ческого единства в преподавании соответствующих положений учебных программ.

Данный сборник отличается тем, что он собрал в основном единомышленников по ряду принципиальных вопросов теории правоотношений, о которых говорилось выше. Подготовке научных статей, включенных в сборник, предшествовала научная дискуссия, организованная кафедрой теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь. В ходе дискуссии фактически никто не возражал против критики общерегулятивных и абсолютных правоотношений, большинство согласилось в том, что в содержание правоотношения должно включаться реальное поведение его субъектов, что правоотношение не может относиться к объективному праву.

Хочется надеяться, что сборник будет добротным научным и методическим подспорьем в учебном процессе, осуществляемом не только в Академии МВД Республики Беларусь, но и в других юридических вузах. Его справедливо можно считать достойным продолжением работы ученых Академии, которые в свое время были авторами научных статей, вошедших в пользующийся достаточно большим спросом у читательской аудитории сборник «Юридическая ответственность: проблемы теории и практики», изданный в 1996 г.

*Профессор В.А. Кучинский,
профессор, заслуженный юрист
Республики Беларусь Э.А. Саркисова*

ПРАВООТНОШЕНИЕ – ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННАЯ СВЯЗЬ СУБЪЕКТОВ ПРАВА

В сложном механизме правового регулирования правоотношения служат важнейшим инструментом превращения нормативных предписаний в упорядоченные и организованные отношения между конкретными людьми. Как отмечалось еще в советской юридической литературе, правоотношения «составляют главное средство, при помощи которого осуществляется действие юридических норм» [1, с. 130].

Выступая как явление правового характера, правоотношения придают регулируемым правом общественным отношениям правовую форму. Объективно складывающиеся в обществе отношения (экономические, политические, нравственные), будучи урегулированными правом, в своем массовидном выражении не превращаются в правоотношения. Те отношения, которые складываются независимо от воли и сознания конкретных людей, при всех обстоятельствах сохраняют свой объективный характер. В качестве правовых выступают волевые отношения их конкретных участников, обладающих в соответствии с действующим законодательством взаимными субъективными (личными) правами и обязанностями. Через эти индивидуализированные (конкретизированные) правовые связи и осуществляется воздействие права на объективно складывающиеся и существующие общественные отношения.

Правоотношения, следовательно, сами по себе не регулируют и не могут регулировать общественные отношения. Они представляют собой, с одной стороны, уже урегулированные правом индивидуализированные взаимоотношения субъектов права, а с другой – одно из правовых средств (способов), с помощью которых право как совокупность установленных государством нормативных актов воздействует на объективно складывающиеся общественные отношения. Именно такое понимание правоотношений соответствует диалектико-материалистической трактовке соотношения объективных общественных отношений с волевыми отношениями конкретных их участников [2, с. 306–310; 3, с. 395; 4, с. 68].

Объективные общественные отношения являются общим итогом множества действующих в различных направлениях субъективных сил, т. е. волевых действий людей, и выражают в конечном счете не зависящие от воли отдельных индивидов закономерности и условия развития общественного производства, классовых, национальных и

иных социальных отношений, а также политического строя общества. Волевые же отношения представляют собой индивидуальные связи конкретных субъектов. Социальные нормы (в том числе правовые), которые не могут непосредственно влиять на объективно происходящие процессы, т. е. на содержание объективных (массовидных) отношений, способны лишь через индивидуальные связи людей, поддающиеся прямому регулятивному воздействию, оказывать определенное воздействие на всю систему общественных отношений. Допуская, в частности, желаемое взаимодействие конкретных субъектов права в пределах, установленных правовыми нормами, государство либо стимулирует, либо ограничивает развитие соответствующих общественных отношений.

Та часть индивидуальных, но социально значимых связей между людьми и их объединениями, которая складывается под непосредственным воздействием права, и представляет собой правовые отношения. Исходя из этого правоотношения и могут быть определены как юридическая форма общественных отношений, представляющая собой возникающие на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств (юридических фактов) связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, реализация которых гарантируется государством¹.

Положение о том, что правоотношения предполагают взаимосвязь субъектов права, наделенных индивидуальными (субъективными, личными) правами и обязанностями, фактически общепризнано в научной и учебной литературе. Но это положение, будучи достаточно общим, не исключает расхождений во взглядах на условия возникновения правоотношений, степень определенности круга их участников, характер их взаимных прав и обязанностей и т. д. Эти расхождения создают серьезные методологические трудности при определении функциональной роли правоотношений, затрудняют использование общеправовых понятий и терминов в правотворчестве и правоприменительной деятельности.

---

¹ Говоря о субъективных правах и обязанностях, мы исходим из следующих представлений о них. Субъективное право – это возникающая в пределах, предусмотренных правовой нормой (т. е. статутных, всеобщих прав), и вследствие определенных жизненных обстоятельств (юридических фактов) точная мера возможного поведения конкретного субъекта права. Субъективная обязанность – возникающая в пределах, предусмотренных правовой нормой (т. е. статутных, всеобщих обязанностей), и вследствие определенных жизненных обстоятельств (юридических фактов) точная мера должного поведения конкретного субъекта права.

При некотором абстрагировании различные взгляды на правоотношения могут быть представлены позициями двух основных групп правоведов. Представители одной группы толкуют сами правоотношения и связанные с ними юридические категории весьма широко и многопланово, представители другой – значительно уже. Наиболее категорическим суждением первых является утверждение, согласно которому всякая правовая связь есть правовое отношение. Из этого исходного положения логически вытекают следующие принципиальные выводы: а) правоотношения – единственная форма реализации правовых норм (субъективные права и обязанности не могут существовать вне правоотношений); б) правоотношения могут возникать не только при наличии юридических фактов, но и непосредственно из закона; в) правоотношения не всегда носят строго индивидуализированный характер (возможны «общие», «общерегулятивные», «абсолютные» правоотношения, в которых участвует персонально не определенный круг субъектов).

В оценке приведенных положений у разных авторов, естественно, всегда имелись и сохраняются некоторые различия. Так, С.С. Алексеев полагал, что для возникновения общерегулятивных правоотношений «не требуется иных обстоятельств (юридических фактов), кроме существования самого субъекта – носителя общего права или общей обязанности» [5, с. 273–274]. Н.И. Матузов считает, что для возникновения правоотношений юридические факты все же необходимы, но допускает возможность признания в качестве юридического факта самого издания нормативного акта, из которого «непосредственно» вытекает общее правоотношение [6, с. 187–188]. Однако, как известно, юридические факты обуславливают возникновение, изменение или исчезновение у определенных лиц субъективных прав и обязанностей, предусмотренных в общей форме правовыми нормами в виде статутных (всеобщих) прав и обязанностей. Они (юридические факты) находятся, следовательно, «между» нормативными актами и субъектами права и не могут охватывать собой нормативные предписания. Юридические факты – конкретные жизненные обстоятельства, предусмотренные правовыми нормами, а не сами правовые нормы. Издание же нормативного правового акта означает установление определенных правил поведения, закрепление всеобщих (статутных) прав и обязанностей, но никак не превращение их в личные, субъективные права и обязанности конкретных, персонально определенных субъектов права.

Суть суждений правоведов, относящихся к другой группе, состоит в том, что не каждая правовая связь, не любая форма реализации права могут рассматриваться как правоотношение, что в правоотношении «общий масштаб, мера поведения, установленные нормой права, кон-

кретизируются и по лицам, и в содержании правомочий (юридических обязанностей) в зависимости от обстоятельств» [7, с. 114]. Большинство сторонников этой позиции отстаивают следующие положения: а) правовые нормы реализуются не только посредством конкретных правовых связей (правоотношений), но и помимо них, т. е. с помощью субъективных прав и обязанностей, приобретаемых и осуществляемых субъектами права вне связи с определенными лицами; б) правоотношения не могут вытекать непосредственно из закона, они складываются только лишь при наступлении соответствующих юридических фактов; в) правоотношение – не абстрактная связь персонально определенных лиц, обладающих всеобщими правами и обязанностями, не модель, определяющая поведение людей, а взаимодействие конкретных субъектов, наделенных в соответствии с правовыми предписаниями взаимными субъективными правами и обязанностями.

Правоведы, полагающие, что любая правовая связь субъектов права – это правоотношение и что правоотношения являются единственной формой реализации субъективных прав и обязанностей, желая того или нет, но в конечном счете придают правоотношениям праворегулятивную значимость. Так, С.С. Алексеев, находясь на этих позициях, еще в 70-е гг. прошлого столетия предложил разграничивать все правоотношения по степени индивидуализации их участников на три основные группы: относительные, абсолютные и общерегулятивные. Относительные правоотношения (всесторонне индивидуализированные) характеризуются точной («поименной») определенностью всех их субъектов по формуле «один к одному». Абсолютные (односторонне индивидуализированные) правоотношения отличаются «поименной» определенностью лишь одной стороны – носителя субъективного права. В отношении их предложена формула «один к каждому». Общерегулятивные же правоотношения – это такие, в которых субъектами прав и обязанностей признаются все лица, отвечающие установленным в законе признакам, по формуле «каждый к каждому» [5, с. 271–274].

Приведенная выше позиция строится на такой принципиальной методологической основе, как «нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» [8, с. 13], и, следовательно, права и обязанности, как и любое другое общественное явление, могут выступать только как отношения между людьми. Отсюда и вывод: субъективные права и обязанности не могут существовать, не корреспондируя друг другу, т. е. вне правоотношения, в котором одна сторона вправе требовать, а другая несет соответствующие обязанности [5, с. 257–258].

Действительно, каждое общественное явление по сущности своей – отношение между людьми (и личность, и капитал, и право...). Но из

этого отнюдь не вытекает, что реализация субъективных прав и обязанностей возможна только в правоотношении. Дело в том, что не всякая связь в сфере, регулируемой правом, должна рассматриваться как правоотношение. Само право – это отражение и закрепление во всеобщих правилах поведения (т. е. в статической юридической форме) общественных отношений. То же можно сказать об общем и специальных правовых статусах. Но ведь ни право, ни правовой статус не характеризуются как правоотношения, ибо они выражают всеобщие юридические связи. Это значит, что необходимо отличать от них правоотношения как волевою юридическую форму, как единичное проявление общественных отношений, объективно складывающихся подобно равнодействующей многочисленных сил (связей и поступков людей) в сфере, регулируемой правом. Первые являются средством (проводником) регулирующего воздействия права на вторые. Но последние при этом не утрачивают своей всеобщности, массовидности, получающей отражение во всеобщих предписаниях (правовых нормах), статутных правах и обязанностях.

Любое поведение субъекта права в рамках юридического закона, пусть даже индивидуально осуществляемое, представляет собой общественно значимое поведение (в широком смысле слова – отношение). Но в отличие от всеобщих общественных связей, выраженных в праве, индивидуально или во взаимодействии осуществляемое поведение определенных субъектов является реализацией правовых предписаний в конкретных формах. Так следует ли на том основании, что все общественные связи, определяемые правом, являются так или иначе отношениями (как в «снятом», абстрактном выражении, так и в различных конкретных формах), сводить их к одному понятию – правоотношению? Ведь все равно это понятие придется снова расчленять на «общие» и «конкретные» правоотношения, причем за первыми признавать, как мы убедимся ниже, такие специфические свойства права, как способность закреплять общественный порядок, определять правовой статус и содержание конкретных правовых связей.

Главное возражение против того, что субъективные права и обязанности могут существовать и реализовываться также помимо правоотношений, сводится к следующему: «утверждение о существовании субъективных прав вне правоотношений означает независимость (или автономность) прав от обязанностей и обязанностей от прав» [9, с. 31]. Но сразу же следует заметить, что эта мысль отнюдь не равнозначна положению, из которого она якобы вытекает и смысл которого состоит в том, что в реальной жизни нет субъективных прав, если они так или иначе не связаны с обязанностями. В справедливости этого положения

мало кто усомнится, но спорно такое его толкование, при котором допускается связь между субъективными правами и обязанностями только в рамках правоотношений.

Абсолютным субъективным правам, реализуемым самостоятельно (право собственности, в том числе интеллектуальной, право на имя и иные личные права), безусловно, соответствуют обязанности других лиц и государства в целом не нарушать их, обеспечивать их защиту. Но обязанности эти отличаются всеобщим, статутным, нормативным содержанием, потенциальным характером. Они превращаются в субъективные и реализуются в правоотношении лишь при соприкосновении с конкретным субъектом права, для чего необходим соответствующий юридический факт. Так, обязанность государства защищать абсолютное право (право собственности) гражданина приобретает субъективную форму лишь тогда, когда у определенного государственного органа (должностного лица) возникает конкретная обязанность в отношении известного лица, чье право нарушено. В противном случае мы должны были бы признать, что субъективные абсолютные права граждан постоянно нарушаются и, следовательно, непрерывно защищаются в неких общих правоотношениях.

Таким образом, вывод о том, что субъективные права и обязанности могут осуществляться вне конкретных правовых связей (помимо правоотношений), ни в коей мере не означает того, что допускается возможность деятельности субъектов права в отрыве от сложившихся общественных отношений, что субъективные права отрываются от обязанностей. Просто необходимо уяснить, что проблема субъективных прав и обязанностей не является всего лишь составной частью теории правоотношения, а «должна решаться в известной мере самостоятельно и более широко» [7, с. 117].

В этой связи следует обратить особое внимание на серьезную уязвимость представлений о том, что соотносимость прав и обязанностей субъектов права заключается в их противопоставлении (право у одной стороны правоотношения, обязанность – у другой). На самом деле и субъективные права, в том числе абсолютные (право собственности, свобода совести и т. д.), также предполагают корреспондирующие им субъективные обязанности, но прежде всего у самого обладателя субъективного права. Речь идет о том, что лица, обладающие имуществом, свободой совести и т. д., обязаны пользоваться соответствующими субъективными правами так, чтобы не нарушать права и свободы других лиц. Представляется, что такое соотношение субъективных прав и обязанностей, реализуемых вне правоотношений, в большей мере соответствует отстаиваемому тезису («нет прав без обязанностей...»),

чем допущение у одной стороны абсолютного правоотношения только прав, а у другой – только обязанностей (не нарушать тех прав).

Тем не менее существование абсолютных правоотношений допускается не только в литературе по общей теории права, но и в современных отраслевых научных и учебных изданиях [10, с. 388; 11, с. 63–64]. В связи с этим попытаемся проследить более подробно придаваемую им юридическую значимость.

Конструкция абсолютного правоотношения предполагает бессрочную обязанность каждого воздерживаться от нарушения субъективного абсолютного права определенного управомоченного лица. Эта конструкция допускает существование таких правоотношений, в которых субъекты не находятся в непосредственной правовой связи между собой. Предполагается, что в такого рода правоотношениях наряду с конкретным обладателем абсолютного права участвуют якобы все, кто потенциально может это право нарушить – и те, кто рядом, и те, кто далеко, даже за рубежом, и те, кто знает, скажем, собственника, и те, кто не желает его знать и тем более не интересуется его имуществом. Справедливо полагая, однако, что в правоотношении стороны все же должны быть как-то конкретизированы, некоторые авторы пытались представить в виде определенности субъектного состава абсолютных правоотношений качественную определенность лиц, противостоящих обладателю абсолютного субъектного права (все граждане, все физические лица, все должностные лица и т. д.). Но, как уже отмечалось более полувека тому назад, с практической точки зрения просто невозможно себе представить такую конкретизацию субъектного состава правоотношения, которая достигается якобы путем возложения на всех, кто обладает определенными признаками, или обеспечивается посредством очерчивания персонально не определенного круга лиц самим субъективным правом [12, с. 77; 13, с. 300].

Понимая, судя по всему, несостоятельность попыток конкретизировать субъектов, обязанных не нарушать абсолютные субъективные права, но поддерживая идею о существовании абсолютных правоотношений, в которых они реализуются, Р.О. Халфина пришла к выводу, что точная определенность участников вообще не является специфическим признаком правоотношения. Свое мнение она обосновала тем, что уголовное правоотношение, в частности, возникает якобы в связи с совершением преступления, хотя личность преступника при этом может быть еще не установлена [14, с. 246]. Но этот аргумент в пользу абсолютных правоотношений сомнителен уже хотя бы потому, что вопрос о моменте возникновения уголовного правоотношения в юридической науке еще остается дискуссионным. Представляется все же,

что возникновение уголовного правоотношения невозможно без установления в качестве совершенно конкретной его стороны лица, как минимум обвиняемого в совершении преступления или, скорее всего, признанного судом виновным в его совершении и осужденного путем вынесения обвинительного приговора, вступившего в силу. При иных обстоятельствах складываются, видимо, другие правоотношения с конкретным составом участвующих сторон (уголовно-процессуальные и иные) [15, с. 87–88; 16, с. 342].

Что же на самом деле представляют собой так называемые абсолютные правоотношения, которые характеризуются «поименной» определенностью лишь одной стороны? Представляется, что в данном случае речь может идти не о правоотношениях, а о реализации абсолютных субъективных прав вне правоотношений (пользование лично произведенной продукцией, подаренными вещами, отправление религиозных обрядов и т. п.). Предусматриваемая же концепцией абсолютного правоотношения обязанность всех и каждого не нарушать абсолютное субъективное право есть не что иное, как правовое предписание. В этом отношении не вызывает сомнений обоснованность вывода известного российского цивилиста Д.М. Генкина о том, что вкладываемое в понятие абсолютного правоотношения содержание, смысл которого состоит в возложении обязанности на всех, есть на самом деле установление общего правила поведения, определяемого объективным правом [17, с. 35]. Действительно, именно правовые нормы распространяются на всех и каждого, т. е. на персонально не определенный круг лиц. Нормативное же положение никак не может включаться в структуру правового отношения, отличающегося абсолютной конкретностью своего персонального состава.

Но не означает ли осуществление абсолютных субъективных прав их носителями самостоятельно, вне правоотношений с конкретными лицами и независимо от них, что субъекты права находятся в отношениях с самими собой или с некоторыми материальными или другими объектами? Безусловно, нет. Дело в том, что право регулирует общественные отношения не только посредством установления правоотношений между конкретными лицами. Если субъективное право носит относительный характер, т. е. ему противостоит активная или пассивная обязанность определенного лица (или лиц), то возникновение и реализация такого субъективного права действительно происходит в рамках правоотношения. Но если субъективному праву противостоит установленная законом всеобщая пассивная обязанность неопределенного круга лиц, то правовое регулирование общественных отношений в таком случае происходит помимо правоотношения, т. е. без установления конкретных правовых связей между субъектами права. Лишь

нарушение абсолютного субъективного права вызывает к жизни определенное правовое отношение, в котором реализуется относительное субъективное право по его защите. Но само по себе абсолютное субъективное право полностью сохраняется за его носителем как до возникновения и во время существования соответствующего правоотношения и после его прекращения, так и после его прекращения, пока не возникнут обстоятельства, в связи с которыми оно не будет изменено или утрачено совсем, например в связи с отчуждением имущества, использовавшегося на основе права собственности.

В подтверждение высказанных выше соображений относительно «абсолютных» правоотношений позволим себе опереться на мнение по этому поводу известного российского правоведа В.С. Нерсесянца, который отмечал, что вне процесса конкретизации общих положений объективного права ни абстрактные правовые возможности субъектов права, включая и абстрактную компетенцию государственных органов и должностных лиц, не могут быть превращены в соответствующие конкретные субъективные права и обязанности, ни эти субъективные права и обязанности не могут быть осуществлены (включая и использование конкретных правоприменительных правомочий государственными органами и должностными лицами). А во всех правоотношениях правам и обязанностям субъекта соответствуют (корреспондируют) обязанности и права другого субъекта, «так что так называемых абсолютных правоотношений (т. е. правоотношений с одним – единственным правомочным субъектом) нет и по определению быть не может» [18, с. 516–517].

Немного сложнее обстоят дела с определением так называемых общерегулятивных правоотношений. Ведь речь идет о таких юридических отношениях, которые будто бы «закрепляют» существующий общественный порядок и «составляют основу» правового статуса личности. При этом утверждается, что «правоотношения общерегулятивного характера есть реальный факт, который является совершенно очевидным и который все труднее становится отрицать» [6, с. 175]. В связи с этим существует необходимость подробнее рассмотреть содержание, вкладываемое в понятие общерегулятивных правоотношений, определить конкретные их формы, практическое значение, соотношение с правом. Такая необходимость обуславливается еще и тем, что по весьма категорическому замечанию сторонников общерегулятивных правоотношений «деление правоотношений на общие и конкретные имеет в известной мере методологическое значение, так как позволяет более глубоко уяснить роль права в жизни общества и многообразные пути его воздействия на поведение людей» [19, с. 509].

Принимая во внимание последнее замечание, необходимо отметить, что методологические подходы к решению той или иной научной

проблемы могут быть различными, в том числе непродуктивными и даже ошибочными. Скажем, в рассматриваемом нами случае можно исходить из того, что право и правоотношения – категории, играющие существенно различные роли в механизме правового регулирования, что правоотношения являются одним из средств воздействия права на общественные отношения и поэтому не могут относиться к праву, не способны сами по себе регулировать общественные отношения. Но можно исходить и из того, что правоотношения все же могут регулировать общественные отношения, что они служат специфическими моделями поведения субъектов права и, следовательно, относятся к самому праву. Но не исключаются и другие, так сказать «промежуточные» подходы, при которых правоотношения не относятся к праву, но все же способны как-то регулировать общественные отношения. Последний вариант (своего рода компромиссный) вообще едва ли может рассматриваться как методологически состоятельный в силу своей внутренней противоречивости. Так вот, исходя из методологической важности рассматриваемой проблемы и попытаемся оценить теоретическую и практическую значимость концепции общерегулятивных правоотношений.

Первоначально в основе обоснования существования общерегулятивных правоотношений лежала критика «узкоцивилистических» представлений о правоотношениях, которые якобы не соответствуют действительным правовым формам реализации конституционных (основных) прав и свобод граждан. «В соответствии с делением прав на общие (основные) и конкретные (отраслевые), – писал ранее Н.И. Матузов, – правоотношения также могут быть подразделены на общие и конкретно-отраслевые» [6, с. 176]. С.С. Алексеев также полагал, что «складывающиеся при реализации конституционных прав и обязанностей общерегулятивные отношения... это не конкретные связи между неопределенными лицами, а специфическое состояние, в котором находится данный субъект и которое определяет его положение по отношению ко всем другим лицам» [5, с. 274].

Авторы приведенных строк, видимо, не учитывали то, что конституционное (государственное) право – это тоже отрасль права (даже если считать его ведущей, главенствующей, определяющей содержание всех других отраслей), в которой содержатся нормативные положения, реализация которых возможна только путем превращения статутных прав, свобод и обязанностей в субъективные. А это возможно лишь при наличии соответствующих юридических фактов.

Назначение Конституции заключается в правовой интеграции социальных и политических институтов. Именно поэтому она устанавливает исходные положения и основные принципы для всех отраслей права [20, с. 108, 112]. В связи с этим уже неоднократно обращалось

внимание на то, что конституционные нормы, в которых закреплены основные права и обязанности граждан, конкретизируются в текущем законодательстве, обеспечиваются и защищаются посредством правовых норм, содержащихся в отраслях права, регулирующих совершенно конкретные отношения [14, с. 118–129; 21, с. 68]. Неслучайно такие конкретизирующие нормы признаются источниками и конституционного права. Следовательно, конституционные (основные) права и обязанности также осуществляются в конечном счете в правоотношениях, в которых как субъекты, так и их личные права и обязанности совершенно четко определены. Но это не значит, что конституционные нормы не могут применяться непосредственно. Как показывает правоприменительная, и прежде всего судебная, практика, это происходит обычно в случаях пробельности законодательства путем использования аналогии в праве, т. е. опять-таки посредством обычных, достаточно конкретизированных правоотношений.

Тем не менее приведенные выше суждения об общерегулятивных правоотношениях получили некоторое распространение в юридической литературе. Д.А. Ковачев высказал даже мнение, что выделение в качестве особого вида правоотношений еще и общерегулятивных является большим достижением советской юридической науки, позволяющим «преодолеть узкий горизонт гражданского права в теории правоотношений» [22, с. 41]. Поддерживая и развивая это мнение, Н.И. Матузов пишет: «Прогресс, достигнутый в развитии прав и свобод граждан, неизбежно вызывает ломку старых представлений, ибо новые реалии не укладываются в господствовавшие до сих пор понятия. Чтобы отразить изменившиеся условия, теоретическая мысль ищет новые конструкции, построения либо наполняет старые термины новым содержанием» [19, с. 506].

Приведенные мысли, несомненно, революционны. И все же не совсем понятно, зачем ломать «старые представления», которые складывались столетиями и даже тысячелетиями. Нам такие намерения и такого рода «конструкции и построения» во многом уже известны, как известно и то, что от них приходилось отказываться. Но под ними, видимо, все же имелись некие основания. Не заключались ли они в том, что в недавнее время существовали представления о конституционных (основных) правах и свободах как о принадлежащих не только всем, но и каждому в отдельности, что, будучи закрепленными в Конституции, они автоматически приобретают субъективный (личный) характер и не требуют для своей реализации каких-либо дополнительных юридических гарантий типа юридических фактов, конкретных правовых взаимоотношений, в том числе правозащитных? Скажем, свобода слова, реализуемая в печати, никак не связывалась с правоотношениями с конкретным издателем, свобода передвижения и выбора

места жительства – с органами, ведающими разрешительной пропиской, свобода митингов и демонстраций – с соответствующими административными органами. Поэтому не ставились в правовом плане и вопросы об обеспечении и охране соответствующих прав и свобод. При таких обстоятельствах абстрактные общерегулятивные правоотношения весьма удачно вписывались в существовавшую политическую систему, ибо их признание означало, что основные права и свободы не только провозглашаются, но и реализуются как субъективные (вытекают непосредственно из закона) и не требуют особой персонификации и конкретизации в традиционно признаваемых правоотношениях.

В этой связи едва ли следует игнорировать мнение о том, что конструкция общерегулятивных правоотношений была в прошлом своеобразным научным оправданием бездействия тогдашних конституций, их комуфляжного фасада, за которым творилось прямо противоположное тому содержанию, которое вкладывалось в понятие такого рода правоотношений. Как отмечал А.Б. Венгеров, «несмотря на благие намерения авторов и сторонников этой идеи, она сыграла социально негативную роль» [23, с. 50].

Родоначальники общерегулятивных правоотношений всегда подчеркивали их связь именно с Конституцией, с реализацией основных (конституционных) прав и свобод граждан. Но если в общерегулятивных правоотношениях каждый «обязан не нарушать... права, кто бы то ни был их носителем» [5, с. 274], то возникает вопрос: почему такие правоотношения должны ограничиваться реализацией только конституционных прав и обязанностей? И, думается, неслучайно, следуя законам формальной логики, некоторые авторы идут дальше, распространяя сферу существования общерегулятивных правоотношений и на правоохранительную деятельность. Л.М. Розин, в частности, находит, что общерегулятивные правоотношения складываются в соответствии с нормами не только конституционного, но также и административного и уголовного права. Общерегулятивные правоотношения, возникающие, в частности, из уголовного законодательства, усматриваются им в том, что все граждане, зная о запрещении законом определенных действий, строя свое поведение с учетом этих требований [24, с. 226–228].

Идея существования общерегулятивных правоотношений воспринята и некоторыми другими представителями науки уголовного права (С.Г. Келина, Б.Т. Разгильдиев, В.А. Елеонский, Н.А. Огурцов). Эта идея, по их мнению, позволяет признать наличие так называемых первичных (исходных, базовых) правоотношений, постоянно существующих между государством и всеми гражданами по поводу соблюдения последними уголовно-правовых норм. После совершения определенным лицом преступления возникает конкретное правоотношение меж-

ду ним и соответствующим государственным органом или должностным лицом [25, с. 14–62].

Трудности, однако, возникают сразу же, как только мы попытаемся определить правовую природу таких общерегулятивных правоотношений в сфере действия уголовного права. Ведь в соответствии со сложившейся системой национального права общерегулятивные правоотношения, возникающие якобы непосредственно из уголовного законодательства, следовало бы признать уголовно-правовыми. Но уголовно-правовые отношения неразрывно связаны с уголовной ответственностью, тогда как общерегулятивные отношения с юридической ответственностью не связываются вообще. Поэтому совершенно очевидно, что говорить об упомянутых выше общерегулятивных (или «общеохранительных») правоотношениях как об уголовно-правовых значило бы признавать в каждом гражданине потенциального преступника. На самом же деле уголовно-правовые отношения, как и любые другие правоохранительные отношения, возникают лишь в связи с виновным нарушением тех или иных правовых предписаний.

Что же в действительности представляют собой не укладывающиеся в понятие конкретно-отраслевых правоотношений так называемые общерегулятивные правоотношения? Для ответа на этот вопрос обратимся к достаточно определенной их характеристике, даваемой самими создателями рассматриваемой концепции. «Специфика общерегулятивных правоотношений, – пишет Н.И. Матузов, – заключается в следующем: 1) они возникают главным образом на основе норм Конституции и других правовых актов такого же уровня и значения; 2) носят общий, а не строго индивидуализированный характер; 3) являются постоянными или продолжительными, их длительность равна длительности действия самого закона; 4) опосредствуют наиболее важные, основополагающие, относительно стабильные отношения; 5) выражают общее правовое положение (статус) субъектов, их взаимные права и обязанности, свободы и ответственность друг перед другом и перед государством; в этом смысле их можно назвать *статусными*; 6) возникают не из тех или иных юридических фактов, а, как правило, непосредственно из закона, точнее, тех обстоятельств, которые привели к его изданию; 7) *будучи исходными, первичными (базовыми)*, служат предпосылкой для появления и функционирования разнообразных конкретных, частно-отраслевых правоотношений» [19, с. 510].

Приведенная характеристика общерегулятивных (общих) правоотношений дополняется еще одним обстоятельством, которое едва ли усиливает аргументацию в их пользу: «Различия между конкретными и общими правоотношениями заключаются также в том, что если пер-

вые связаны в основном с такой формой реализации юридических норм, как *применение*, то вторые – с тремя остальными: *соблюдением, исполнением и использованием*. Соответственно конкретные правоотношения носят *правоприменительный* характер, а общие – *правоохранительный и правообеспечительный*» [19, с. 507]. С такой градацией невозможно согласиться, поскольку все виды реализации правовых норм способны осуществляться в форме обычных, персонально конкретизированных правоотношений (а тем более правоохранительная деятельность). Поэтому обратимся к оценкам, приведенным выше.

Если действительно исходить из того, что общерегулятивные правоотношения носят всеобщий, а не индивидуализированный характер, т. е. содержат общие для всех и каждого права и обязанности, являются бессрочными, определяют правовой статус субъектов права, возникают не вследствие юридических фактов, а непосредственно из закона, т. е. выражают волю законодателя, служат основой для возникновения конкретно-отраслевых правоотношений, то не остается ничего иного, кроме как признать их общенормативный характер. Иными словами, общерегулятивные правоотношения – не что иное, как юридическое закрепление тех или иных общественных связей, их правовое выражение, короче говоря, правовые нормы. Даже само их название – общерегулятивные – это подтверждает.

Таким образом, желая того или нет, но сторонники общерегулятивных правоотношений если и не отождествляют их с правом, то относят к какой-то его части (рассматривают в качестве регулятора общественных отношений). Однако несостоятельность придания каким бы то ни было правоотношениям свойств, черт, признаков права, отличающегося от других юридических явлений именно своим общерегулятивным характером (нормативностью), обстоятельно показана в ряде работ, в том числе в работах самих сторонников общих (общерегулятивных) правоотношений [26, с. 221]. При этом совершенно обоснованно отмечалось, что смешение права с какими бы то ни было правоотношениями несостоятельно, ибо приводит либо к тому, что право сводится к фактическим отношениям, либо к тому, что правоотношения рассматриваются как абстрактная связь прав и обязанностей, заложенная в юридической норме [27, с. 18–20].

Правда, если рассматривать общерегулятивные правоотношения как такие связи между субъектами права, которые полностью соответствуют Конституции, законам и подзаконным правовым актам, то в этом случае речь, скорее всего, может идти о такой известной юридической категории, как *правопорядок*. Ведь именно *правопорядок* представляет собой такую систему общественных отношений, поведение

участников которых соответствует установленным законодательством правам и обязанностям (как в результате предусмотренного правом взаимодействия конкретных субъектов, когда между ними имеют место правовые отношения, так и вследствие соблюдения абсолютных субъективных прав, когда правоотношения не возникают). Таким образом, анализ признаков так называемого «общерегулятивного» правоотношения приводит к выводу, что в данном случае мы наблюдаем объединение в одном понятии совершенно разноплановых правовых явлений (самого права, правопорядка, правоотношений). Но если еще можно определенную часть правопорядка рассматривать в качестве общих отношений, т. е. реальных общественных связей, существующих в сфере правового регулирования, но не в форме правоотношений, то вряд ли допустимо такие отношения наделять чертами, являющимися специфическими признаками права.

Специфика осуществления норм права в правоотношении состоит в конкретизации взаимодействующих субъектов права и точной определенности их взаимообусловленных субъективных прав и обязанностей. «Правоотношение нельзя признать реально существующим, – справедливо подчеркивал Н.И. Загородников, – если не установлены, не персонифицированы конкретные его участники, не определено конкретное содержание этого правоотношения» [28, с. 43]. Именно участие в правоотношении конкретных лиц со взаимными персонально приобретенными правами и обязанностями отличает его от правовой нормы, предусматривающей соответствующее правоотношение в абстрактной форме (в форме модели) и закрепляющей не точные меры возможного и должного поведения совершенно определенных субъектов права, а пределы (масштаб) возможного и должного поведения всех лиц, подпадающих под установленные законом признаки, т. е. статутные права и обязанности.

Следует отдать должное сторонникам общерегулятивных правоотношений, которые признают, что юридическая практика продолжает пользоваться только индивидуализированными во всех отношениях правоотношениями. «Повседневную практику, – допускает Н.И. Матузов, – это пока, возможно, удовлетворяет, а теорию – нет. Ведь последняя призвана идти впереди практики, освещая ей путь» [19, с. 505]. С последними словами можно согласиться, но с одной существенной оговоркой: именно практика является решающим критерием теоретических версий. И если практика уже скоро как около полувека не воспринимает постулаты концепции общерегулятивных правоотношений, то над этим следует серьезно задуматься.

На это обстоятельство в научной литературе уже не раз обращалось внимание. Особо подчеркивалось, что конструкции абсолютных и особенно общерегулятивных правоотношений являются попытками переноса на юридические отношения характеристик правовых норм. «Между тем, – отмечает Ю.И. Гревцов, – существуют специальные государственные органы, в задачу которых входит установление реальности существования тех или иных правовых отношений и последствий их реализации. Полагаем, что в практике судов, административных органов не было ни одного случая обращения к абсолютным или общим правовым отношениям с целью доказывания реальности их существования и наступления каких-либо последствий их реализации» [29, с. 278–279].

Следует отметить, что и попытки найти компромиссное решение рассматриваемого вопроса, заключающиеся в допущении общих правоотношений, но лишенных способности закреплять и регулировать какие-либо иные отношения [30, с. 499], успеха не приносили и принести не могут. Ведь общие правоотношения «общерегулятивны» в соответствии с тем смыслом, который в них вкладывается. Все это позволяет полагать, что наиболее плодотворное решение проблем правовых отношений следует искать не посредством ломки сложившихся представлений о формах реализации правовых норм и конструирования новых видов правоотношений, по сути дела тождественных праву, а путем углубленного изучения и обобщения различных аспектов взаимоотношений конкретных субъектов права, которые обладают взаимными персональными (субъективными) правами и обязанностями и в действиях которых реализуются их личная воля и интересы.

По всей видимости, необходимо исходить из того, что не всякая правовая связь должна рассматриваться как правоотношение. Всеобщая правовая связь, определяемая правовой нормой и не обусловленная юридическими фактами, относится к сфере объективного (позитивного) права. Правоотношения же при всех обстоятельствах есть форма реализации права, предполагающая абсолютную конкретизацию ее элементов, включая и субъектов¹.

---

¹ Правоведы, понимающие под правоотношениями конкретные правовые связи, нередко пользуются словосочетанием «конкретное правоотношение». Это обстоятельство позволяет предполагать, что тем самым допускается существование каких-то «неконкретных» правоотношений. Во избежание такого рода толкований и с учетом того, что конкретность является характерным (неотъемлемым) качеством правоотношения, представляется излишним добавлять к понятию «правоотношение» еще и определение «конкретное».

Библиографические ссылки

1. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. М., 1966.
2. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 21.
3. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 37.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. Т. 26.
5. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 1. Свердловск, 1972.
6. Матузов, Н.И. Личность, права, демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. Саратов, 1972.
7. Явич, Л.С. Право и общественные отношения / Л.С. Явич. М., 1971.
8. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 16.
9. Фарбер, И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве / И.Е. Фарбер. М., 1970.
10. Витушко, В.А. Курс гражданского права. Общая часть : науч.-практ. пособие / В.А. Витушко. Т. 1. Минск, 2001.
11. Колбасин, Д.А. Гражданское право. Общая часть : учеб. пособие / Д.А. Колбасин. Минск, 2004.
12. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения / Ю.К. Толстой. Л., 1959.
13. Общая теория права. М., 1966.
14. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
15. Божьев, В.А. Уголовно-правовые и процессуальные отношения / В.А. Божьев, Е.А. Фролов // Совет. государство и право. 1974. № 1.
16. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005.
17. Генкин, Д.М. Право собственности в СССР / Д.М. Генкин. М., 1961.
18. Нерсесянц, В.С. Общая теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / В.С. Нерсесянц. М., 2000.
19. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997.
20. Коток, В.Ф. Содержание конституционного права / В.Ф. Коток // Совет. государство и право. 1971. № 2.
21. Воеводин, Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л.Д. Воеводин. М., 1972.
22. Ковачев, Д.А. Функция, задачи, компетенция и правоспособность государственного органа / Д.А. Ковачев // Правоведение. 1985. № 4.
23. Венгеров, А.Б. Прямое действие Конституции: правовые, социальные и психологические аспекты / А.Б. Венгеров // Обществ. науки и современность. 1995. № 5.
24. Розин, Л.М. Правоотношения, возникающие в связи с назначением и исполнением наказания / Л.М. Розин // Тр. Высш. шк. МВД СССР. М., 1971. Вып. 28.
25. Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права РФ / Б.Т. Разгильдиев. Саратов, 1995.

26. Алексеев, С.С. О понятии права / С.С. Алексеев // Правоведение. 1970. № 1.
27. Явич, Л.С. К вопросу об определении понятия социалистического права / Л.С. Явич // Правоведение. 1966. № 2.
28. Загородников, Н.И. О пределах уголовной ответственности / Н.И. Загородников // Совет. государство и право. 1967. № 7.
29. Общая теория государства и права : академ. курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 1998.
30. Марксистско-ленинская теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.

© Кучинский В.А., 2008

Н.А. Горбатов

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО ОТНОШЕНИЯ

В условиях формирования в Беларуси социального правового государства, перевода экономики на рыночные отношения исключительно важное значение приобретает проблема использования в полной мере созидательного потенциала права как крупной регулятивной социальной системы в целях ускорения прогрессивного развития общества.

В контексте достижения этой цели возникает настоятельная необходимость дальнейшего исследования практических и теоретических аспектов правового феномена, выявления и использования недостаточно познанных его свойств, качеств, возможностей эффективного воздействия на общественные отношения для их упорядочения, оптимизации и развития.

К числу весьма значимых проблем повышения регулятивного потенциала права относится проблема правоотношений. Она тесно связана с функционированием всего механизма социально-юридического регулирования общественных отношений.

Правовое отношение, по общему признанию ученых, представляет собой уникальное юридическое средство перевода правовых установлений, содержащихся в нормах объективного права, в жизнь, в деятельность конкретных субъектов, в реальные общественные отношения [1, с. 115; 2, с. 36; 3, с. 93; 4, с. 4].

Теория правоотношения, его понятие позволяют профессионально осмыслить процесс реализации права, проникнуть в его юридическую сущность. Правоотношение дает возможность выяснить, кто является носителем субъективных прав и обязанностей, в чем они заключаются,

по поводу каких объектов, в какой момент времени и на каком основании возникают. Все это имеет первостепенное значение для правильного, обоснованного и законного решения юридических дел, эффективного применения правовых норм. В сущности, как правильно замечает Ю.И. Гревцов, правоотношение показывает уровень реального пользования правами и свободами в обществе [5, с. 269].

Значение дальнейших общетеоретических исследований правоотношений определяется и тем, что их результаты используются во всех отраслевых юридических науках. Эта проблема тесно связана с практикой, поскольку социально-экономические, политические процессы в значительном объеме протекают в форме правоотношений.

По общему признанию ученых, правовые отношения занимают центральное место в механизме правового регулирования. Но несмотря на это обстоятельство, проблема правоотношений в теоретической юридической науке остается наиболее дискуссионной, начиная с определения этой категории и заканчивая более детальными вопросами и положениями.

К числу спорных проблем (положений), раскрывающих суть правоотношения, его место и роль в механизме правового регулирования, высвечивающих органическое единство прав и обязанностей в процессе правореализации, относится проблема состава, структуры этого юридического явления.

В рамках исследования правоотношения как сложного в познавательном смысле объекта в целях выяснения характерных особенностей его внутреннего строения ученые-правоведы уже давно обращались к изучению состава и структуры правоотношения. Этот вопрос рассматривался в монографиях многих правоведов советского периода [1; 2; 3; 4; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13].

К сожалению, последние 15 лет проблемы правоотношений, в том числе и их структуры, остаются, в сущности, в законсервированном состоянии. В этот период появлялись редкие публикации, касавшиеся в основном особенностей правоотношений, возникающих в определенных сферах правового регулирования. В учебной литературе спорные положения чаще всего не затрагиваются. Материал излагается в позитивном плане в зависимости от позиций, которых придерживается соответствующий автор. Что касается состава правоотношения, то о нем упоминается лишь в некоторых учебных изданиях и чаще всего без обозначения проблемного характера вопроса.

Все это указывает на необходимость дальнейшего исследования строения правоотношений с учетом накопленного научного материала

и юридической практики, с тем чтобы преодолеть существенные расхождения ученых во взглядах на данный вопрос.

Большинство ученых-юристов единодушны в оценке правового отношения как сложного образования. В основном оно рассматривается как некая сложная целостность, имеющая свой состав и свою структуру. В юридической теоретической литературе по-разному трактуются понятия «состав правоотношения» и «структура правоотношения». В одних случаях речь идет о составе правоотношения, который включает в себя ряд элементов. А.Ф. Черданцев, в частности, полагает, что состав правоотношения – «это его строение, структура. Состав говорит о том, из чего складывается правоотношение» [14, с. 292]. И далее он уточняет, какие части (элементы), по его мнению, входят в этот состав. С.С. Алексеев пишет о составе (элементах) правоотношения как о его внутреннем строении [3, с. 98–99]. Существует также позиция, согласно которой применяется понятие «структура правоотношения». Структура рассматривается не только как состав элементов правоотношения, но и как способ взаимодействия этих элементов [2, с. 204, 211]. Этот подход в большей степени приближается к философской трактовке структуры, в соответствии с которой она (структура) понимается как совокупность внутренних связей, строение, внутреннее устройство объекта. Понятие «структура» в этом смысле родственно таким понятиям, как «связь», «взаимодействие», «отношение» [15, с. 686].

Выделение элементов, входящих в состав правоотношения, во многом обусловлено тем, как трактуют ученые само понятие правоотношения. На это следует обратить внимание, поскольку в юридической литературе встречаются суждения о правоотношении как чисто юридической связи между субъектами. Еще в 60-е гг. прошлого века, например, Ю.К. Толстой писал, что правоотношение есть лишь связанность субъектов правами и обязанностями [16]. При таком понимании правоотношения, как замечает С.С. Алексеев, оно складывается только из субъективных юридических прав и обязанностей [3, с. 98]. Однако большинство авторов, исследующих правоотношение, склонны видеть в нем, как уже указывалось, комплексное явление, сложное социально-правовое образование, представляющее собой диалектическое единство социального и юридического. При таком понимании правоотношения оно включает в себя не только юридические компоненты, но и все то, что охватывается понятием «материальное содержание». Анализ правоотношения в этих случаях предполагает комплексный подход, т. е. подход, учитывающий как его социально-экономическую основу, так и собственно юридические свойства. Правоотношение в таком его понимании выступает элементом юридиче-

ской практики и выражается как процесс осуществления в социальной действительности юридических прав и обязанностей. Опосредуя экономические, политические, социальные и иные общественные отношения, правоотношения обеспечивают организованное взаимодействие между участниками этих отношений. Многие ученые-юристы подчеркивают, что правоотношение отдельно или вне какого-либо реального отношения существовать не может. Субъективные юридические права и обязанности теряют смысл, если рассматривать их в отрыве от реальных жизненных отношений [10, с. 99].

При таком широком понимании правоотношения в нем выделяют в качестве составных частей такие элементы¹, как субъекты правоотношения, их субъективные права и обязанности, фактическое поведение субъектов, объекты правоотношения [3, с. 98–100].

Как отмечает В.Н. Протасов, сама постановка вопроса о составе правоотношения рассматривается в силу сложившегося социально-правового смысла категории «правоотношение», который характеризуется выделением в нем совокупности элементов [4, с. 43]. С.С. Алексеев подчеркивает, что использование понятия «состав правоотношения» в полной мере соответствует сложившимся еще в советском правоведении научным традициям и словоупотреблению [3, с. 100]. Следует обратить внимание на то, что примерно о таком же составе правоотношения шла речь в работах известных юристов дореволюционной России [17, с. 570].

В юридической литературе последних лет (преимущественно учебной) большинством авторов приводится именно такой состав правоотношения с некоторыми вариантами. В сущности, как уже упоминалось, по каждому из перечисленных элементов нет единства мнений ученых, но особенно неоднозначно трактуется содержание правоотношений. В одних случаях говорится лишь о юридическом содержании правоотношения, под которым понимаются субъективные юридические права и обязанности его участников, а их фактическое поведение не включается в этот состав [14, с. 292]. В других – предлагается различать материальное содержание, т. е. фактическое поведение субъектов, и юридическое содержание, т. е. субъективные юридические права и обязанности [3, с. 100]. Некоторые авторы в качестве единого содержания правоотношений рассматривают права и обязанности их участников и реальные действия по их использованию и осуществле-

---

¹ Этот термин, по мнению С.С. Алексеева, может быть применен здесь лишь в условном его значении.

нию [18, с. 244]. В этом случае единым понятием охватываются разные явления, играющие в структуре правоотношения особые роли.

Существует и такая научная позиция, касающаяся структуры правоотношения, которая в значительной степени отличается от изложенных взглядов. Ее сторонники в структуре правоотношения наряду с субъектом и объектом выделяют еще два элемента: юридическую форму правоотношения, которая выражается в субъективных юридических правах и обязанностях, и содержание правоотношения, которое представляет собой фактическое поведение, фактическую деятельность субъектов (участников) правоотношения. Эта трактовка состава правоотношения также не является новой [1, с. 114]. И хотя в последние годы этой позиции в юридической литературе уделяют меньше внимания, она, на наш взгляд, не потеряла актуальности. Ссылаясь на работу А.С. Пиголкина и В.А. Кучинского, в которой излагалась указанная научная трактовка структуры правоотношения [19], В.Н. Протасов не без основания пишет, что данная концепция, согласно которой права и обязанности субъектов – это форма, а практическое поведение – содержание правоотношения, является наиболее плодотворной, позволяющей успешно решать многие специальные вопросы. На ее основе выделяются самые существенные стороны правоотношения и правильно устанавливается функциональная связь сторон [4, с. 70]. Р.О. Халфина также отмечает, что правоотношение, будучи реализацией нормы, представляет собой вместе с тем и конкретное общественное отношение, облеченное в правовую форму. Она подчеркивает, что сочетание указанных моментов – ключ к пониманию правоотношения в системе правового регулирования [2, с. 36]. В самом деле, когда при характеристике состава правоотношения идет речь о его содержании или в некоторых случаях пишут о двух содержаниях (юридическом и материальном), возникает вопрос о форме этого юридического явления. Он закономерен, поскольку в соответствии с философским знанием всякая природная или социальная реальность (каковой и является правоотношение) должна быть определенным образом организована, упорядочена, т. е. иметь форму своего выражения и существования. Во взаимосвязи содержания и формы содержание представляет ведущую, определяющую сторону объекта, а форма – ту его сторону, которая модифицируется, изменяется в зависимости от изменения содержания и конкретных условий его существования [20, с. 334].

Если рассматривать правовое отношение как целостное, системное социально-правовое явление и исходя из указанной философской посылки, то конструкция его структуры, включающей кроме иных эле-

ментов форму этого юридического явления, выглядит вполне логичной и обоснованной.

Действительно, в процессе жизнедеятельности люди вступают в многочисленные общественные отношения. В своем большинстве это объективно обусловленные социальные связи, вытекающие из природы человека и общества и являющиеся необходимым условием их существования. По своему характеру, содержанию это могут быть экономические, политические, социальные, организационно-технические, семейные и многие другие отношения. Все они осуществляются на основе исторически сложившейся системы социального регулирования. Значительная их часть подвергается регулированию при помощи права. Это, как правило, общественные отношения, имеющие наибольшую важность для общества и государства и объективно поддающиеся правовому воздействию.

Регламентируя при помощи юридических норм (правил поведения) человеческую деятельность в производственной, социальной, политической, духовной и других сферах, государство от имени общества стремится упорядочить ее, придать этой деятельности определенность, устойчивость, организованность, стимулировать ее развитие и обеспечить охрану. Иногда правовые установления, наоборот, ограничивают, а то и вытесняют определенные виды деятельности, если они не отвечают интересам прогрессивного развития общества. При этом содержание правоустановлений, применяемые юридические способы, методы воздействия на общественные отношения не могут, не должны носить произвольный характер. Они, как правило, детерминированы содержанием и особенностями тех общественных отношений, которые подвергаются правовому регулированию. Эффективность действия права зависит от многих факторов, но в первую очередь от степени соответствия содержания правовых предписаний характеру регулируемых реальных общественных отношений, от того, насколько точно «уловил» законодатель их суть, их дух и насколько адекватно отразил их в законодательстве.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что сам факт правовой регламентации соответствующих общественных отношений, т. е. закрепления в юридических нормах типичных моделей действия социальных субъектов в определенных жизненных ситуациях, иными словами, установления юридических рамок поведения, не дает основания судить о фактическом их поведении в этих рамках, т. е. о реальном действии, о «работе» этих моделей.

Как известно, содержащиеся в юридических нормах предписания относятся к сфере объективного права и выступают в виде долженств-

ования. Иными словами, это область возможного или должного поведения. Нормы права как должное, как модели будущего (должного) поведения создаются для того, чтобы это должное стало сущим и было реализовано в процессе взаимодействия людей. Лишь воплощение правовых предписаний в жизнь, в реальное поведение людей, в общественные отношения переводит их из сферы возможного, должного в сферу сущего, действительного. Следовательно, абстрактные, обращенные к персонально не определенным лицам предписания норм объективного права должны быть переведены в русло реальных действий конкретных субъектов. Механизм такого перевода предполагает возможность для конкретных участников общественных отношений обладать (иметь) и осуществлять на субъективном уровне права и обязанности, установленные нормами объективного права. Удовлетворяя свои взаимные потребности и интересы, вступая в этих целях в отношения друг с другом и действуя на основе и в рамках предписаний юридических норм, их участники и становятся обладателями субъективных (личных) прав и обязанностей, а сами отношения приобретают юридическую форму, т. е. становятся правовыми отношениями. При этом они не теряют свою социальную суть, свое социальное содержание. Они остаются экономическими, политическими, семейными и т. п.

Правовые отношения, таким образом, являются средством воплощения правовых норм в жизнь, средством (формой) их реализации. По мнению многих ученых-юристов, правоотношения представляют собой правовые нормы в действии, их «работающие» модели. В этой связи следует заметить, что правоотношение не может выступать моделью еще какого-то индивидуального поведения, как считает, например, Ю.Г. Ткаченко [10, с. 96, 97, 107], поскольку модели рассчитаны на типичные случаи, а правоотношение представляет собой индивидуализированную связь конкретных субъектов, действующих в соответствии с нормами права, которые и являются, как сказано, моделями (образцами) такого поведения. Определение субъективного права как меры дозволенного, возможного поведения не означает, что оно является потенциальным и нужны еще какие-то индивидуализированные модели для его реализации.

Потенциальная возможность персонально не определенных субъектов остается только в сфере объективного права до возникновения соответствующих юридических фактов. В дальнейшем, при превращении его в субъективное, движение права зависит и от воли его обладателя. И в этом случае правовая возможность превращается в действительность в пределах, определяемых правообладателем, если субъективное право одновременно не является и обязанностью.

Субъективные права и обязанности выступают в качестве формы правового отношения, поскольку именно они в конкретной жизненной ситуации при наступлении условий, указанных в правовых нормах (юридических фактов), в их пределах регламентируют, т. е. определяют параметры фактических отношений, фактического реального поведения их участников. Возникновение субъективных прав и обязанностей и является в сущности процессом облечения фактического отношения в юридическую форму, процессом внесения урегулированности и порядка в общественную практику. Субъективные юридические права и обязанности, очевидно, не могут быть юридическими качествами, свойствами субъектов правоотношения, как полагает В.Н. Протасов [4, с. 54], так как они представляют собой юридические рамки, формальные условия, в которые поставлены конкретные субъекты в соответствии с предписаниями объективного права. Именно эти условия, эти права и обязанности в конкретных ситуациях формируют, организуют реальное поведение субъектов. Но, как было сказано, факт деятельности социальных субъектов по удовлетворению взаимных потребностей и интересов на основе правовых норм не меняет социальной природы, социальной сути этой деятельности, т. е. характера фактического поведения субъектов. Право только организует, упорядочивает это поведение. Из этого следует, что именно эта деятельность, это фактическое поведение субъектов, а не субъективные права и обязанности и выступает непосредственным содержанием правоотношения, определяющим элементом его структуры. Очевидно, что характер содержания, социальная ценность тех или иных общественных отношений и вызывают потребность и необходимость в их юридической организации. В правоотношении, как видно, реализуется нормативное содержание права как регулятивной системы, содержание, отражающее эту потребность и необходимость и сформулированное в виде правовых предписаний. Содержанием же правоотношения выступает конкретная предметная деятельность социальных субъектов, их поведение в процессе жизнедеятельности.

Установления норм объективного права, составляющие его содержание, превращаются при определенных им же условиях в субъективные права и обязанности и трансформируются, таким образом, в юридическую форму соответствующего конкретного общественного отношения, фактического (материального) поведения конкретных лиц. Содержанием правоотношения при этом выступает только такое поведение субъектов, которое осуществляется в соответствии с предписаниями юридических норм. Из этого следует, что определенные общественные отношения могут осуществляться и не на основе норм права,

вне их рамок. Иными словами, они могут быть и не правовыми, не иметь юридическую форму, хотя и получили регламентацию в нормах объективного права. Если, например, у людей складываются фактические семейные отношения, то по содержанию, по своей сути, по характеру они являются такими же, как и те, когда семейные отношения осуществляются на основе соответствующей регистрации, соответствующего юридического оформления. Люди совместно ведут хозяйство, воспитывают детей и т. д. Другое дело, что в последнем случае эти отношения приобретают строгую юридическую определенность, порождают уверенность их участников в своем настоящем и будущем правовом положении. Такие отношения, оставаясь семейными отношениями, по существу становятся правовыми по форме, т. е. выступают на практике в форме правоотношений. Их социальные аспекты приобретают юридическое значение и в силу этого подпадают под защиту государства. Точно так же могут складываться отношения, например, между субъектами по займу денежных сумм. Если заимодавец совершенно уверен в нравственных качествах получателя заемной суммы, он не закрепляет, не оформляет этот акт юридически (хотя возможность такого оформления предусматривается нормами права). Очевидно, что отношения в данном случае зиждутся на нравственных началах. По своему смыслу, по своему содержанию они в основном не отличаются, не меняются и при условии, если бы они были оформлены юридически, т. е. при соблюдении процедуры надлежащего письменного заключения договора займа. Но при надлежащем их юридическом оформлении они приобретают юридическое значение и государственную защиту.

Изложенное подтверждает, что определенные общественные отношения (если они получили регламентацию в нормах объективного права) могут осуществляться под воздействием и неправовых норм социального регулирования (моральных, религиозных, корпоративных). На практике это означает, что поведение социальных субъектов, основанное на неправовых правилах поведения, может или совпадать с юридическими предписаниями, или не противоречить им. Если же поведение противоречит юридическим установлениям, то возникает ситуация противоправности, в том числе и тогда, когда непропорциональное поведение вуалируется, скрывается за соблюдением юридической формы (фиктивный брак, притворная сделка). При элементарном анализе приведенных примеров можно определенно установить, действовали ли социальные субъекты на основе юридических норм, т. е. в форме правоотношений, либо на основе неюридических социальных регуляторов (норм). Однако на практике встречается немало случаев,

когда это установить с определенностью затруднительно и даже невозможно. Такая ситуация возникает тогда, когда предписания моральных, религиозных и иных неюридических норм совпадают с предписаниями норм права. Можно лишь предполагать, например, что, не совершая кражи, хулиганства и т. п., все люди действуют исключительно в силу наличия правовых запретов этих деяний, ибо многие поступают так в силу того, что эти деяния неприемлемы для них с точки зрения моральных либо религиозных убеждений.

Установление здесь факта возникновения правоотношения затруднительно и потому, что правоотношение как юридическая форма фактического общественного отношения предполагает наличие связи реально взаимодействующих сторон. В процессе соблюдения запретов такая социальная связь не обнаруживается, так как лицо, соблюдающее запреты, в действительности ни с кем не взаимодействует. Не прослеживается зависимость поведения субъекта соблюдения запретов от юридически значимых действий, поведения иных конкретных лиц. Это поведение всецело находится во власти сознания и воли субъекта соответствующего поведения, зависит от его внутренних убеждений.

Следовательно, можно лишь предположить, что в таких случаях социальные субъекты действуют на основе либо неправовых, либо правовых регуляторов. Если допустить, что это происходит на основе последних, то следует согласиться с суждениями ряда ученых-правоведов, высказанными еще в 60-е гг. прошлого века (Л.С. Явич и др.), о возможности реализации правовых норм вне правоотношений. В свою очередь, это обстоятельство является одним из аргументов в пользу позиции тех авторов (Ю.И. Гревцов, В.К. Бабаев и др.), которые отрицают наличие так называемых абсолютных и общерегулятивных правоотношений и полагают, что эта конструкция не отражает истинного положения вещей. В самом деле, можно ли говорить о наличии правоотношения, когда неизвестны обе стороны соответствующей социальной связи? Более того, когда невозможно точно определить действовало ли лицо в соответствии с правовыми нормами или на основе их неюридических (моральных, религиозных) аналогов. Все сказанное приводит к выводу, что, в частности, при соблюдении запретов субъекты не вступают в правоотношения, а реализуют нормы права вне правоотношений, естественно, если можно установить, что основой для такого поведения были именно правовые предписания. В тех случаях, когда лицо является обладателем абсолютного субъективного права (собственник, автор и т. д.), его положение можно квалифицировать не как абсолютное правоотношение, а как юридическое состояние, как длящийся во времени юридический факт, который при определенных

обстоятельствах в совокупности с иными юридическими фактами может быть основанием для возникновения, изменения или прекращения различных правоотношений, вытекающих из этого положения.

Итак, в настоящее время юридической теоретической наукой правоотношение рассматривается как целостное социально-правовое явление, имеющее свой состав и свою структуру. Оно представляет собой персонифицированное реальное отношение, т. е. содержательную деятельность конкретных социальных субъектов, направленную на достижение определенного социального результата, на удовлетворение их взаимных жизненных потребностей и интересов, осуществляемую на основе правовой регламентации. Содержание общественных отношений уже «задано» соответствующей сферой социальной жизни. Правовая же регламентация преследует задачу придания этим отношениям организованности, стабильности, упорядоченности, установления их защиты от простого случая или произвола. Средством решения этой задачи и является правоотношение. Оно переводит в конкретное русло, сферу действительности предписания норм объективного права. Через субъективные права и обязанности реальное общественное отношение облекается в юридическую форму и становится правовым.

Анализ содержания правоотношений, т. е. лежащих в их основе фактических отношений, с наибольшей достоверностью показывает, насколько соответствуют юридические нормы реальным социальным потребностям и то, как следует усовершенствовать правовое регулирование, чтобы обеспечить его наибольшую эффективность.

Библиографические ссылки

1. Явич, Л.С. Право и общественные отношения / Л.С. Явич. М., 1971.
2. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
3. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 2. М., 1982.
4. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. М., 1991.
5. Общая теория государства и права : акад. курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 1998.
6. Кечеян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечеян. М., 1958.
7. Толстой, Ю.К. К теории правоотношения / Ю.К. Толстой. Л., 1959.
8. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. М., 1961.
9. Назаров, Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей / Б.Л. Назаров. М., 1976.
10. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. М., 1980.
11. Гревцов, Ю.И. Проблемы теории правоотношения / Ю.И. Гревцов. М., 1981.

12. Дудин, А.П. Диалектика правоотношения / А.П. Дудин. Саратов, 1983.
13. Бурлай, Е.В. Нормы права и правоотношения в социалистическом обществе / Е.В. Бурлай. Киев, 1987.
14. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учебник / А.Ф. Черданцев. М., 1999.
15. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1999.
16. Толстой, Ю.К. Еще раз о правоотношении / Ю.К. Толстой // Правоведение. 1969. № 1.
17. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. Вып. 1–4. М., 1910–1912. Вып. 3.
18. Общая теория права / под общ. ред. А.С. Пиголкина. М., 1996.
19. Пиголкин, А.С. Правоотношение – индивидуальная правовая связь / А.С. Пиголкин, В.А. Кучинский // Проблемы совершенствования советского законодательства : тр. ВНИИСЗ. Т. 7. М., 1976.
20. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 4-е изд. М., 1981.

© Горбатов Н.А., 2008

А.Ф. Вишневский

РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТАХ КАК ОСНОВАНИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Для возникновения, изменения или прекращения правоотношений требуется не только заинтересованность в этом субъектов права, но и определенные жизненные обстоятельства, факты. Последние могут быть самыми разнообразными. Не все из них оказывают влияние на правоотношения, а лишь те, которые обозначены в нормативных правовых актах и с которыми законодатель связывает возможность осуществления участниками правоотношений их субъективных прав и юридических обязанностей.

В различных нормах права, а точнее, в их гипотезах государство определяет вид тех жизненных условий, обстоятельств, т. е. реальных фактов, которые признаются значимыми в юридическом отношении и влекут за собой правовые последствия. Такие жизненные обстоятельства в правовой теории и практике называют юридическими фактами. С ними нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Авторы, исследующие проблему юридических фактов как оснований возникновения, изменения и прекращения правоотношений, единодушно указывают на то, что истоки понятия «юридический факт» необходимо искать в глубокой истории юридической науки. Так, один

из ведущих исследователей в рассматриваемой области юриспруденции В.Б. Исаков отмечает, что уже в римском праве различалось несколько оснований возникновения правоотношений: «В институциях Гая их четыре: контракт, квазиконтракт, деликт, квазиделикт. Позже стали выделять пятое основание – одностороннюю сделку. Выделялись также сроки, основания заключения и прекращения брака, основания перехода вещей по наследству и другие юридические факты» [1, с. 5]. Вместе с тем В.Б. Исаков, а также другие исследователи (О.А. Красавчиков, В.А. Кучинский, В.В. Ярков и др.) отмечают, что общее понятие юридического факта, как и понятие правоотношения, римские юристы не сформулировали. Правда, в последнее время в результате детального анализа сведений о юридических фактах в римских источниках и их оценок в историографии (прежде всего итальянской) делаются выводы, что среди существующего множества видов конкретных сделок, исков, сроков, видов правонарушений, фактических событий некоторое общее представление о юридических фактах косвенно, латентно все же присутствует в римском праве [2, с. 128–136; 3, с. 44–46]. «Развитие знаний о юридических фактах, – полагает А.А. Дворецкая, – остановилось в римской юриспруденции на уровне концептуального осмысления (общего замысла): есть многочисленные обобщенные абстрактные понятия, но еще нет систематизирующих, основополагающих для теории юридических фактов категорий (юридический факт, правовой акт, сделка). Римляне были настолько близки к их выведению, что пандектистика, применив метод абстрагирования, легко обобщила содержащийся в римских источниках материал и вывела эти категории. Образно говоря, незаконченная картина юридического факта в римском праве содержала уже наметившиеся, а иногда и четко очерченные фигуры (концепты), но еще слабо определяла общую идею. На основании этого позднейшая правовая наука, придав четкость уже имеющимся линиям и уточнив общую идею, смогла создать развитую теорию юридического факта» [4, с. 7].

Одним из направлений рецепции римского права в Западной Европе в Средние века стала попытка извлечения из него общих начал, способствующих «отделению разнородных и соединению однородных фактов, изучению целого как средства более полного познания частного» [5, с. 63]. Такой путь формирования прошла и теория юридического факта.

Данная теория обстоятельно начала формироваться в немецкой исторической школе права в первой половине XIX в. Следует, однако, отметить, что понятие «юридические факты», как и некоторые характерные их черты, было выработано прежде всего пандектистикой –

течением в правовой мысли, господствовавшим в Германии в указанный период. Его представители систематизировали и догматически обрабатывали нормативный материал римского права с целью выработки общих понятий, теорий, фундаментальных принципов права и т. д. В этой связи можно согласиться с профессором С.С. Алексеевым, который считает пандектистику «своеобразным концентратом культуры всепланетарного шедевра, римского частного права», «первой в истории универсальной системой юридических знаний», показателем «обобщений весьма высокого порядка» [6, с. 31, 595].

Примечательно, что категория «юридический факт» развивалась не из схоластических умозаключений, а из потребности правовой практики «охватить единым понятием разнообразные предпосылки движения конкретных правовых отношений» [1, с. 6].

Разработанное в римском праве деление оснований возникновения правоотношений на определенные виды было воспринято Кодексом Наполеона и развито в последующем в европейском законодательстве. Что же касается самого понятия «юридический факт», то, по мнению многих исследователей, впервые в научный оборот его ввел Ф.К. Савиньи в своем шеститомном фундаментальном труде «Система современного римского права» (1840) (в старой интерпретации перевода – «Система нынешнего действующего римского права») [7, с. 66]. «Я называю, – писал ученый, – события, вызывающие возникновение или окончание правоотношений юридическими фактами» [цит. по: 8, с. 421]. Насколько высокую оценку Савиньи давал праву Древнего Рима, можно судить уже по тому, что Свод законов Юстиниана он считал «сокровищницей не подверженных времени правовых ценностей, которые можно применять в современной практике»¹ [9, с. 9]. Следует согласиться со специалистами в области истории права, что и современная юридическая наука не должна отказываться от такого выдающегося наследия римской юриспруденции, как открытость к восприятию чужого опыта, точность и ясность юридической терминологии, строгая логичность и аргументированность, тонкий анализ, последовательность, практичность выводов, высокая правовая культура, творческий дух, универсализм и индивидуализм и многое другое [11; 12; 13; 14].

В законодательстве понятие «юридические факты» впервые нашло свое отражение в ст. 104–185 Германского гражданского уложения

---

¹ Интересно, что Карл Маркс, обучавшийся в Берлине у Савиньи и получивший свою первую ученую степень в области права, «восстал не только против исторического подхода Савиньи к праву, но и вообще против истории права и науки права» [10, с. 523].

1900 г., часто упоминающегося под названием Германский гражданский кодекс. Столь позднее появление понятия правовых фактов в юриспруденции профессор В.А. Витушко объясняет формированием к тому времени в науке основ универсальных прав человека вне зависимости от его социального статуса, отделением юридических прав (обязанностей) от конкретной личности; формированием представлений о праве как особом социальном феномене и как объекте правоотношений; формированием науки (теории) о праве как особом социальном знании, отличном от морали, философии и других регулятивных систем и наук [15, с. 4].

Для понимания исторически обусловленного развития теории юридических фактов неоспоримое значение имеет то обстоятельство, что она сложилась в русле формально-догматической юриспруденции под сильным влиянием юридического позитивизма. Именно благодаря представителям нормативного позитивизма в рамках теории юридических фактов было разработано понятие юридического факта, фактического состава, дана их классификация, показано значение юридического факта, обращено внимание на то, «что определение юридических фактов – прерогатива законодателя, что они выступают как нечто данное, исходный пункт» [1, с. 5]. В их исследованиях получили освещение проблемы соотношения юридических фактов и правовых последствий, а также другие вопросы, которые в сфере естественно-правовой или исторической школы, представителем которой был Савиньи, не поднимались. Тем не менее нельзя отрицать роль исторической школы в становлении юридического позитивизма, а следовательно, и теории юридических фактов. Неслучайно, касаясь этой проблемы, крупный специалист в области истории европейского права Э. Аннерс пишет: «Еще большее общеевропейское воздействие получило правовое теоретическое учение (правовой позитивизм...), явившееся следствием взгляда исторической школы на существующее право как на самоценность, поскольку оно является результатом обобщенного опыта прошедших времен. Тем самым фактически существующее и применяемое право было узаконено, что совершенно отрицалось школой естественного права» [16, с. 307].

Таким образом, история развития правовой мысли свидетельствует о том, что именно благодаря нормативному позитивизму были разработаны научные основы современной теории юридических фактов. Первоначальное развитие теории юридических фактов связано с гражданским правом (Г. Дернбург, Р. Зом, Г. Пухта, А. Тон и др.). И это вполне объяснимо. В условиях, «когда в XIX в. европейские страны вступили в наиболее обширный и глубокий процесс общественных

перемен, который когда-либо происходил в истории человечества» [16, с. 307], набравший силу капитализм требовал тщательной регламентации имущественных отношений – оснований возникновения права собственности, отдельных обязательств, наследования, наступления несостоятельности и т. д. При этом в теории юридических фактов просматривался двуединый процесс: происходила дальнейшая детализация юридических фактов, обуславливающих многообразнейшие имущественные отношения, и одновременно их научная систематизация по различным критериям, а также выработка обобщающего понятия юридического факта как единой правовой категории. Так, немецкий исследователь Ю. Барон в монографии «Система римского гражданского права» на основе критического рассмотрения определений понятия юридического факта, даваемых многими западноевропейскими учеными (Б. Виндшейд, Э. Бекинг, Д. Буркарди, Е. Хёлдер, Ф. Савиньи, Г. Пухта, Е. Цительман, Л. Эннексерус и др.), и скрупулезного анализа сложившейся историографии вопроса дает собственное определение юридического факта. По мнению Ю. Барона, юридический факт следует понимать «как всякое обстоятельство, влекущее за собой какое-либо юридическое последствие, т. е. возникновение, перенесение, прекращение, сохранение или изменение права» [17, с. 102].

Анализируя современный уровень теории юридических фактов, следует обратить внимание на то, что теоретическая трактовка юридических фактов европейскими исследователями в последней трети XIX в. еще не охватывала как специфических юридических признаков правовых фактов, так и их социальной значимости. Не отмечалось, в частности, что юридические факты приобретают соответствующие свойства только благодаря тому, что предусматриваются правовыми нормами, и что порождают они не общезначимые (нормативные), а субъективные (персонифицированные) последствия – субъективные права и обязанности, юридические состояния (гражданство, правосубъектность, деликтоспособность). Еще не сложились и представления о социальной значимости тех обстоятельств, которые признаются юридическими фактами.

Главным образом с позиции гражданского права (вопросы исковой давности, условия действительности и недействительности сделки, возмещения причиненного вреда и т. д.) теория юридических фактов на рубеже XIX и XX вв. привлекала к себе внимание и правоведов Российской империи. И это не было случайным. После крестьянской реформы 1861 г. начался период бурного развития капитализма в огромной стране. Он выражался в быстром росте капиталистических форм промышленности, сельского хозяйства, в превращении помещичьего

хозяйства в буржуазное, усилении рыночных отношений. Последнее требовало детальной правовой регламентации имущественных отношений (отношений собственности, наследования, обязательств и т. д.).

Специалисты, занимающиеся теорией юридических фактов, в историографическом анализе проблемы не забывают упоминать труды таких российских правоведов, как Е.В. Васильковский [18], Д.Д. Grimm [19], Н.М. Коркунов [12], И.А. Покровский [20], Г.Ф. Шершеневич [21], Л.И. Петражицкий [22]. Но почему-то обходят вниманием весьма известного в свое время историка и теоретика права Ф.В. Тарановского. А между тем он шел впереди в осознании необходимости выработки обобщающего понятия юридического факта как единой правовой категории. «Жизненные факты, – писал ученый, – признаваемые гипотезой юридической нормы за условия возникновения юридических отношений, принято называть на техническом языке правоведения юридическими фактами. Юридический факт – это всякое обстоятельство, предусматриваемое гипотезой юридической нормы и влекущее за собою, как следствие, возникновение, равно изменение и прекращение юридического отношения» [23, с. 107]. Следуя представлениям Ф.В. Тарановского, можно сказать, что юридические факты – это конкретные жизненные обстоятельства (условия, ситуации), с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Они являются одним из наиболее важных факторов формирования и развития правоотношений. По Тарановскому, те или иные факты становятся юридическими не в силу каких-то особых внутренних свойств, а в результате признания их таковыми государством, законом. Это значит, что придание правового характера тем или иным жизненным обстоятельствам целиком зависит от воли законодателя, официальной власти, а не от самих участников общественных отношений. Ф.В. Тарановский признавал, что с точки зрения законодателя все жизненные факты и обстоятельства делятся на юридически значимые и юридически безразличные. Однако, отмечал ученый, «до сих пор наука не выработала схемы рациональной классификации юридических фактов. Не вдаваясь в обсуждение многочисленных и многообразных контроверз по этому вопросу, остановимся на той классификации, которую можно считать наиболее принятой» [23, с. 108]. Ф.В. Тарановский, в целом придерживаясь традиционных для правоведения взглядов, считал, что в основу наиболее принятой классификации юридических фактов могут быть положены такие два начала, как отношение юридических фактов к воле лица и отношение юридических фактов к норме объективного права.

По первому признаку различаются юридические факты, которые совершаются без участия воли лица, и те, которые совершаются при

участии его воли. Первые называются юридическими событиями, вторые – юридическими действиями.

Второй классификационный признак приводит к делению всех юридических фактов на правомерные и противоречащие объективному праву, т. е. неправомерные. Указанное различие, полагал Ф.В. Тарановский, применимо как к юридическим действиям, так и к юридическим событиям и потому выступает в качестве подразделения и тех и других. Подобной позиции придерживались и некоторые другие ученые. «Юридические действия и события (явления) могут быть правомерными и неправомерными», – писал автор известного в начале XX в. курса лекций по общей теории права профессор В.И. Лебедев [7, с. 55]. Согласно современным правовым представлениям (в отличие от мнения ряда исследователей конца XIX – начала XX в., например тех же В.И. Лебедева и Ф.В. Тарановского) события не могут подразделяться на правомерные и неправомерные, так как по своей природе они не зависят ни от воли, ни от сознания людей.

Как известно, юридическому позитивизму оппонировала психологическая школа права, основателем и главным представителем которой являлся профессор Санкт-Петербургского, а с 1918 г. Варшавского университета Л.И. Петражицкий. В его доктрине все юридические явления рассматриваются сквозь призму индивидуальной психики человека – насколько они отражаются в индивидуальном сознании. И само понимание права переносится в иную плоскость, поскольку оно находится якобы в сфере индивидуальной психики (под правом понимается совокупность психических эмоций, переживаний) [24]. Для психологической теории права характерно исследование в первую очередь мотивации правового поведения, на что традиционная юриспруденция того времени не обращала достаточного внимания.

Следуя собственной доктрине, Л.И. Петражицкий имел свой, существенно отличный от формально-догматической юриспруденции взгляд на юридические факты и их роль в правовом регулировании. Под юридическими фактами, полагал ученый, следует понимать не внешне выраженные, т. е. объективные, а представляемые отдельными субъектами события. Такое понимание юридических фактов сводило к нулю их значение в правовом регулировании общественных отношений. Со всей очевидностью практическая беспомощность психологической теории Л.И. Петражицкого обнаружилась, когда он обратился к конкретным юридическим фактам: «Важны и имеют решающее значение в правовой жизни, – писал он, – не факты заключения договоров как таковые, а вера в существование таких фактов» [22, с. 458–459]. По-

добное понимание юридических фактов не встретило и не могло встретить сколько-нибудь широкой поддержки практикующих юристов.

Досоветской правовой доктрине было известно и понятие фактического (юридического) состава правоотношения. В опубликованной в 1911 г. работе, посвященной источникам римского права, В.И. Синайский писал: «Юридические последствия наступают обыкновенно не в силу единичных юридических фактов, а вследствие целой совокупности их – юридического состава правоотношения» [25, с. 187]. Как видим, юридические факты и составы рассматривались еще не в качестве самостоятельных элементов правового воздействия (в современной интерпретации – элементов механизма правового регулирования), а как составная часть правоотношения.

Неоднократно упоминаемый выше специалист в области правовых отношений В.Б. Исаков пришел к выводу, что западная юридическая доктрина мало продвинулась в изучении вопросов юридических фактов. В английской и американской правовой науке не было создано развернутой теории юридических фактов. «Факт – это действие, состояние или событие, существование которого подтверждается допустимыми доказательствами», – сообщает американский юридический энциклопедический словарь. Аналогичное толкование понятия факта дает фундаментальный словарь английского права. Отсюда можно предположить, что английские и американские юристы, следуя традициям своей правовой системы, скептически относятся к абстрактным юридическим понятиям. Юридические факты определяются ими как обстоятельства, подлежащие доказыванию, имеющие значение для разрешения дела и т. д.

Романистика, преимущественно немецкая и итальянская, развивающая традиции пандектистики (Г. Пухты, Ф. Савиньи, Б. Виндшейда, Э. Бекинга, Д. Буркарди, А. Хаймбергера, Е. Хёлдера и др.) проблематике юридических фактов уделяла и уделяет намного больше внимания. Особенно следует отметить работы таких авторов, как Э. Бетти, В. Шалоя, Б. Бьенди, П. Вочи, П. Бонфанте, Б. Албанезе. Из современных романистов первенство принадлежит научным изысканиям М. Таламанка, М. Марроне, В. Джуффре, Н. Скапини, Д. Диошди [26]. Названные ученые исследуют вопросы общих понятий юридического факта и состава, приводят их классификации, анализируют роль юридических фактов в обеспечении прав и обязанностей субъектов правоотношений и т. д.

Во Франции вопросы юридических фактов рассматриваются главным образом в курсах гражданского права в связи с проблемой возникновения обязательств. Оценивая положение дел в этой области,

известный французский правовед Ж.Л. де ла Морандьер писал: «Каждое из обстоятельств, за которым наше право признает силу фактора, порождающего право, производящего его переход или прекращение его, определяется особыми правилами, причем наше право не исходит из какой бы то ни было общей теории юридических фактов» [27, с. 70].

Таким образом, в научной доктрине континентальной Европы, развивавшей традиции римского права, проблематике теории юридических фактов уделялось и уделяется намного больше внимания, чем в государствах англосаксонской правовой системы, прежде всего в Англии и США. Однако и в странах континентальной Европы вопросы теории юридических фактов находят далеко не всегда одинаковое понимание.

Заметное ослабление во второй половине XX в. позитивизма в европейской правовой науке и усиление различных течений социологической направленности негативно отразились и на теории юридических фактов. С позиции западной социологии нормы права, правовые отношения обуславливаются совокупностью неправовых факторов (моральных, политических, религиозных, групповых). Вследствие этого интерес к исследованию собственно юридических фактов в рамках юридической науки стал постепенно ослабевать. И в этом можно усматривать стремление представителей западной юридической доктрины постепенно уйти от юридического позитивизма. Западную юстицию в гораздо большей степени волнует проблема обеспечения интересов бизнеса, чем юридическая обоснованность (законность) тех или иных правовых действий [1, с. 7].

Пришедшие в России в октябре 1917 г. к власти марксисты-ортодоксы заняли в большинстве своем нигилистические позиции в отношении государства и права. П.И. Стучка, один из руководителей Наркомата юстиции во время Гражданской войны, заявлял, что «никаких твердых законов быть не может, так как только движение постоянно», и вообще «диктатура пролетариата как-то плохо вяжется со словом „писанный закон“» [28, с. 14]. А между тем законы принимались, декрет следовал за декретом, и новая власть требовала их четкого исполнения. Оказалось, что без права невозможно вернуть жизнь общества в нормальную колею, не говоря уже о создании новых социальных форм. Идеологический запрет на поиски новых определений права нарушили юристы-практики, в числе которых был и сам П.И. Стучка. Ему принадлежит первое советское определение права: «Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой» [29]. Оно было включено в Руководящие начала по уголовному

праву РСФСР, утвержденные постановлением Наркомюста от 12 декабря 1919 г. Предложенное понимание права лежит, скорее всего, в русле социологической юриспруденции, отличаясь от большинства определений такого рода акцентом на его классовую природу. Правообразующей средой выступает здесь общество, точнее, общественные классы, а государство особо не выделяется среди классово-общественных факторов, придающих силу правовой системе. Лишь в более поздних работах П.И. Стучка вынужден был отвести в своей концепции определенное место и государству. В работах других представителей советской правовой науки также имели место попытки посредством критики нормативистско-позитивистской трактовки права включить в его понятие и средства реализации (правосознание, правоприменительные акты, правоотношения). Все же в целом даже сторонники отнесения к праву фактических отношений его субъектов не отрицали значимости нормативного содержания права, необходимости его формально-юридического анализа. Даже Е.Б. Пашуканис, считавший, что отмирание буржуазного права приведет к отмиранию права как социального института, а не к замене его пролетарским правам, в конце 20-х гг. прошлого столетия пересмотрел свои взгляды и начал «признавать» наличие советского, а затем и социалистического права. И это неслучайно, все зависело от изменчивой политической конъюнктуры. Именно с изменением своих взглядов на социалистическое право Е.Б. Пашуканис отмечает, что «основные, т. е. формальные, юридические понятия продолжают свое бытие в наших кодексах и в соответствующих им комментариях. Остается в силе и метод юридического мышления с его специфическими принципами» [30, с. 43].

Можно предположить, что именно благодаря эволюции взглядов советских правоведов в 20-е гг. XX в. (не вдаваясь в их причины) учение о юридических фактах в правовой науке не угасло. Конечно, если в 20-е гг. ведущим моментом в правопонимании являлся классовый интерес, точнее, интересы господствующего класса, порождающие систему (порядок) общественных отношений, то и в подходе к юридическим фактам классовое начало оставалось магистральным. Так, например, когда в 1930 г. редакция БСЭ поручила подготовить статью «Юридические факты» П.И. Стучке, то он в целом верное определение юридических фактов, даваемое буржуазной юридической наукой, постарался перевести в русло, на наш взгляд, неконструктивной критики «врагов» социализма, не дав при этом своего собственного определения. «Юридические факты, – писал П.И. Стучка, – представляют собой по воззрениям буржуазной юриспруденции такие факты, с которыми связываются правовые последствия, т. е. возникновение, изменение

или прекращение правоотношений... Юридические факты делятся на положительные и отрицательные; об отрицательных юридических фактах говорится в том случае, когда для наличия права необходимо отсутствие какого-либо факта... С другой стороны, юридические факты делятся на: 1) факты, не зависящие от воли человека (например, наводнение, являющееся основанием для отсрочки исполнения обязательства); 2) факты волевые, или „юридические действия“ (например, заключение договора, исполнение обязательства). Буржуазные юристы, вводя усложненное понятие юридических фактов, противопоставляют их всем остальным фактам, якобы для правовой жизни абсолютно „безразличным“. Между тем деление фактов на „юридические“ и „не юридические“, являясь лишь априорным и абстрактным построением, само по себе не может дать ответа на вопрос, какие же факты являются „юридически значимыми“. Только при рассмотрении конкретного правоотношения можно установить, какие факты имеют значение для данного правоотношения и какие нужно отбросить» [31, с. 257–258].

Во второй половине 30-х гг. А.Я. Вышинский, опираясь на своих приспешников, одобрил догматическую теорию права, приспособленную к нуждам административно-командного руководства страной, а также принудительно-репрессивной деятельности органов государства. В основу нового понимания права легла дефиниция, предложенная А.Я. Вышинским в июле 1938 г. на Всесоюзном совещании работников науки советского права: «Советское социалистическое право есть совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных социалистическим государством и выражающих волю рабочего класса и всех трудящихся, правил поведения, применение которых обеспечивается принудительной силой социалистического государства...» [32, с. 183]. В дальнейшем данное определение многократно дополняли, но суть его оставалась неизменной до начала 90-х гг. прошлого столетия: в центре понятия права стоит государство, оно устанавливает и санкционирует юридические нормы, обеспечивает их принудительное исполнение. Этатистская концепция права вытеснила все другие теоретические построения, прежде всего социологические подходы к праву.

Произошедшая смена правовой парадигмы не могла не отразиться на теории юридических фактов, которая, естественно, развивалась прежде всего на классовой, марксистской основе. Исследователи обращают внимание на то, что юридические факты – это предусмотренные правовыми нормами обстоятельства, влекущие установление, изменение или прекращение правоотношений. Акцент делается на том,

что «признание или непризнание за некоторыми явлениями общественной жизни или явлениями природы юридического значения зависит от воли господствующего класса» [33, с. 772] (чего не было в анализе юридических фактов П.И. Стучки). Подчеркивается, что буржуазная наука не разрешила и не могла разрешить проблем, связанных с учением о юридических фактах. Она якобы тщательно скрывала классово-волевой момент в признании за некоторыми обстоятельствами общественной жизни юридического значения. Буржуазная наука не установила связь системы юридических фактов с историческим типом права, не объяснила, почему юридические факты способны повлечь установление правоотношений, не показала, что способность юридических фактов устанавливать правоотношения обусловлена не свойствами юридических фактов, а нормами права, выражающего волю господствующего класса [33, с. 772]. Уже в начале 50-х гг. и для советских юристов основным критерием классификации юридических фактов становится их отношение к воле человека. На основании этого признака юридические факты подразделяются на юридические события, т. е. такие обстоятельства, наступление которых не зависит от воли человека (явления природы, смерть человека), и юридические действия, т. е. проявления воли человека (сделка, распоряжение должностного лица), причем бездействие может быть одним из видов юридического деяния, т. е. юридическим фактом (халатность, непринятие должных мер), если оно предусмотрено в гипотезе нормы как условие ее применения. Юридические действия подразделяются на правомерные и неправомерные (правонарушения) [33, с. 772].

В энциклопедических изданиях более поздней поры особо обращается внимание на то, что в практике большое значение имеет подразделение правомерных действий на юридические поступки и юридические акты. Юридические акты – действия, которые совершаются с намерением вызвать юридические последствия (гражданин заключает договор страхования жизни, прокурор выносит постановление о возбуждении уголовного дела). Совершать их могут только лица, обладающие дееспособностью. Юридические поступки – действия, порождающие юридические последствия независимо от того, стремилось или нет лицо к их наступлению. Неправомерные же действия подразделяются на преступления, административные, дисциплинарные и гражданские правонарушения [34, с. 510].

С начала 70-х гг. при характеристике юридических фактов отмечается, что «в ряде случаев основанием возникновения прав и обязанностей является сложный фактический состав (комплекс фактов юридических)» [35, с. 194].

По сути, с этого же времени в научной литературе проблема юридических фактов стала объектом внимания диссертантов, авторов научных статей, монографических изданий. Среди них особо выделяются работы общетеоретического характера, в которых анализируются понятия и виды юридических фактов, их роль в правовом регулировании общественных отношений, другие стороны этой важной и сложной проблемы [1; 36; 37; 38; 39; 40].

Немало работ посвящается исследованию юридических фактов, реализуемых в различных отраслях права. Естественно, здесь авторов интересуют прежде всего особенности отраслевых юридических фактов и составов, способы их установления, доказательства и т. д. Разграничение исследований на «общетеоретические» и «отраслевые», разумеется, условно. Общетеоретические исследования нередко содержат суждения об отраслевых юридических фактах. В отраслевых работах можно встретить выводы общетеоретического характера. Значительное число исследований выполнено на стыке теории юридических фактов и других разделов юридической науки. Это работы, посвященные гражданским, уголовным, трудовым, семейным, процессуальным и другим правоотношениям, срокам, сделкам, трудовым договорам, деликтам и т. д. [41; 42; 43; 44; 45; 46].

Важный вклад в развитие учения о юридических фактах внес профессор С.С. Алексеев. Отмечая, что некоторые юридические факты (правосубъектность, гражданство и т. д.) имеют общий для всех общественных отношений характер, ученый указывает на недопустимость поддаваться иллюзии, что могут быть правоотношения, вытекающие якобы «непосредственно из закона». С.С. Алексеев обоснованно утверждает, что «ни одно юридическое последствие непосредственно из нормы права не вытекает. Здесь везде необходимы юридические факты – конкретные жизненные обстоятельства, предусмотренные юридическими нормами» [37, с. 163–164].

Подчеркивая самостоятельную роль юридических фактов в механизме правового регулирования, С.С. Алексеев образно признает за ними значение «рычажков, приводящих в действие нормы права», которые выступают в качестве связующего звена между нормой права и субъективными правами (обязанностями) конкретных субъектов. Вследствие этого «юридические факты обладают известным собственным действием: они выполняют некоторые организующие функции, „предварительно“ воздействуют на поведение людей, влияя на него еще до возникновения прав и обязанностей» [37, с. 164–165]. Вместе с тем анализ юридической литературы, энциклопедических изданий, материалов дискуссий не позволяет однозначно и категорически утвер-

ждать, что именно предложенное С.С. Алексеевым определение юридического факта как конкретного жизненного обстоятельства, с которым юридическая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правовых последствий, стало фактически общепризнанным в теории права. Да, приведенное определение стало общепризнанным, однако в таком звучании и с такой смысловой нагрузкой оно излагается в дореволюционных трудах Ф.В. Тарановского, а также во всех советских энциклопедических юридических изданиях начиная с 1953 г. Поэтому следует согласиться с В.Б. Исаковым, что среди правоведов высказывается мнение о консерватизме и даже формализме учения о юридических фактах, несмотря на то что оно относительно новое явление в юриспруденции (в масштабе исторической эпохи Нового и Новейшего времени).

Действительно, для подобного утверждения есть веские основания. «Стабильным остается определение юридического факта и фактического состава, с незначительными вариациями воспроизводятся их классификации», юридические факты рассматриваются, как правило, только в связи с правовыми отношениями [1, с. 9]. Думается, что такая оценка является прежде всего признанием разработанности теории юридических фактов, а значит и наличия фундаментальной основы для дальнейшего ее развития. Неслучайно в последнее время подготовлено весьма значительное число работ, в которых в той или иной мере затрагивается и развивается учение о юридических фактах [5; 15; 47; 48; 49].

Появляются и такие работы, в которых отражены попытки пересмотреть исторически сложившееся учение о юридических фактах как о реальных жизненных явлениях, с которыми действующее законодательство связывает определенные правовые последствия. Например, А.А. Дворецкая в своей кандидатской диссертации пишет: «Юридические факты – конкретные жизненные обстоятельства, значимые для права, за которыми правопорядок признает способность к движению правоотношения. Это означает допущение таких обстоятельств не только правовыми нормами, но и принципами права и всеми иными источниками права, его смыслом, тенденциями развития» [26, с. 99–100]. Суть приведенного высказывания, по всей видимости, сводится к тому, что юридические факты могут определяться не столько правовыми нормами, сколько фактическими отношениями. Ведь автор прямо утверждает, что именно правопорядок, который, как известно, представляет собой такое состояние общественных отношений, которое соответствует правовым предписаниям, предопределяет правовую значимость юридических фактов. Тем самым ставится под сомнение главное назначение юридических фактов как четко предусмотренных в

законодательстве (в гипотезах правовых норм) обстоятельств, при наличии которых правовые предписания превращаются в реальные правовые связи конкретных субъектов права. При этом также не может не вызвать сомнения обоснованность противопоставления нормам права неких иных источников права, его принципов, смысла и даже тенденций развития.

В научных работах, посвященных юридическим фактам, как правило, затрагиваются вопросы их классификации. Именно классификации помогают выявить свойственные изучаемому объекту закономерности. Поэтому уже в самых ранних работах по юридическим фактам проявляется стремление к их обобщению и систематизации. Сложившаяся в юриспруденции классификация юридических фактов достаточно единообразна. И хотя попытки видоизменить существующую классификацию и отойти от классического деления юридических фактов, производимого на основании волевого признака (события – деяния, поступки – юридические акты), предпринимались, она в своей базовой основе сохраняется и в наше время. При этом появилось деление юридических фактов на односторонние и многосторонние, факты состояния и результативные действия и т. д.

В отличие от классификации сама категория юридического факта не отличается многообразием формулировок: конкретное жизненное обстоятельство, имеющее юридическое значение; конкретное жизненное обстоятельство, вызывающее в соответствии с нормами права наступление правовых последствий; конкретное жизненное обстоятельство, с которым правовая норма связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений. В любой дефиниции юридического факта всегда отражаются два момента: указание на явление действительности (событие или деяние) и его привязка к правовой норме в качестве основания для правового следствия. Юридические факты бесперспективно изучать в отрыве от норм, их предусматривающих, так как одни и те же социальные факты могут рассматриваться правом по-разному, а потому вызывать разные правовые последствия.

Современное исследование юридических фактов включает в себя изучение таких вопросов, как функции юридических фактов, их признаки; общности юридических фактов (сложные юридические факты, фактические составы, большие фактические системы); конкретизация, фиксация, установление, доказывание фактов (эти вопросы традиционны для отраслевой юриспруденции и слабо разработаны в общей теории права); выбор юридических фактов законодателем, их дефектность, соотношение с другими видами фактов; особые юридические

факты, например фикции и презумпции, которые весьма слабо изучены правовой наукой вообще [50; 51; 52].

Вышеперечисленные научные проблемы в области теории юридических фактов имеют и непосредственно практическое значение. Решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, обстоятельный анализ содержания правовых норм в целях уяснения, какие на самом деле факты предусмотрены ими в качестве юридических, а с другой – всестороннее исследование того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой, и достаточны ли они для решения дела. Поэтому практические работники и должны понимать важность теоретических знаний о юридических фактах, их разновидностях, функциональном назначении и соотношении. Совершенно прав В.Б. Исаков, который утверждает, что «практический смысл и научная ценность теории юридических фактов заключается в том, что она изучает один из аспектов фактической обоснованности правового регулирования» [1, с. 8]. Достаточно развернутая система юридических фактов, четко очерченных в законодательстве, своевременно, полно и достоверно установленных в процессе реализации права, – одна из важнейших гарантий законности в социальном демократическом правовом государстве.

Библиографические ссылки

1. Исаков, В.Б. Юридические факты в советском праве / В.Б. Исаков. М., 1984.
2. Хвостов, К.В. Развитие правовых понятий в эпоху средних веков (методологический и конкретно-исторический аспекты проблемы) / К.В. Хвостов // Вопр. философии. 2004. № 1.
3. Дворецкая, А.А. Теория юридических фактов в древнем римском праве / А.А. Дворецкая // Актуальные проблемы правового государства и экономическое развитие Беларуси : материалы науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2003 г. / БГЭУ. Минск, 2003.
4. Дворецкая, А.А. Становление теории юридических фактов в римской юриспруденции и ее развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Дворецкая. Минск, 2007.
5. Москаленко, И.В. Роль юридической науки в формировании и развитии гражданско-правовых понятий: история и современность / И.В. Москаленко // Современ. право. 2004. № 11.
6. Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. М., 2001.
7. Лебедев, В.И. Общая теория права / В.И. Лебедев. СПб., 1903.
8. Общая теория государства и права : акад. курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2002.

9. Савиньи, Ф.К. Обязательственное право / Ф.К. Савиньи ; пер. с нем. В. Фукса и Н. Мандро ; предисл. В.Ф. Попондопуло. СПб., 2004.
10. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. / Г.Дж. Берман. 2-е изд. М., 1998.
11. Бычкова, Т.В. Реценция римского права в российском дореволюционном, советском и современном наследственном праве / Т.В. Бычкова // Древ. право. 2000. № 1.
12. Коркунов, Н.М. История философии права : пособие к лекциям / Н.М. Коркунов. 4-е изд. СПб., 1908.
13. Томсинов, В.А. Значение римского права в общественной жизни Западной Европы в XI–XIII вв. / В.А. Томсинов // Древ. право. 1997. № 1.
14. Иеринг, Р. Дух римского права на различных ступенях его развития / Р. Иеринг. Ч. I. СПб., 1875.
15. Витушко, В.А. Континуальная теория юридических фактов / В.А. Витушко // Проблемы правового регулирования хозяйственной деятельности экономики переходного периода : материалы науч.-практ. конф., Минск, 18 дек. 2001 г. / БГЭУ. Минск, 2002.
16. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс. М., 1996.
17. Барон, Ю. Система римского гражданского права / Ю. Барон ; пер. с нем. Л.И. Петражицкого. Кн. 1. Киев, 1888.
18. Васьковский, Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов / Е.В. Васьковский. М., 1997.
19. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права / Д.Д. Гримм ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.
20. Покровский, И.А. Право и факт в римском праве : в 2 ч. / И.А. Покровский. Ч. I. Киев, 1898.
21. Шершеневич, Г.Ф. Философия права / Г.Ф. Шершеневич. Т. 1. М., 1912.
22. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. / Л.И. Петражицкий. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб., 1910.
23. Тарановский, Ф.В. Право в объективном и субъективном смысле / Ф.В. Тарановский. СПб., 1911.
24. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 т. / Л.И. Петражицкий. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб., 1909.
25. Синайский, В.И. История источников римского права / В.И. Синайский. Варшава, 1911.
26. Дворецкая, А.А. Становление теории юридических фактов в римской юриспруденции и ее развитие : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Дворецкая. Минск, 2007.
27. Морандьер, Ж.Л. Гражданское право Франции / Ж.Л. Морандьер. М., 1958.
28. Стучка, П. Конституция гражданской войны / П. Стучка // Пролетар. революция и право. 1918. № 3–4.
29. Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
30. Пашуканис, Е.Б. Избранные произведения по общей теории государства и права / Е.Б. Пашуканис. М., 1980.

31. Стучка, П.И. Юридические факты / П.И. Стучка // Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. Т. 65. М., 1931.
32. Основные задачи советского социалистического права : материалы первого совещ. науч. работников права, 16–19 июля 1938 г. М., 1938.
33. Юридический словарь. М., 1953.
34. Энциклопедический словарь правовых знаний. Советское право / под ред. В.М. Чхиквадзе. М., 1965.
35. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. Т. 27. М., 1977.
36. Исаков, В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования / В.Б. Исаков. Саратов, 1980.
37. Алексеев, С.С. Общая теория права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 2. М., 1982.
38. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
39. Иванова, З.Д. Юридические факты и возникновение субъективных прав граждан / З.Д. Иванова // Совет. государство и право. 1980. № 2.
40. Синюков, В.Н. О понятии юридического факта в общей теории права / В.Н. Синюков // Вопр. теории государства и права. Саратов, 1986. Вып. 7.
41. Данилин, В.И. Юридические факты в советском праве / В.И. Данилин, С.И. Реутов. Свердловск, 1989.
42. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. М., 1958.
43. Марданов, Д.А. Юридические факты в механизме правового регулирования гражданских исполнительных правоотношений / Д.А. Марданов // Журн. рос. права. 2006. № 10.
44. Огурцов, Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном процессе / Н.А. Огурцов. Рязань, 1976.
45. Тарасова, В.А. Юридические факты в области социального обеспечения / В.А. Тарасова. М., 1974.
46. Ярков, В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права / В.В. Ярков. Екатеринбург, 1992.
47. Рябов, А.Е. Юридические факты в механизме правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук / А.Е. Рябов. Н. Новгород, 2005.
48. Варламова, Н.В. Правоотношения: философский и юридический подходы / Н.В. Варламова // Правоведение. 1991. № 4.
49. Дворецкая, А.А. Авторский опыт изучения теории юридических фактов в римском праве / А.А. Дворецкая // Весн. Бел. дзярж. эканам. ун-та. 2003. № 2.
50. Черниловский, З.М. Презумпции и фикции в истории права / З.М. Черниловский // Совет. государство и право. 1984. № 1.
51. Лотфуллин, Р.К. Юридические фикции в истории отечественного права / Р.К. Лотфуллин // История государства и права. 2006. № 1.
52. Бабаев, В.К. Презумпции в советском праве / В.К. Бабаев. Горький, 1974.

© Вишневский А.Ф., 2008

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научное исследование проблематики правовых отношений имеет важное теоретическое и практическое значение. Изучение особенностей возникновения, развития, прекращения правоотношений, их структуры и характеризующих признаков позволяет не только лучше понять механизм реализации права, но и оптимизировать нормотворческую и правоприменительную деятельность органов государства.

Большинство специалистов в области общей теории права, занимающихся проблемами правоотношений, отмечают, что данная категория относится к числу наиболее сложных и дискуссионных в юридической науке. При этом предметом дискуссии являются проблемные вопросы содержания, формы, состава, структуры правоотношения, его взаимосвязи с общественным отношением. В теории конституционного права проблемы сущностных характеристик правоотношения, как правило, не рассматриваются. Научному анализу подвергается типология конституционно-правовых отношений, а также проблема их субъектов и объектов.

Безусловно, теория конституционно-правовых отношений развивалась и развивается в тесной связи с общей теорией правоотношений. Допустимо даже сказать об определяющем влиянии второй на первую. Поэтому, выясняя юридическую сущность конституционно-правовых отношений, необходимо учитывать весь спектр достижений общей теории права, экстраполируя их в сферу конституционного права с учетом особенностей данной отрасли права. Всесторонний анализ проблемы конституционно-правовых отношений позволит точнее определить предмет регулирования отрасли конституционного права, выяснить роль властеотношений в механизме конституционно-правового регулирования, глубже понять иерархию источников конституционного права и роль в их системе конституции – основного закона государства.

Базисной проблемой понимания генезиса и сущности правоотношений вообще и конституционно-правовых отношений в частности является их соотношение с общественными отношениями.

В философии под общественными отношениями понимаются «связи между индивидами, система которых делает совокупность данных индивидов обществом, а самих их общественными существами» [1, с. 382]. Причем данные связи рассматриваются как целостные категории, опо-

средующие общественное бытие и общественное сознание [2, с. 225–227]. Единичное общественное отношение рассматривается как первоэлемент, у которого отсутствует какая-либо внутренняя структура. Важной особенностью общественных отношений является и то, что они тесно связаны с деятельностью (поведением) людей, но не тождественны последней [3, с. 35, 39].

Таким образом, общественные отношения отличает то, что они есть отношения между людьми и связаны с их деятельностью, однако внутри общественных отношений отсутствуют какие-либо элементы, в том числе акты поведения. Элементом может быть названо само отношение, когда речь идет о системном анализе сложной социальной структуры. Следовательно, элементами общей структуры общества в философии считаются виды общественных отношений и анализируются их однородные совокупности, выражающие сущность той или иной сферы общественной жизни. Правовые отношения в философии также понимаются как одна из разновидностей общественных отношений, как не имеющие собственной структуры [3, с. 40].

В юриспруденции, напротив, правовое отношение рассматривается как сложная категория, включающая элементы различных системных уровней. К структурным элементам правоотношения правоведа обычно относят субъектов правоотношения, субъективные права и обязанности сторон правоотношения, объекты правоотношения, фактическое поведение субъектов правоотношения [4, с. 442]. Следует согласиться с высказанным в литературе мнением, что такой подход богаче и глубже общеправового понимания категории отношения [3, с. 42]. Включение в сферу научного анализа не только самого отношения как социальной связи, но и факторов, его непосредственно обуславливающих, позволяет, на наш взгляд, лучше понять природу и характеризующие признаки общественного отношения. Таким образом, с точки зрения гносеологии трактовка правоотношения как диалектического единства социальной связи и обуславливающих ее явлений полностью оправдана. Большинство существующих в общей теории права подходов к пониманию взаимосвязи общественных и правовых отношений, несколько упрощая суть проблемы, можно свести к двум основным направлениям. Сторонники первого направления правоотношение рассматривают как одну из разновидностей общественных отношений наряду с политическими, экономическими, культурными, семейными, нравственными и некоторыми другими отношениями [5, с. 82; 6, с. 366–367]. Приверженцы второго направления, напротив, полагают, что правоотношение не является какой-то особой разновидностью общест-

венных отношений, что оно выступает лишь в качестве юридической формы последних [4, с. 439–440; 7, с. 345–346].

Ученые-конституционалисты не акцентируют внимание на механизме взаимосвязи общественных и правовых отношений. Они, как правило, ограничиваются общей констатацией классической формулы – конституционно-правовое (государственно-правовое) отношение есть общественное отношение, урегулированное нормами конституционного (государственного) права [8, с. 9; 9, с. 14].

Вместе с тем для конституционного права однозначный ответ на вопрос «правоотношение – вид или форма общественного отношения?» позволяет более точно определить предмет регулирования конституционного права. Если, например, допустить, что конституционно-правовое отношение – самостоятельный вид в числе иных общественных отношений, то к числу конституционных необходимо отнести все без исключения правовые нормы, содержащиеся в источниках конституционного права. Если же предположить, что конституционно-правовые отношения – лишь юридическая форма политических, экономических, социальных (в узком значении данного термина, т. е. в сфере социального обеспечения) и иных общественных отношений, то можно сделать вывод о том, что не все нормы, содержащиеся даже в Конституции, являются конституционно-правовыми и порождают конституционно-правовые отношения.

Что касается содержания самих теоретико-правовых подходов к генезису правоотношений, то второй из указанных выше представляется более логичным. Если рассмотреть конкретные правоотношения, порождаемые конституционными нормами, то станет очевидным, что все они регулируют общественные отношения, которые изначально, по своей природе, относятся либо к экономической, либо к идеологической сфере человеческой деятельности. Это, как мы уже отмечали, политические, управленческие, организационные, производственные, торговые, трудовые, культурные и иные общественные отношения, т. е. все, кроме собственно юридических отношений. Может возникнуть вопрос: а как же обстоит дело с нормами, закрепляющими, к примеру, иерархию правовых норм, признаки нормативных актов, различные юридические процедуры? Ведь они регулируют чисто правовую материю. В этом случае следует иметь в виду, что данные нормы относятся либо к числу технических, которые вовсе не регулируют общественные отношения, либо к числу социальных, которые порождают отношения организационно-управленческого характера.

Таким образом, конституционно-правовые отношения также целесообразно рассматривать как особую юридическую форму общественных отношений.

Однако как же происходит преобразование общественных отношений в юридические, в том числе и конституционно-правовые? Правовое регулирование, облекая в юридическую форму общественное отношение, видоизменяет последнее, сообщая ему качества правоотношения. Конституционная норма воздействует на субъектов общественного отношения, наделяя их соответствующими юридическими правами и обязанностями. С целью достижения определенного материального либо нематериального блага, являющегося объектом правоотношения, субъекты реализуют свои права и обязанности через совершение конкретных деяний. На стыке юридических прав и обязанностей возникает видоизмененная социальная связь, приобретающая характер правовой и преобразующая общественное отношение в правоотношение. Как справедливо писал русский философ права И.А. Ильин, «каждое отношение людей есть правоотношение лишь постольку, поскольку оно есть встреча правовых полномочий, запретностей и обязанностей, принадлежащих разным субъектам прав» [10, с. 109].

Следует, однако, иметь в виду, что «правоотношение в реальной жизни не выступает как самостоятельная юридическая форма и отдельное от нее общественное отношение. Они предстают в единстве, поэтому общественное отношение не совпадает и не может полностью совпадать с правоотношением. Правоотношение есть преобразованное в соответствии с предписанием правовой нормы общественное отношение» [11, с. 48].

Следующей проблемой общей теории правоотношений, которая с методологической точки зрения также важна и для конституционного права, является проблема первичности правовой нормы или правового отношения. Ряд специалистов в области теории права отстаивают возможность существования правоотношений до появления соответствующих юридических норм. Подобная точка зрения впервые концептуально была обоснована в советской юридической науке на основе марксистской методологии. Данный подход условно можно назвать «экономико-центристским», поскольку он исходит из универсальности экономических отношений, которые пронизывают все сферы жизнедеятельности общества. Как некий онтологический абсолютизм экономические отношения определяют характер всех иных общественных отношений – социальных, политических, идеологических. Рассмотрим основные аргументы данного подхода.

Правовые отношения детерминированы характером господствующих в обществе производственных отношений. Главный элемент производственных отношений – отношения собственности. Отношения собственности (имущественные отношения) – это конкретные отношения по поводу определенных материальных предметов, они вне правового опосредования не реализуются, независимо от того, предусматривает ли их закон или нет. «...Конкретные отношения собственности, – отмечает Л.С. Явич, – осуществляющиеся в обмене товаров, имеют правовую природу как таковые» [12, с. 17]. Таким образом, отношения собственности зависят не от воли законодателя, а от господствующих производственных отношений [12, с. 17].

Итак, отношения собственности хотя и не зависят от воли законодателя, но все же нуждаются в некоем правовом опосредовании. Какова же природа этого опосредования? Когда и при каких условиях отношение собственности становится правовым? Судя по приведенным цитатам, законодатель в процессе перевода отношений собственности в юридическую плоскость может и не играть какой-либо определяющей роли. Если также учитывать то, что рассматриваемая концепция формулировалась применительно к советской правовой системе, то под «законодателем» следует понимать лишь законодательные и в лучшем случае и исполнительные органы государства. Судебные органы, авторы правовых доктрин и «идеологи» правовых обычаев, в перечне субъектов нормотворческой деятельности будут отсутствовать. Следовательно, такие юридические средства, как судебные прецеденты, правовые обычаи, научные доктрины, на генезис правоотношений влияния оказывать не будут. Но в реальной жизни законодательный орган не всегда будет успевать легитимировать уже возникшие общественные экономические отношения, которые по своей сути могут считаться правовыми, ибо уже стали неким образцом, алгоритмом осуществления конкретного производственного цикла. Ответы на поставленные выше вопросы в рамках рассматриваемой концепции, на наш взгляд, можно получить, проанализировав характеризующие признаки отношений собственности.

Отношения собственности обладают двойственным характером. «Их дуализм, – указывает Л.С. Явич, – заключается в том, что они, во-первых, оказываются юридическим выражением, конкретным проявлением, отдельным элементом господствующих производственных отношений. Во-вторых, взятые как относительно самостоятельная форма производственных отношений, отношения собственности, в свою очередь, имеют материальное содержание и внешнюю волевою (юридическую) форму выражения. <...> В первом аспекте отношения

собственности представлены абстрактной формой права, во втором – конкретной: правовыми отношениями вполне индивидуализированного характера. В исторически-генетическом плане такие правоотношения носят первичный характер и лишь в дальнейшем отражаются и закрепляются юридическим законом» [12, с. 17].

Таким образом, отношения собственности независимо от воли законодателя всегда имеют юридическую форму выражения, которая может рассматриваться как некое имманентное качество, неотделимое от отношения собственности. Следовательно, любое отношение собственности в качестве конкретной формы права тождественно правовому отношению. Такое правоотношение возникает как результат свободной экономической деятельности не связанных властной субординацией субъектов вне контекста правовых норм. На наш взгляд, здесь заключен определенный методологический парадокс. Данный подход, несмотря на свои материалистические истоки, весьма близок к кантовскому идеалистическому априоризму. Генезис юридической формы отношений собственности в нашем случае не поддается логическому анализу и может быть обоснован только как априорное знание.

«Экономико-центристская» концепция рассматривает правоотношения как центральный, определяющий элемент всей правовой системы государства. Л.С. Явич подчеркивает, что «для всесторонней характеристики материалистической детерминации права важно исходить из правоотношений. Именно они являются первичной клеточкой права... Исторически и логически правовые отношения предшествуют всем иным правовым образованиям, они же завершают существование этих правовых образований в деятельности людей и их организаций» [12, с. 23].

Следующий подход, обосновывающий возможность существования правоотношений до появления соответствующих юридических норм, условно обозначим как «юснатуралистский». Его сторонники, в частности, отмечают, что коль скоро общепризнанным является существование естественных прав человека, то существуют и правоотношения без соответствующих им норм позитивного права. Также подчеркивается, что исторически право первоначально появилось как система правоотношений, как совокупность прав и обязанностей, которые затем нашли отражение в юридических нормах [13, с. 180].

На наш взгляд, сторонники обеих концепций подходят к правовым нормам узкопозитивистски, считая таковыми лишь нормы писаного права. Однако, как известно, понятие источника права значительно шире. К таким источникам помимо нормативного акта необходимо отнести правовой обычай, судебный прецедент, доктрину и некоторые

другие неписанные источники права. Естественно-правовые отношения, конечно, могут появиться ранее норм писаного и вообще позитивного права. Однако это еще не доказывает возможности их появления прежде норм естественного права. Как нам представляется, правоотношения возникают никак не раньше правовых норм. Правоотношения на основе норм писаного права порой появляются только через значительный промежуток времени, прошедший после издания правовой нормы. Правоотношения на основе, например, правового обычая возникают одновременно с данным источником права. Что касается естественно-правовых норм, то более логичным будет постулировать существование таковых задолго до возникновения на их основе в человеческом обществе реальных юридических отношений.

Дискуссия о первичности правовых норм или отношений в некоторой степени схожа с философским спором по поводу основного вопроса философии – первичности материи или сознания, который не имеет строгого рационального разрешения. Важны изначальные априорные принципы, на которых строятся материалистические или идеалистические, позитивистские или юснатуралистские теории.

Для ученых-конституционалистов однозначная трактовка проблемы первичности норм или отношений помимо использования в качестве аргумента в выработке философско-правового мировоззрения имеет и прикладной интерес. Она может способствовать более точному пониманию механизма возникновения и взаимодействия общественных и правовых отношений.

Важной теоретической проблемой в контексте типологии правоотношений является их деление на конкретные и общие. Сторонники выделения в механизме правового регулирования общих и конкретных правоотношений полагают, что «общие отношения возникают на основе конституционных норм, определяющих права, свободы и обязанности, уголовно-правовых и административно-правовых запретов. В них субъекты конкретно не определены и создается лишь правовое состояние. <...> Если права, свободы и обязанности реализуются (например, заключается трудовой договор, контракт), а запреты нарушаются (например, возбуждается уголовное дело в отношении лица, совершившего преступление), то возникают конкретные правоотношения» [13, с. 184].

В несколько иной трактовке правоотношения в зависимости от конкретизации их субъектов могут быть относительными, абсолютными, общерегулятивными. В относительных правоотношениях конкретно (поименно) определены обе стороны. В абсолютных правоотношениях определена лишь управомоченная сторона. Обязанная сторона –

это всякий и каждый, чья обязанность состоит в том, чтобы воздержаться от нарушения субъективных прав. Общерегулятивные отношения выражают связь каждого с каждым. Например, каждый гражданин имеет право на труд. Одновременно всякий и каждый обязан уважать это конституционное право и не создавать каких-либо препятствий к его осуществлению [14, с. 352–353].

На наш взгляд, при разработке общерегулятивного подхода к правоотношениям его авторы прежде всего имели в виду реализацию конституционных норм, а именно тех из них, которые сформулированы в обобщенной форме. Очевидно, именно поэтому концепция конкретных и общих правоотношений стала доминирующей в конституционном праве. «Конструкция общих правоотношений как формы юридических связей между государством и другими субъектами правового общения, – пишет российский конституционалист В.О. Лучин, – наиболее отвечает характеру конституционного регулирования, своеобразным чертам данного вида правового воздействия на общественные отношения» [цит. по: 15, с. 310].

Концепция общих правоотношений, на наш взгляд, порождает больше вопросов, чем дает ответов. Она не только размывает стройную систему реализации права, лишает логической завершенности правоприменительный процесс, но и в основных своих пунктах противоречит правовым реалиям.

Совершенно непонятно, как в реальной действительности можно представить юридические связи «каждого с каждым». Например, в каких правовых отношениях в данный момент мы можем находиться с гражданином *X*, который проживает в городе *N* и о существовании которого мы даже и не догадываемся? В каких процессуальных формах возможно реализовать право всех граждан на жилище или обеспечить должное исполнение каждым своей обязанности беречь духовное наследие?

Приведем в этой связи мнение Л.В. Явича: «Не удивительно, что в нашей юрисдикции не найти ни одного решения суда неперсонифицированного характера, которое защищало бы права всех или на всех возлагало бы какие-то обязанности, ставило бы под защиту общественные отношения вообще» [16, с. 208].

Представляется, что ученые, обосновывающие возможность существования общих правоотношений, необоснованно выводят их из обобщенных конституционных норм, в которых адресаты данных норм не конкретизированы. Например, ст. 41 Конституции Республики Беларусь закрепляет норму, в соответствии с которой гражданам гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутвер-

ждения человека. Но наличие у каждого из нас потенциального права на труд не свидетельствует о том, что мы обязательно находимся с государством в трудовых отношениях. Данная конституционная норма всегда воплощается в конкретных трудовых отношениях определенно-го работника с определенным, персонифицированным работодателем.

На наш взгляд, правоотношения вообще и конституционно-правовые отношения в частности всегда имеют конкретный характер. Правоотношение – это всегда индивидуализированная юридическая связь. Иное дело, что правовое регулирование возможно не только в рамках правоотношений, но и посредством абсолютных субъективных прав [16, с. 205, 206]. «Абсолютные субъективные права, – отмечают В.А. Кучинский, Н.А. Горбатов, А.Ф. Вишневский, – осуществляются вне конкретных правовых связей между субъектами права. Им противопоставляются предусмотренные нормами права обязанности всех других лиц воздержаться от нарушений прав абсолютного характера. Только лишь в случае нарушения абсолютного субъективного права... возникает соответствующее конкретным обстоятельствам правоотношение» [4, с. 438]. И значительное число конституционных норм воплощается в правовую действительность именно через абсолютные права, которые опосредуют юридический статус субъектов права.

В литературе уже достаточно давно указывается на волевой характер правоотношений, при этом подчеркивается, что «регулируемые правом отношения неразрывно связаны с волей и сознанием людей, так или иначе выражаются в волевых актах и потому способны реагировать на правовое воздействие» [17, с. 255].

Однако при анализе содержания правоотношения волевой момент отражения не находит. Теоретики права различают материальное содержание правоотношения (фактическое поведение субъектов права) и юридическое содержание (субъективные права и обязанности) [7, с. 347]. В результате поведения субъектов правоотношения (при взаимодействии поведенческих актов сторон) происходит воздействие на объект правоотношения. Однако что происходит в результате реализации (взаимодействия) субъективных прав и обязанностей? Очевидно, что в данном случае и проявляется волевой момент. Воля опосредуется исключительно психическими качествами индивида. По своей сущности волевые акты – это психические эмоции, которые побуждают субъекта к тому или иному действию. Психические эмоции возникают или на основе рефлекторных психических реакций (страх, чувство негодования, эмоциональная эйфория и т. д.), или в результате рациональных психических операций (логических умозаключений). Таким образом, именно психические эмоции лежат в основе поведения человека.

Учитывая важность психологического момента в процессе возникновения и развития правоотношения, на наш взгляд, было бы полезно выделить в структуре правоотношения еще один его элемент – интеллектуально-волевое опосредование фактического поведения сторон. Это, по нашему мнению, позволит отразить все сущностные черты правоотношения в единой концептуальной категории – его структуре, что оправданно с точки зрения как общей гносеологии, так и дидактики.

Понимание конституционно-правовых отношений исключительно как правоотношений конкретных позволяет уточнить вопрос об их сущности. Под сущностью конституционно-правовых отношений мы понимаем совокупность их наиболее существенных черт, определяющих отличие конституционных отношений от иных правоотношений.

Одним из первых в советской юридической науке отличительные особенности конституционно-правовых отношений определил в 40-е гг. прошлого века И.Д. Левин. По его мнению, «государственное право регулирует само формирование органов власти и самый порядок осуществления власти в государстве. Государственное право, следовательно, регулирует особый вид общественных отношений, а именно отношения властвования» [цит. по: 15, с. 299].

А.И. Лепешкин, признавая властный характер конституционно-правовых отношений, отмечал, что для данных правоотношений характерно то, что они возникают в процессе деятельности органов государства по установлению важнейших принципов государственного устройства, образованию органов государства, закреплению принципов их системы, структуры, полномочий и форм деятельности по выполнению функций государственной власти, а также по взаимодействию с гражданами в связи с их участием в осуществлении функций государственной власти [18, с. 33].

С.М. Равин находил специфику конституционно-правовых отношений в том, что они «носят характер властеотношений, поскольку хотя бы одним из субъектов этих отношений обязательно должен быть представитель государственной власти» [цит. по: 19, с. 37].

Отдельные аспекты конституционно-правовых отношений как властеотношений затронуты и в работах А.И. Денисова, С.С. Студеникина, С.С. Кравчука, Б.В. Щетина и некоторых других ученых-конституционалистов.

Анализ норм Конституции, на основе которых могут возникать правоотношения, позволяет говорить о том, что они закрепляют основополагающие принципы и правовые механизмы организации и деятельности государства, его органов во взаимоотношении друг с другом и гражданами. Указанные сферы исчерпывающе охватываются отно-

шениями по реализации государственной власти. Реализация государственной власти заключается в осуществлении правомочий по формированию государственных органов, наделению их соответствующей компетенцией и регулированию форм деятельности всех субъектов права.

Таким образом, сущность конституционно-правовых отношений заключается в том, что они являются отношениями по реализации государственной власти, или властеотношениями.

В заключение сформулируем определение конституционно-правовых отношений с учетом высказанных выше положений. Под конституционно-правовыми отношениями следует понимать юридическую форму общественных отношений, регулируемых конституционным правом, которая представляет собой возникающие под воздействием конституционных норм связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, направленными на достижение определенных социально значимых благ по поводу осуществления государственной власти.

Библиографические ссылки

1. Семенов, Ю.И. Общественные отношения / Ю.И. Семенов // Словарь философских терминов / Ю.Д. Артамонова [и др.] ; науч. ред. В.Г. Кузнецова. М., 2004.
2. Диалектический и исторический материализм / А.П. Шептулин [и др.] ; под общ. ред. А.П. Шептулина. М., 1985.
3. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. М., 1991.
4. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск, 2002.
5. Строгович, М.С. Избранные труды : в 3 т. / М.С. Строгович. Т. 1. М., 1990.
6. Мицкевич, А.В. Правовые отношения / А.В. Мицкевич // Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / Н.В. Варламова [и др.] ; под общ. ред. В.С. Нерсисянца. М., 1999.
7. Лазарев, В.В. Теория государства и права : учеб. для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 3-е изд. М., 2004.
8. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. Минск, 2003.
9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 4 т. / отв. ред. Б.А. Страшун. Т. 1–2. М., 2000.
10. Ильин, И.А. Теория права и государства / И.А. Ильин ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003.

11. Миронов, О.О. Конституционное регулирование в развитом социалистическом обществе / О.О. Миронов ; под ред. В.Л. Полякова. Саратов, 1982.
12. Явич, Л.С. Сущность права. Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений / Л.С. Явич. М., 1985.
13. Афанасьев, В.С. Правовые отношения / В.С. Афанасьев, Н.Л. Гранат // Общая теория права и государства : учебник / В.С. Афанасьев [и др.] ; под ред. В.В. Лазарева. М., 1996.
14. Теория государства и права / С.С. Алексеев [и др.] ; под ред. С.С. Алексеева. М., 1985.
15. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права / О.Е. Кутафин. М., 2001.
16. Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. Л., 1976.
17. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 1. Свердловск, 1972.
18. Лепешкин, А.И. Курс советского государственного права : в 2 т. / А.И. Лепешкин. Т. 1. М., 1961.
19. Щетинин, Б.В. Проблемы теории советского государственного права / Б.В. Щетинин. М., 1969.

© Чигринов С.П., 2008

Э.А. Саркисова

УГОЛОВНОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Вопрос об уголовном правоотношении, как и вопрос о правоотношении вообще, не является новым. К ним обращались и обращаются до сих пор многие ученые – представители как общей теории права, так и отраслевых юридических наук. К сожалению, единство в понимании сущности данных институтов пока не достигнуто. Вместе с тем, на наш взгляд, достижение такого единства, минимизация противоречий в конструировании правовых дефиниций являются необходимыми целями научных разработок проблемы правоотношения, что, безусловно, должно положительно повлиять как на правотворчество, так и на правоприменение, и прежде всего на реальное обеспечение прав и обязанностей субъектов правоотношений.

Вполне очевидно, что осмысление сущности и содержания уголовного правоотношения должно основываться на концепциях правоотношения как общетеоретического института. Поэтому осуществим

попытку применить выработанные теоретиками права подходы к этому вопросу в отношении уголовного права.

В общей теории права, а также в теории уголовного права существует мнение о том, что правоотношения могут быть абсолютными и относительными. Абсолютные правоотношения, согласно этому мнению, основываются на обязанности каждого гражданина соблюдать субъективные права всех других граждан. Относительные же правоотношения – это те, которые возникают в связи с наличием юридического факта и касаются только конкретных, персонально определенных субъектов.

Первая позиция позволяет ученым признавать в уголовном праве наличие охранительных (по сути, абсолютных) уголовных правоотношений. Так, например, по мнению В.М. Хомича, основу уголовно-правового регулирования составляют охранительные уголовно-правовые отношения, которые складываются между государством (охраняющей инстанцией) и гражданами по поводу соблюдения уголовно-правовых запретов и имеют общий (общеобязательный для всех граждан) характер [1, с. 7]. Аналогичной точки зрения придерживаются и некоторые российские ученые. Например, Н.Ф. Кузнецова пишет: «Уголовно-правовые отношения возникают с момента официального вступления закона в силу, когда он уже начинает оказывать социально-психологическое влияние на тех неустойчивых граждан, которые воздерживаются от совершения преступления исключительно из-за угрозы наказанием» [2, с. 2]. И далее автор, обращая внимание на различные позиции по вопросу содержания и начала возникновения уголовных правоотношений, предлагает рассматривать их в широком и узком смысле. Первые – это уголовные правоотношения, которые возникают со вступлением уголовного закона в силу. Тогда начинают действовать превентивные функции уголовного закона, оказывающие воздействие на неустойчивых лиц, удерживая их от совершения преступления под угрозой наказания. Для преступников они заканчиваются погашением судимости либо освобождением от уголовной ответственности и наказания. Уголовные правоотношения в узком смысле – это отношения между государством и преступником, возникающие с момента совершения преступления и оканчивающиеся погашением (снятием) судимости либо освобождением виновного от уголовной ответственности и наказания [2, с. 3].

Между тем указанную точку зрения разделяют далеко не все. В отечественной литературе противоположная позиция была высказана А.В. Барковым, который еще в 1976 г. писал: «Мы отрицаем существование охранительных правоотношений, потому что не находим в

них регулирующего момента, но это отнюдь не означает, что мы отрицаем охранительную функцию уголовного права» [3, с. 5]. При этом автор поддержал мнение российских ученых, которые также отрицали существование охранительных уголовных правоотношений (М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе) и считали, что общепредупредительное действие правовых норм представляет собой правовое воздействие вне правоотношений (Л.С. Явич, С.С. Алексеев и др.).

На наш взгляд, сторонники охранительных правоотношений подменяют понятие функционирования уголовного права, которое может осуществляться и вне рамок указанных отношений, понятием уголовного правоотношения, тогда как каждое из них имеет вполне самостоятельное значение. Функции уголовного права (охранительная, предупредительная, воспитательная, регулятивная) обеспечиваются уголовно-правовыми запретами, относящимися не только к лицам, совершившим преступления, но и к всем гражданам. Но это не значит, что с момента установления таких запретов и при условии их нарушения каждый гражданин (или хотя бы неустойчивый в моральном отношении) попадает в сферу уголовного правоотношения. Как отмечает А.И. Санталов, нормальные, обычные поступки людей, не нарушающие требований Уголовного кодекса, не могут быть отнесены к числу правовых отношений [4, с. 44]

Конечно, нельзя в этих случаях отрицать регулируемую роль уголовного права. Но такое регулирование происходит вне рамок уголовных правоотношений. Непосредственное же регулирующее функционирование уголовного права связано с нарушением уголовно-правового запрета. Однако и в этих случаях, на наш взгляд, далеко не всегда возникают уголовные правоотношения.

Иными словами, уголовное право призвано регулировать и регулирует общественные отношения, связанные с совершением общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, однако речь здесь идет о регулирующей роли уголовного права, но еще не об уголовном правоотношении.

Попытаемся это обосновать, основываясь на приемлемых для нас позициях белорусских теоретиков, отрицающих существование абсолютных правоотношений и рассматривающих правоотношение как правовую индивидуализированную связь конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями [5, с. 421–425].

Прежде всего рассмотрим вопрос о том, как общетеоретическое понятие правоотношения корреспондирует понятию уголовного правоотношения, его признакам.

Выделяя признаки правоотношения, теоретики указывают на следующее:

1) правоотношение – это форма превращения на основе правовых норм или принципов и при наличии юридических фактов объективного права в субъективное (статутных прав и обязанностей в субъективные);

2) правоотношение – это связь, причем волевая связь, конкретных субъектов права;

3) правоотношение предполагает обязательное наличие у его участников взаимных и четко определенных (субъективных) прав и обязанностей, осуществление которых возможно как добровольно, так и принудительно;

4) правоотношение имеет свою строго определенную структуру, т. е. совокупность обязательных элементов, которую составляют:

а) субъекты (участники) правоотношения;

б) их субъективные права и обязанности;

в) объекты правоотношения;

г) реальное поведение субъектов правоотношения [5, с. 425–426].

Надо полагать, что указанные признаки правоотношения, как и его структура, должны иметь место в совокупности применительно к каждому правоотношению, в том числе и уголовному. Отсутствие хотя бы одного из них будет означать отсутствие правоотношения.

Исходя из указанного, чтобы признать наличие уголовного правоотношения, требуется установить наличие всех его обязательных элементов, характеризующихся признаками, обусловленными спецификой уголовно-правового регулирования.

При этом следует иметь в виду, что уголовное право не только определяет преступность и наказуемость общественно опасных деяний, но и устанавливает обстоятельства, в силу которых лицо не подлежит уголовной ответственности (добровольный отказ от совершения преступления, обстоятельства, исключающие преступность деяния, совершение малозначительного деяния, невменяемость, малолетний возраст), а также предусматривает возможность освобождения лица от уголовной ответственности и наказания. Во всех этих случаях имеет место применение нормы уголовного права. Поэтому обоснованно возникает вопрос: всегда ли при применении нормы уголовного права можно говорить об уголовном правоотношении? На этот вопрос мы дадим ответ ниже. А сейчас проанализируем структуру уголовного правоотношения в его идеальном виде, т. е. применительно лишь к тем случаям, когда лицо совершает общественно опасное деяние, полно-

стью соответствующее признакам преступления, и подлежит за это уголовной ответственности.

1. **В правоотношении должны быть его субъекты, выступающие в качестве сторон правоотношения.** Имеются ли они в уголовном правоотношении? Ответим на этот вопрос утвердительно. Специфика состоит лишь в том, что с одной стороны в таком правоотношении всегда выступает государственный орган в лице компетентного его представителя, а с другой – всегда конкретное лицо, совершившее преступление, предусмотренное в Особенной части Уголовного кодекса.

2. **Субъекты правоотношения должны обладать конкретными правами и обязанностями.** В уголовном правоотношении они имеют следующие особенности:

а) лицо, совершившее преступление, **имеет право** на правильное применение к нему нормы уголовного закона, включая применение законной, справедливой и гуманной меры уголовной ответственности, на защиту от уголовного преследования;

б) указанное лицо **обязано** понести уголовную ответственность за содеянное, т. е. претерпеть те лишения или ограничения, которые являются содержанием уголовной ответственности;

в) государственный орган **имеет право** определить в содеянном признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом;

г) указанный орган **обязан** применить к лицу меру уголовной ответственности, соответствующую характеру и степени общественной опасности совершенного преступления, с учетом иных обстоятельств, влияющих на индивидуализацию уголовной ответственности.

3. **Правоотношение должно иметь свой объект.** В теории права под объектами правоотношения понимаются разнообразные блага, на достижение, использование или охрану которых направлены интересы сторон правоотношения и ради чего реализуются их субъективные права и обязанности [5, с. 436].

Понимание объекта уголовного правоотношения в теории уголовного права весьма неоднозначно. Считая, что этот вопрос должен быть предметом самостоятельного исследования, отметим, что, на наш взгляд, объект уголовного правоотношения и объект преступления – это разные понятия. Объект преступления – это наиболее значимые общественные отношения, охраняемые уголовным законом. А объект уголовного правоотношения – тот интерес, к достижению которого стремятся его субъекты. По нашему мнению, интерес государства совпадает с его обязанностью применить к виновному меру уголовной ответственности, посредством которой обеспечить достижение целей, стоящих перед уголовной ответственностью, – исправление лица, со-

вершившего преступление, специальное и общее предупреждение, а интерес лица, совершившего преступление, – это его право на справедливое и законное применение к нему меры уголовной ответственности.

4. Правоотношение немыслимо без реального поведения его субъектов. В сфере уголовного права оно выражается, с одной стороны, в действиях, направленных на защиту от уголовного преследования либо на то, чтобы содеянное получило более мягкую оценку со стороны государственного органа, а с другой – в действиях государственного органа по установлению наличия в содеянном основания уголовной ответственности (наличия состава преступления), а также действиях по квалификации содеянного и назначению справедливой меры уголовной ответственности.

5. И наконец, правоотношение – это отношение, реализуемое на основе правовых норм или принципов. Следовательно, и уголовное правоотношение существует только в правовых рамках. При этом особенностью уголовного правоотношения является то, что оно основывается на нормах Уголовного кодекса, который в Республике Беларусь является единственным уголовным законом, действующим на ее территории. Вне применения нормы уголовного закона уголовное правоотношение немыслимо.

Из приведенной схемы уголовного правоотношения применительно к типичной уголовно-правовой ситуации, когда взаимодействуют преступник и государственный орган, вытекают следующие вопросы:

1) возникает ли уголовное правоотношение в случае совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, невменяемым лицом?

2) возникает ли уголовное правоотношение в случаях причинения существенного вреда отношениям, охраняемым уголовным законом, при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, либо при добровольном отказе от совершения преступления, а также при совершении малозначительного деяния?

3) в каком соотношении находятся уголовная ответственность и уголовное правоотношение?

4) какой момент следует считать началом возникновения уголовного правоотношения?

5) возникает ли уголовное правоотношение в случае, когда лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности?

6) как конкурируют уголовные правоотношения с уголовно-процессуальными и уголовно-исполнительными отношениями?

Итак, первый вопрос: **возникает ли уголовное правоотношение в случае совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, невменяемым лицом?**

Отметим, что институт невменяемости – это уголовно-правовой институт. Решение вопроса о признании лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, основывается на уголовно-правовых нормах. Нормы уголовного закона определяют и правовые последствия признания лица невменяемым, связанные с применением к нему принудительных мер безопасности и лечения. Однако применение указанных норм еще не означает, что в таких случаях возникает уголовное правоотношение.

Согласно теории права обязательным качеством, которым должны обладать субъекты правоотношения, является их правосубъектность, образуемая из правоспособности и дееспособности. Невменяемое лицо не может быть дееспособным лицом. Следовательно, оно не может выступать в роли субъекта уголовного правоотношения. Это, в свою очередь, влечет отсутствие одной стороны правоотношения, а значит, и правоотношения в целом. Поэтому неверной представляется, например, позиция А.И. Санталова, согласно которой субъектом уголовного правоотношения может быть человек, совершивший преступление или общественно опасное деяние в состоянии невменяемости [4, с. 55].

Исходя из сказанного не может выступать в роли субъекта уголовного правоотношения и лицо, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, до достижения им возраста уголовной ответственности (14 или 16 лет).

Второй вопрос: **возникает ли уголовное правоотношение в случаях причинения существенного вреда отношениям, охраняемым уголовным законом, при обстоятельствах, исключающих преступность деяния либо при добровольном отказе от совершения преступления, а также при совершении малозначительного деяния?**

Уголовным законом регламентируются вопросы о правомерности причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, пребывание лица среди соучастников преступления по специальному заданию, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения). УК определяет и случаи наступления уголовной ответственности лиц, превысивших пределы допустимости причинения вреда при указанных обстоятельствах. Однако, на наш взгляд, в случаях соблюдения условий правомерности причинения вреда, установленных уголовным законом, уголовное правоотношение не может возникнуть, поскольку у одной стороны не воз-

никает никаких уголовно-правовых обязанностей. У нее есть лишь право на правильное применение государственным органом уголовного закона в связи с возникшей ситуацией, рассматриваемой законом как обстоятельство, исключающее преступность деяния.

Аналогичное положение складывается и в тех случаях, когда лицо добровольно отказывается от совершения преступления, поскольку согласно ст. 15 УК добровольный отказ от преступления не влечет уголовной ответственности. У лица, добровольно отказавшегося от преступления, не возникает никаких обязанностей уголовно-правового характера. У него есть лишь право на правильное применение к нему нормы уголовного закона.

То же можно сказать и применительно к случаям совершения мало-значительного деяния. Лицо, совершившее такое деяние, не обладает уголовно-правовой обязанностью, поскольку здесь отсутствует основание возникновения уголовного правоотношения, т. е. преступное деяние, содержащее все признаки состава преступления. Мало-значительное деяние лишь формально подпадает под признаки преступления, предусмотренного уголовным законом. Оно вообще не причинило и не могло причинить существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Согласно ч. 4 ст. 11 УК такое деяние в случаях, предусмотренных законом, может влечь применение мер административного или дисциплинарного взыскания. Таким образом, мало-значительное деяние, признаки которого хотя и устанавливаются уголовным законом, ни в какой мере не может быть основанием возникновения уголовного правоотношения. В случаях же применения к лицу мер административного или дисциплинарного взыскания возникают иные правоотношения, но не уголовные.

Таким образом, мы приходим к выводу, что **уголовное правоотношение связано с совершением только преступления, т. е. общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части УК.**

Рассмотрим третий вопрос: **в каком соотношении находятся уголовная ответственность и уголовное правоотношение?**

Исходя из наиболее распространенной общетеоретической концепции относительно понятия и сущности юридической ответственности как обязанности претерпеть негативные последствия своего правонарушения уголовную ответственность можно также рассматривать как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть лишения или ограничения его прав и свобод. Однако с учетом дефиниции, содержащейся в УК Республики Беларусь, под уголовной ответствен-

стью понимается осуждение от имени государства по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение к нему наказания и иных мер уголовной ответственности в соответствии с УК (ч. 1 ст. 44 УК). Между тем мы не находим противоречия между двумя этими понятиями, поскольку уголовная ответственность — это действительно обязанность лица претерпеть негативные последствия своего деяния, но эта обязанность до вступления приговора в законную силу является лишь потенциальной. С момента же, когда лицо осуждено и приговор суда вступил в законную силу, происходит реализация указанной обязанности, т. е. уголовная ответственность становится реально выраженной в осуждении лица и применении к нему конкретной меры уголовно-правового воздействия.

Как же соотносится уголовная ответственность с уголовным правоотношением?

Вначале, с момента совершения преступного деяния, она, будучи еще не реализованной, выступает в самостоятельной роли в качестве потенциальной обязанности вне рамок уголовного правоотношения. С момента же вступления обвинительного приговора в законную силу уголовная ответственность приобретает статус одного из необходимых элементов уголовного правоотношения¹. И этот момент следует считать началом как уголовного правоотношения, так и уголовной ответственности в ее реализованном виде.

В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на позицию ученых, согласно которой уголовное правоотношение возникает с момента совершения преступления, являющегося юридическим фактом.

А.В. Барков, анализируя точки зрения некоторых ученых по этому вопросу, поддержал мнение тех из них, которые считают, что уголовное правоотношение возникает с момента совершения преступления (юридического факта) [3, с. 8–10]. Однако, если рассматривать уголовное правоотношение комплексно, как это делают представители общей теории права, то следует прийти к выводу о том, что, хотя совершение

---

¹ В отечественной литературе уже была высказана точка зрения, согласно которой уголовная ответственность является элементом уголовного правоотношения [6, с. 48–51]. При этом автор считает, что окончательное свое закрепление отношения между государством, от имени которого выступает суд, и преступником, урегулированные нормами уголовного права, получают в момент вступления приговора в законную силу. Такое мнение высказывалось и ранее на страницах российских изданий [7, с. 158].

преступления есть основание возникновения уголовного правоотношения, момент его возникновения не должен связываться с моментом совершения преступления, поскольку в данный момент еще не имеется всех необходимых элементов правоотношения.

Чтобы подтвердить это, рассмотрим несколько ситуаций применительно к факту совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.

1. Деяние (преступление) совершено, но компетентным органам ничего об этом не известно: отсутствует вторая сторона правоотношения, нет взаимодействия субъектов, отсутствует поведение второго субъекта.

2. О совершенном лицом преступлении стало известно компетентным органам, но преступление не было раскрыто, виновный в его совершении не был изобличен: нет одной стороны правоотношения, отсутствует поведение в соответствии с уголовно-правовой нормой второй стороны (не установлено наличие состава преступления, предусмотренного уголовным законом, не проведена квалификация содеянного).

3. Лицо, совершившее преступление, изобличено, но виновным оно еще не признано: обе стороны правоотношения имеются, но реальная обязанность первой стороны претерпеть ограничения и лишения отсутствует, поскольку нет еще признания судом лица виновным в совершении конкретного преступления, что вытекает непосредственно из конституционного принципа презумпции невиновности (ст. 26 Конституции Республики Беларусь).

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что уголовное правоотношение возникает с момента вступления в законную силу обвинительного приговора суда, т. е. тогда, когда на основании конкретной уголовно-правовой нормы дана правовая оценка содеянного конкретным лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и назначено наказание или иная мера уголовной ответственности.

В этой связи можно согласиться с мнением теоретиков права и в той части, что правоотношение должно иметь соответствующую форму. Применительно к уголовному правоотношению в качестве такой формы должен выступать обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу. Именно в судебном приговоре дана юридическая оценка совершенного деяния, именно в нем проведена квалификация содеянного, а также определены конкретные его правовые последствия

в виде претерпевания виновным ограничений и лишений, соответствующих избранной судом мере уголовной ответственности.

Окончание уголовного правоотношения приходится на момент отбытия осужденным наказания или исполнения иной меры уголовной ответственности при условии, что к лицу не применялись превентивный надзор или профилактическое наблюдение. Уголовная ответственность прекращается с момента погашения или снятия судимости.

Разумеется, лицо, совершившее преступление, до вступления обвинительного приговора в законную силу не будет находиться вне рамок правовых отношений. До этого оно должно быть субъектом уголовно-процессуальных отношений. Кроме того, здесь возможно возникновение и административных правоотношений, например в том случае, если лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст. 86 УК)¹.

Комплексный подход к пониманию сущности правоотношения позволяет нам дать ответ и на пятый вопрос: **имеется ли уголовное правоотношение в случае, когда лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности?**

Конечно же, в данном случае идет речь о конкретном лице, совершившем преступление, т. е. имеются все основания для того, чтобы оно понесло уголовную ответственность. В идеале виновность лица в совершении преступления может установить только суд. Но само по себе признание судом лица виновным в совершении преступления еще не означает возникновение уголовного правоотношения, поскольку суд не реализовал обязанность этого лица понести ответ перед государством в виде претерпевания каких-либо ограничений или лишений, установленных законом. В силу этого вряд ли можно считать наличие уголовного правоотношения в том случае, когда суд принимает решение об освобождении лица от уголовной ответственности. Но поскольку в настоящее время уголовное и уголовно-процессуальное законодательство позволяет применять освобождение от уголовной ответственности еще в период досудебного производства, то вопрос о существовании в таких случаях уголовного правоотношения, на наш взгляд, вообще не может ставиться. Уголовная ответственность, возникающая в

---

¹ К сожалению, автор настоящей статьи весьма неточно выразила свою мысль в учебном пособии, полагая, что уголовное правоотношение возникает с момента применения к конкретному субъекту нормы уголовного права [8, с. 342].

таких случаях как обязанность понести ответ перед государством за содеянное, остается нереализованной. Вместе с этим исчезают предпосылки для возникновения уголовного правоотношения.

Но следует иметь в виду, что УК предусматривает возможность освобождения виновного лица от назначенного наказания при вынесении в отношении его обвинительного приговора. Это касается, в частности, освобождения от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств, предусмотренного ст. 94 УК. Данная норма позволяет суду освободить лицо, осужденное за преступление, не представляющее большой общественной опасности, от наказания, если ввиду пожара или стихийного бедствия, тяжелой болезни или смерти единственного трудоспособного члена семьи либо других чрезвычайных обстоятельств отбывание наказания способно повлечь особо тяжкие последствия для осужденного или его семьи.

Возникает ли в данном случае уголовное правоотношение? Ведь оно предполагает обязанность лица претерпеть ограничения и лишения. По нашему мнению, такое правоотношение возникает, поскольку суд дает отрицательную оценку лицу и содеянному им, осуждает виновного и назначает ему наказание, хотя и принимает решение об освобождении от отбывания этого наказания. То есть фактически лицо понесло ответ перед государством за содеянное им в виде осуждения по приговору суда (отрицательная оценка государством и моральное воздействие с его стороны на осужденного уже имели место). К сожалению, законодатель не предусмотрел обязанностей, ограничивающих права и свободы человека, которые должно выполнить осужденное лицо в рамках возникшего уголовного правоотношения. И хотя в силу ч. 2 ст. 97 УК это лицо считается судимым в течение срока давности исполнения обвинительного приговора (ст. 84 УК), возникшая обязанность вести правопослушный образ жизни в период срока судимости не корреспондирует с обязанностью как компонентом уголовного правоотношения.

В этой связи отдельные нормы УК, по нашему мнению, нуждаются в корректировке. При этом возможны альтернативные подходы. Первый – это уточнение определения понятия уголовной ответственности, содержащегося в ч. 1 ст. 44 УК. Его можно было бы сформулировать следующим образом: уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, **назначении и (или)** применении наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом. Второй подход – с учетом нынешнего определения

понятия уголовной ответственности, которая предполагает осуждение лица по приговору суда и применение к нему наказания или иных мер уголовной ответственности, в ст. 94 УК и соответственно в ст. 81 УК предусмотреть необходимость осуществления профилактического наблюдения за лицом, которое освобождено судом от назначенного наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств.

Что касается других видов освобождения от наказания (условно-досрочное освобождение, замена неотбытой части наказания более мягким, в порядке амнистии или помилования), то во всех случаях лицо осуждается с применением к нему соответствующего наказания (здесь действуют общие правила возникновения уголовного правоотношения). Обязанность виновного лица претерпеть определенные ограничения и лишения, вытекающие из его осуждения за содеянное, становится реальной, и оно ее должно выполнить.

Но если в последующем лицо досрочно и безусловно освобождается от дальнейшего отбывания наказания, то уголовное правоотношение заканчивается с момента освобождения лица от наказания. Исключение составляет условно-досрочное освобождение от наказания, когда в период неотбытой части наказания на лицо еще возлагаются определенные обязанности, ограничивающие его права и свободы.

И наконец, последний вопрос: **как конкурируют уголовные правоотношения с уголовно-процессуальными и уголовно-исполнительными отношениями?**

На наш взгляд, вопросы, решаемые на основе норм уголовного права органами уголовного преследования в связи с фактом совершения преступления или не являющегося таковым общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, охватываются уголовно-процессуальным отношением¹. С момента вступления обвинительного приговора в законную силу наряду с возникшим уголовным правоотношением продолжают иметь место уголовно-процессуальные (в рамках осуществления права на кассационное и надзорное обжалование приговора), возникают уголовно-исполнительные отношения, которые существуют в рамках исполнения соответствующей меры уголовной ответственности, установленной судом, и осуществляются параллельно с уголовными правоотношениями.

---

¹ Вопрос о понятии и содержании уголовно-процессуального отношения является также достаточно сложным и спорным в юридической науке. Но это предмет самостоятельного исследования для представителей уголовно-процессуальной науки.

Библиографические ссылки

1. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В.М. Хомича. Минск, 2002.
2. Курс уголовного права : в 5 т. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002.
3. Барков, А.В. К вопросу о сущности уголовных правоотношений / А.В. Барков // Проблемы уголовного права. Минск, 1976.
4. Санталов, А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А.И. Санталов. Л., 1982.
5. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
6. Мелеховец, Ю.А. Уголовная ответственность как элемент уголовно-правовых отношений // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики : сб. науч. тр. / Ю.А. Мелеховец ; под ред. В.А. Кучинского и Э.А. Саркисовой. Минск, 1996.
7. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права / В.Г. Смирнов. Л., 1965.
8. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005.

© Саркисова Э.А., 2008

Л.И. Кукреш

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Одним из самых ошутимых пробелов в теории уголовного процесса является недостаточная разработка вопроса о содержании уголовно-процессуальных отношений. Специально этой теме посвящена только монография В.П. Божьева [1]. Лишь отдельные аспекты уголовно-процессуальных правоотношений затрагиваются в работах В.М. Горшенева [2, с. 93–95], М.С. Строговича [3, с. 89], Р.О. Халфиной [4, с. 114–127, 284–286], А.А. Пионтковского [5, с. 91], С.Е. Вицына, В.Д. Иванова, А.С. Яковлева [6, с. 154], А.И. Санталова [7, с. 128; 8, с. 17], А.П. Ефимичева [9, с. 46–55] и др.

Малоизученность указанной проблемы проявилась в том, что наиболее важные вопросы, касающиеся уголовно-процессуальных отношений, по сути, оказались не решенными не только в теории, но и в законодательстве, что отрицательно сказалось на практике. К числу

таких вопросов следует отнести прежде всего вопросы об истоках данного института в уголовном процессе, его правовой сути, правовой значимости, соотношении с уголовными правоотношениями. Даже этот далеко не полный перечень вопросов, требующих своего теоретического осмысления, и в первую очередь в целях четкого определения основных элементов, составляющих структуру уголовно-процессуальных правоотношений, значимости их для правоприменительной деятельности, свидетельствует о необходимости углубленной разработки данной проблемы.

Создавшееся положение в науке уголовного процесса привело к тому, что в литературе, особенно учебной, вопрос о правоотношениях или вообще не рассматривается [10; 11; 12], или освещается вскользь, лишь применительно к определению понятия уголовного процесса.

Вместе с тем уголовно-процессуальные правоотношения – неотъемлемый институт уголовного процесса. Ни одно процессуальное действие лица, ведущего уголовный процесс, не является обращенным к самому себе или не вызывающим каких-либо юридических последствий. Эти действия, решения, называемые в общей теории права юридическими фактами, получающими свое процессуальное закрепление в соответствующих юридических актах (постановлениях, определениях, приговорах), являются правообразующими (постановление о признании лица потерпевшим), правоизменяющими (постановление об отмене меры пресечения, мер безопасности в отношении защищаемого лица), правопрекращающими (постановление о прекращении уголовного преследования). Такими юридическими фактами являются и заявления, ходатайства, жалобы участников уголовного процесса. Все они предопределяют соответствующие отношения должностных лиц и органов, ведущих уголовный процесс, с лицами, чьи интересы были затронуты. Что это за отношения и в чем их суть? Всегда ли они являются правовыми? Как соотносится их содержание с содержанием уголовного процесса? Все эти и целый ряд других вопросов, касающихся уголовно-процессуальных отношений, требуют своего разрешения.

Так, давая определение уголовного процесса, авторы учебников, учебных пособий обозначают его как деятельность, отношения и правовую регламентацию; как движение уголовного дела; в англосаксонской правовой системе – как спор, борьбу, состязание между государством и обвиняемым [11, с. 10–11]. В учебных изданиях белорусских авторов суть уголовно-процессуальных правоотношений определяется автономно, без связи с определением уголовного процесса и они представляются либо как форма уголовно-процессуальной деятельности [13, с. 17], либо как урегулированные нормами права отношения, воз-

никающие между участниками уголовного процесса, другими лицами при производстве по материалам и уголовным делам [14, с. 43; 15, с. 12].

Из изложенного можно сделать вывод, что одни авторы считают правоотношения атрибутом уголовно-процессуальной деятельности, другие не придают им той значимости, которую они поистине заслуживают применительно к определению сути уголовного процесса, его содержания. А ведь четкость определения содержания изучаемой дисциплины, содержания и характеристики уголовно-процессуальной деятельности, проведение соотношения ее с правоотношениями предопределяют конкретность, ясность предмета уголовного процесса.

Понятие уголовно-процессуальных правоотношений, вероятно, должно базироваться на выработанных общей теорией права подходах к определению правоотношения. Под правоотношениями как юридической формой общественных отношений в той или иной вариантности понимаются возникающие на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, гарантированными государством [16, с. 407].

Значимость института уголовно-процессуальных правоотношений определяется в первую очередь их структурой, в которую включаются субъекты, их субъективные права и обязанности, объекты, реальное поведение сторон. Раскрытие этой структуры обуславливает необходимость четкого определения прежде всего объекта уголовно-процессуальных правоотношений.

В литературе прослеживается неоднозначный подход к решению данного вопроса. Представляется, что к определению объекта уголовно-процессуальных правоотношений следует, во-первых, подходить с позиций общего теоретического определения объекта правоотношений, а во-вторых, учитывать суть уголовного процесса, его назначение.

А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский объектом правоотношения считают те блага, на достижение, использование и охрану которых направлены интересы сторон правоотношения и ради чего реализуются их субъективные права и обязанности [16, с. 418]. В данном случае имеется в виду целевое назначение, ожидаемый результат правомерного поведения его субъектов. Правоотношение же, в свою очередь, предопределяется тем юридическим фактом, который обусловил его возникновение, и тем интересом, вследствие которого возникла конкретная правоприменительная деятельность. Но любая правоприменительная деятельность, регламентированная определенной отраслью права, складывается из совокупности правоотношений.

Профессор В.П. Божьев дифференцирует объект уголовно-процессуальных правоотношений на объект в целом при производстве по материалам и уголовному делу, т. е. на объект совокупности всех уголовно-процессуальных правоотношений, составляющих, по сути, содержание всего уголовного процесса, и на объект специального (индивидуального) правоотношения, которым является ожидаемый результат поведения конкретного участника конкретного процессуального действия, решения, обусловившего возникновение этого отдельного правоотношения [1, с. 136–138].

Индивидуальные, единичные правоотношения, объектом которых является ожидаемый результат конкретных отношений, как правило, не несут на себе какой-то социальной нагрузки. Сам по себе в единственном числе такой объект, как правило, не влияет на результаты предварительного расследования и судебного разбирательства. Он не раскрывает особенностей уголовного процесса в целом, его социального назначения. Например, признательные показания обвиняемого в совершении им преступления не могут быть положены в основу выводов по уголовному делу, если они не подтверждаются другими доказательствами, полученными посредством других правоотношений. Целью применения меры пресечения в отношении обвиняемого является предотвращение уклонения его от следствия и суда; целью наложения ареста на имущество является обеспечение гражданского иска; целью проведения любого следственного действия – получение определенного доказательства, имеющего значение для правильного разрешения уголовного дела, и т. д. Более того, такие участники, как переводчик, специалист, свидетель, вообще далеко не всегда видят конечную цель тех отношений, субъектом которых они стали по велению органа, ведущего уголовный процесс. Безусловно, возникают данные отношения не спонтанно, не внезапно. Это результат запланированных лицом, ведущим производство по материалам или уголовному делу, обусловленных ходом расследования или судебного разбирательства, инициируемых участниками уголовного процесса действий, направленных на установление обстоятельств уголовного дела.

Вся процедура расследования и судебного разбирательства уголовного дела, ее регламентация – это конкуренция прав и интересов потерпевших и лиц, совершивших общественно опасное деяние, интересов личности и общества, интересов обвиняемого и лица, ведущего уголовный процесс, и т. д. Любое положение (правило) уголовного судопроизводства либо защищает интересы лица, пострадавшего от преступления, и тогда ограничивает права привлекаемого к уголовной ответственности, либо обеспечивает защиту (увеличивает ее степень)

прав виновного и соответственно уменьшает меру защиты прав и интересов потерпевшего от преступления, интересов общества [17, с. 45]. И бесследно такие жизненные ситуации не проходят. Они вызывают соответствующие правоотношения.

Совокупность же этих правоотношений направлена на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, перечень которых закреплен в ст. 89 УПК. К ним относятся: наличие общественно опасного деяния, предусмотренного УК; виновность обвиняемого в совершении преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого; характер и размер вреда, причиненного преступлением. Если преломить эти обстоятельства на уголовно-правовую категорию «состав преступления», то, по сути, указанной уголовно-процессуальной нормой предписывается цель установления в процессе уголовно-процессуальной деятельности наличия или отсутствия именно состава преступления, что предопределяет в конечном итоге возникновение уголовных правоотношений.

И в этом плане не представляется возможным согласиться с утверждением В.П. Божьева, указывающим на общность объекта уголовно-процессуальных и уголовных правоотношений. Он считает, что совокупность уголовно-процессуальных правоотношений при производстве по материалам и уголовному делу направлена на «установление объективного состояния уголовно-правового отношения», которое возникает в результате уголовно-процессуальной деятельности в связи с вступлением приговора суда в законную силу, что подтверждает связь уголовно-процессуальных и уголовных правоотношений, выражающуюся в их общем объекте, коим он называет уголовные правоотношения [1, с. 138–139]. На самом деле и начало, и завершение, и содержание уголовно-процессуальных и уголовных правоотношений, в том числе и их объекты, не совпадают.

Вместе с тем каждое уголовно-процессуальное правоотношение само по себе значимо, так как именно в ходе его идет реализация конкретных прав и обязанностей лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. Соблюдение при этом установленной процессуальной формы является необходимым условием для определения законности полученного результата и возможности использования его для формулирования юридически значимого вывода, принятия соответствующего закону решения. И в данном контексте актуальной видится проблема правосубъектности лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений, как одной из составляющих любого отношения. Традиционно основой определения правосубъектности участника уголовного процесса является наличие материального и процессуального

основания для наделения его статусом участника уголовного процесса, предопределяющего законодательное закрепление его процессуального положения.

Постановка данного вопроса обусловлена наличием несоответствия отдельных положений УПК, касающихся правового статуса лица, ставшего субъектом уголовно-процессуального отношения, принципу конституционности.

Следует вспомнить, что УПК 1960 г., как подчеркнул А.В. Смирнов, впервые обнаружил в советском уголовном процессе человека [18, с. 208–210]. Именно в этом законе были четко сформулированы права участников уголовного процесса, в первую очередь обвиняемого, и обозначены встречные обязанности государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс; защитник хоть и в ограниченных случаях, но был допущен в уголовное дело со стадии предварительного расследования; получили законодательное закрепление принципы независимости суда, осуществления правосудия только судом, равенства граждан перед законом, обеспечения обвиняемому права на защиту и т. д.

Еще глубже в этом направлении пошел УПК 1999 г. В ст. 7 в качестве задачи уголовного процесса закреплена защита личности как главная обязанность органа, ведущего уголовный процесс, и в связи с этим значительно расширены права участников процесса, подозреваемый получил статус самостоятельной процессуальной фигуры.

Вместе с тем уголовно-процессуальные нормы далеко не безупречны в той части, в какой они умаляют возможность принятия соответствующего решения лицом, ведущим уголовный процесс, по собственному усмотрению; прослеживается приоритет наделения правом решать вопросы с позиций силы (влажности) там, где отсутствует четкость и полнота правовой регламентации удовлетворения своего законного интереса субъектом процессуального отношения, противостоящим лицу, ведущему уголовный процесс. В частности, можно ли говорить о правовых отношениях в сфере уголовного процесса, если в производство по материалам и уголовному делу вовлечено физическое лицо, имеющее в связи с этим определенный правовой интерес, но не признанное в процессуальном порядке участником уголовного процесса?

В п. 49 ст. 6 УПК, закрепившем перечень участников уголовного процесса и не допускающем расширительного его толкования, вместе с тем не упоминаются такие участники, как залогодатель, поручитель, заявитель, пострадавший и другие субъекты, которые фактически вступают в отношения, но юридически законом не признаются участниками и, естественно, процессуальное положение которых не опреде-

ляется. Какой юридической платформой можно обосновать эти отношения как правовые, если в УПК не обозначены права и обязанности лиц, являющихся субъектами этих отношений? Но уголовно-процессуальные санкции при этом в отношении некоторых из них закреплены в УПК. Так, залогодатель в случае нарушения обвиняемым меры пресечения может оказаться без суммы, внесенной им в качестве залога. И в то же время залогодатель, внесший залог в качестве меры пресечения как гарантию примерного поведения обвиняемого, имеет право требовать свои деньги обратно, если он обеспечил надлежащее поведение обвиняемого. В данном случае естественно как требование лица, так и обязанность органа вернуть полученный залог – эти условия оговорены в процессуальных документах, оформивших указанную меру пресечения. Но нет нормы, определившей залогодателя в качестве участника уголовного процесса. Если отношения вовлеченных в уголовный процесс лиц с органом уголовного преследования не урегулированы правом с позиций правосубъектности данных лиц, то к каким отношениям следует отнести отношения залогодателя и, например, органа расследования? Реально выстроенные отношения между ними, а также и с обвиняемым, поскольку они не урегулированы законом, назвать в полном смысле правовыми не совсем корректно. Если это не правоотношения, то можно оспаривать и законность всех связанных с ними действий и решений.

В контексте рассматриваемой темы интерес представляет и такое явление в уголовном процессе, как соединение в одном физическом лице одновременно статусов нескольких субъектов уголовного процесса, причем приобретение им процессуальных статусов имеет разновременные границы, различные, далеко не обязательно предусмотренные законом основания и особый процессуальный порядок появления данного лица в конкретном статусе в уголовном процессе. Одним из таких, наиболее часто встречаемых является лицо, пострадавшее от преступления. Появляется пострадавший в уголовном процессе, как правило, в качестве заявителя о совершенном в отношении его преступлении. Затем после возбуждения дела при наличии оснований он постановлением органа расследования признается потерпевшим, а при подаче искового заявления о возмещении (компенсации) причиненного ему вреда (ущерба) – гражданским истцом. Общим для этих трех ипостасей является то, что данное лицо было объектом преступного посягательства, в результате которого ему причинен вред. Это следует изначально из его заявления, а также из факта установления в результате проверки по его заявлению наличия общественно опасного деяния. Вместе с тем путь от поступления заявления до обретения лицом

статуса участника уголовного процесса не такой быстрый, не такой юридически чистый, как это должно быть.

Выше мы отметили, что УПК хоть и упоминает термин «заявитель», но не признает его участником уголовного процесса. И в таком качестве это лицо может быть в течение трех месяцев, так как проверка по заявлению от обычных 10 суток может быть продлена прокурором до одного месяца и в отдельных случаях – до трех месяцев. Лицо остается безучастным ко всему происходящему при производстве по его заявлению. И только решение об отказе в возбуждении уголовного дела по его заявлению может быть обжаловано в суд. Но это возможно, если следователь (дознатель) разъяснит ему данное право. В ч. 3 ст. 178 УПК, регламентирующей порядок отказа в возбуждении уголовного дела, говорится об обжаловании данного решения только прокурору. И только на основании ст. 139 и 174 УПК можно обосновывать наличие этого права у заявителя. Что же касается его реализации, то она зависит в значительной мере от лица, выносящего постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Далее орган расследования, возбуждая уголовное дело, констатирует наличие общественно опасного деяния, о котором сообщило лицо, пострадавшее от преступления (заявитель). Но данное решение на практике, как правило, не совпадает с признанием лица потерпевшим, хотя законом предписывается при наличии оснований немедленное принятие данного решения (ч. 2 ст. 49 УПК). Более того, как это следует из постановления пленума Верховного суда, пострадавшее от преступления лицо может быть вообще не признано органом уголовного преследования потерпевшим. Этот пробел без никаких последствий может восполнить судья в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства или в судебном заседании, если об этом поступит ходатайство данного лица [19]. Наряду с этим законодатель позволяет называть лицо, пострадавшее от преступления, потерпевшим в случаях, когда постановление о признании его таковым и не выносилось. Так, в п. 14 ст. 50 УПК, регламентирующей права потерпевшего, говорится о его праве на получение копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, в то время как данное решение выносится до возбуждения уголовного дела, потерпевшим же лицо признается только по уголовному делу.

В УПК имеются и другие примеры непоследовательности законодателя в определении субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Так, закон (ч. 1 ст. 426 УПК) констатирует, что уголовное дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от пре-

ступления, либо его представителем. Но в УПК, как мы отметили, не определено, кто такой пострадавший, и не указывается такой участник, как представитель пострадавшего (понятия «потерпевший» и «представитель потерпевшего» не совпадают с субъектами, указанными в ч. 1 ст. 426 УПК). Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 426 УПК с момента принятия судом заявления о преступлении, преследуемом в порядке частного обвинения, заявитель становится частным обвинителем, а лицо, в отношении которого подано заявление, – обвиняемым. Таким образом, указанные лица автоматически в силу такого акта, как принятие заявления, становятся субъектами уголовно-процессуальных правоотношений. Но заявителем о преступлении частного обвинения, как уже указывалось, может быть не пострадавшее лицо, а его представитель. Кем же в этом случае является лицо, пострадавшее от преступления, и каков его статус в судебном заседании? В УПК нет нормы, согласно которой можно было бы ответить на этот вопрос. Вместе с тем в ряде норм (п. 17 ч. 1 ст. 50, п. 1 ч. 2 ст. 59) относительно данного лица применяется термин «потерпевший», что не согласуется с базовым определением потерпевшего, данным в ст. 49 УПК.

Но если фигура потерпевшего в досудебном производстве по уголовному делу в силу принципа публичности находится под защитой органа уголовного преследования, то гражданский истец по ряду позиций в определенной мере идентичен одноименному участнику в гражданском судопроизводстве. Наряду с этим он, как и потерпевший, становится участником уголовного процесса только после признания его таковым органом, ведущим уголовный процесс. Вместе с тем вряд ли кем-либо оспаривается то, что право на возмещение (компенсацию) вреда (ущерба), причиненного лицу преступлением, возникает уже тогда, когда права или законные интересы человека были нарушены. Моментом начала обеспечения этих прав должно быть, как подчеркивает Б.Т. Ахрамходжаев, «обращение пострадавшего лица в правоохранительные органы с заявлением или с сообщением о совершенном преступлении» [20, с. 18]. Наличие вреда, причиненного общественно опасным деянием, служит тем юридическим фактом, который является предпосылкой возникновения правоотношений, обусловленных конституционным правом лица (ч. 2 ст. 60 Конституции) на взыскание его в судебном порядке: гражданин вправе заявить иски, а причинитель вреда обязан возместить этот вред. Именно данный постулат лег в основу гражданских правоотношений. В соответствии со ст. 55, 56, 60 ГПК лицо становится гражданским истцом с момента предъявления гражданского иска. В уголовном же процессе, где гражд-

данский иск является следствием совершения общественно опасного деяния, процедура допуска потерпевшего лица к правосудию при наличии на то его желания и статутных прав, закрепленных в ст. 53 УПК, зависит от решения органа, ведущего уголовный процесс. И совсем непонятно, почему законодатель в перечне прав потерпевшего не указал его право на возмещение причиненного ему преступлением вреда.

В указанных случаях лицо, в отношении которого совершено преступление, до признания его потерпевшим и гражданским истцом выступает в уголовном деле в качестве свидетеля. А это такой участник, который в уголовном деле не имеет какого-то личного интереса в отличие от явно заинтересованных потерпевших и гражданских истцов, которые наделяются соответствующими правами в целях удовлетворения, защиты своего интереса.

Не иначе как ограничивающими конституционное право обвиняемого на судебную защиту (ст. 60 Конституции) следует воспринимать нормы ч. 1 и 2 ст. 382 УПК, согласно которым, во-первых, в перечне субъектов, имеющих право на участие в заседании суда кассационной инстанции, не упоминается обвиняемый, а во-вторых, участие обвиняемого, содержащегося под стражей, при рассмотрении кассационной жалобы или протеста зависит от усмотрения суда. Все остальные заинтересованные в исходе уголовного дела участники процесса определяют явку в судебное заседание самостоятельно, за исключением случаев, когда суд обязывает их явиться. Аналогичное ограничение в отношении обвиняемого, подозреваемого закреплено и относительно участия данных лиц в судебном заседании при рассмотрении их жалоб на применение в отношении их меры пресечения в виде заключения под стражу или продление сроков этой меры.

Завершая рассмотрение поставленных вопросов, считаем важным подчеркнуть, что производство по уголовному делу ведется в значительной мере именно в целях реализации затронутых совершенным общественно опасным деянием прав участников уголовного процесса, реализуемых в правоотношениях. Но если они не урегулированы законом, ставится под сомнение правовая значимость этих отношений, не определяется их содержание, появляется возможность принятия решений по усмотрению должностного лица, ведущего уголовный процесс. А это порождает вопрос: являются ли отношения, связанные с реализацией норм, регламентирующих указанные действия, правовыми? И если они не являются таковыми, то процессуальные решения, принимаемые по результатам совершенных действий, не могут соответствовать требованиям принципа законности.

Библиографические ссылки

1. Божьев, В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П. Божьев. М., 1975.
2. Теория юридического процесса / под ред. В.М. Горшенева. М., 1985.
3. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. Т. 1. М., 1968.
4. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношениях / Р.О. Халфина. М., 1974.
5. Пионтковский, А.А. Правоотношения в уголовном праве / А.А. Пионтковский // Правоведение. 1962. № 2.
6. Вицын, С.Е. Ответственность по советскому праву [теорет. конф.] / С.Е. Вицын, В.Д. Иванов, А.С. Яковлев // Правоведение. 1968. № 2.
7. Санталов, А.И. Уголовно-правовые правоотношения и уголовная ответственность / А.И. Санталов // Вестн. Ленинград. ун-та. 1974. № 5. Вып. 1.
8. Санталов, А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А.И. Санталов. Л., 1982.
9. Ефимичев, А.П. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения при привлечении в качестве обвиняемого по делам о налоговых преступлениях / А.П. Ефимичев // Журн. рос. права. 2002. № 6.
10. Смирнов, А.В. Уголовный процесс : учеб. для вузов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. 2-е изд. СПб., 2005.
11. Уголовный процесс : учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2004.
12. Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс России : учеб. пособие / Б.Т. Безлепкин. 2-е изд. М., 2004.
13. Борико, С.В. Уголовный процесс : учебник / С.В. Борико. Минск, 2005.
14. Шостак, М.А. Уголовный процесс. Общая часть : ответы на экзаменац. вопр. / М.А. Шостак. Минск, 2006.
15. Кукреш, Л.И. Уголовный процесс. Общая часть : учеб. пособие / Л.И. Кукреш. Минск, 2005.
16. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. М., 2004.
17. Михайловская, И. Права личности – новый приоритет УПК РФ / И. Михайловская // Рос. юстиция. 2002. № 7.
18. Смирнов, А.В. Состязательный процесс / А.В. Смирнов. СПб., 2001.
19. О некоторых вопросах применения уголовно-процессуального закона в суде первой инстанции : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 сент. 2006 г., № 6 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 115. 6/341.
20. Ахрамходжаев, Б.Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Б.Т. Ахрамходжаев ; Высш. юрид. заоч. шк. МВД РФ. М., 1992.

© Кукреш Л.И., 2008

СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В юридической науке вряд ли возможно назвать иную проблему, которая вызывала бы столь ожесточенные дискуссии, как проблема правоотношений. В первую очередь такое положение вещей можно объяснить фундаментальностью понятия правоотношения для теории права. Следует согласиться с Р.О. Халфиной, которая отмечает, что правоотношение «выражает... особый вид связи права с регулируемы-ми им общественными отношениями, в которой диалектически сочетается абстрактность нормы с конкретностью данного жизненного отношения. Именно поэтому проблема правоотношения привлекает к себе широкое внимание как теории государства и права, так и теории ряда отраслей» [1, с. 4].

Однако споры, к сожалению, мало способствуют единству взглядов на сущность, структуру и содержание правоотношений. В трактовке этого понятия имеются значительные расхождения. Иногда понятие правоотношения сужается до такой степени, что охватывает лишь гражданско-правовые обязательственные отношения, иногда настолько расширяется, что теряет всякую определенность специфической формы связи права с общественными отношениями и, по существу, перестает функционировать. Столь же разноречивы и определения понятий субъективного права, субъекта и объекта права, санкции, ответственности [1, с. 5; 2].

Исходя из того что глобальное решение обозначенной проблемы в настоящее время вряд ли возможно, полагаем полезной ее проработку на отраслевом уровне с целью накопления общетеоретического материала. Речь, в частности, идет об оперативно-розыскных правоотношениях. В качестве отправной позиции, на наш взгляд, можно рассматривать то позитивное обстоятельство, что в своем подавляющем большинстве ученые в качестве обязательных элементов любого правоотношения называют субъектов и объекты, а также его содержание.

Естественно, говорить о правоотношениях можно лишь тогда, когда существуют нормы права, соответствующее законодательство.

До 1992 г. как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь системного законодательного регулирования процесса негласного получения информации для защиты личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, в том числе преступлений, не было. Подобного рода деятельностью уполномочены были заниматься орга-

ны внутренних дел и государственной безопасности, причем как содержание регулирующих ее ведомственных нормативных актов, так и организация и тактика такой работы составляли государственную тайну.

В органах внутренних дел названная деятельность именовалась оперативно-розыскной, соответствующий аналог существовал и в системе обеспечения государственной безопасности. Содержательно она рассматривалась как процесс применения специальных сил и средств для решения поставленных перед этими службами государством задач. Компетенция данных органов государства была достаточно отличной, равно как и тактика и методика осуществления ими своих полномочий.

При отсутствии открытого нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности (ОРД) никто не рассматривал ее как разновидность деятельности юридической, не ставил вопрос об особенностях правовой регламентации и оперативно-розыскных правоотношениях. Более того, ряд ученых вообще отрицали саму возможность возникновения и существования правоотношений в ОРД, а некоторые пытались обосновать в этом случае возможность и формы реализации правовых норм вне правоотношений. Сами же правовые нормы, регламентирующие оперативно-розыскной процесс, в теории и учебном процессе рассматривались как составная и неотъемлемая часть организации и тактики ОРД.

В марте 1992 г. в Российской Федерации, а в ноябре того же года в Республике Беларусь были приняты законы «Об оперативно-розыскной деятельности». Их значение, в частности, определяется тем обстоятельством, что впервые оперативно-розыскная деятельность получила статус юридической, регламентируемой законом. Несколько позднее в Конституциях России и Беларуси была зафиксирована органическая взаимосвязь реализации прав и исполнения обязанностей, а также возможность ограничения прав и свобод граждан при наличии оснований и условий, указанных в законе. Наряду с органами внутренних дел и государственной безопасности право осуществления оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 7 закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» имеют также оперативные подразделения пограничной службы, Службы безопасности Президента Республики Беларусь, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь, таможенных органов и органов внешней разведки Министерства обороны Республики Беларусь. Сразу же одной из актуальнейших стала проблема взаимопонимания и взаимодействия в сфере оперативно-розыскной деятельности указанных ведомств, каждому из которых для решения государством были определены свои задачи. Еще в 1998 г. на

одной из конференций прозвучал призыв специалистов в области теории ОРД, профессоров И.И. Басецкого, И.А. Климова и Г.К. Синилова отнести к числу наиболее важных проблем названной деятельности проблему ее языка: «Чтобы достигнуть эффективного взаимопонимания участники общения должны обладать соответствующим запасом терминов, понятий, обозначений, **одинаково понимаемых и реализуемых**. В этих целях на базе языка естественного общения людей создается специализированный язык определенной науки, отличающийся достаточной однозначностью употребляемых терминов, выражений и знаков, раскрывающих специфическое содержание объектов и предметов, исследуемых именно этой наукой» (выделено нами. – В.Г.) [3, с. 6].

В связи с обозначенной проблемой и поиском путей ее решения представляется весьма важным рассмотрение сущности и особенностей оперативно-розыскных правоотношений. К этому вопросу уже обратились ученые России, однако их подходы, как и подходы белорусских ученых, пока остаются традиционными, отрицающими существование правоотношений в ОРД, особенно при осуществлении ее негласно [4, с. 71–75; 5, с. 30–34].

Нам хотелось бы обратить внимание на то, что данный вопрос имеет не только юридическое, но и политическое и идеологическое значение. В первую очередь речь идет о признании того обстоятельства, что если в юридической деятельности, урегулированной нормами закона, не возникают правоотношения, то назвать такую деятельность законной и правовой весьма затруднительно. И какие бы мы ни находили этому оправдания, они не станут обоснованием законности такой работы. И не исключено, что в определенной социальной ситуации сотрудникам правоохранительных органов и спецслужб вновь предъявят претензии (если не обвинения) в осуществлении неконституционной, неправовой деятельности. И это при том, что в абсолютном своем большинстве сотрудники названных структур – исключительно законопослушные люди, добросовестно исполняющие свой долг по обеспечению безопасности Отечества.

В силу названных причин мы и предлагаем собственную версию сущности и особенностей оперативно-розыскных правоотношений. Но прежде полагаем уместным отметить, что белорусский законодатель в 1999 г. принял знаковое законодательное решение, указав в преамбуле закона «Об оперативно-розыскной деятельности», что он «определяет содержание оперативно-розыскной деятельности, **регулирует правоотношения**, возникающие в ходе ее осуществления» (выделе-

но нами. – В.Г.). В то же время в законе присутствует скорее философское, нежели правовое определение ОРД, не раскрыто содержание ее негласного характера в отличие от гласного. И наконец, не дано четкой констатации уникальности содержания оперативно-розыскных правоотношений.

Неразрешенной проблемой, негативно влияющей на разработку теоретических вопросов ОРД, в первую очередь оперативно-розыскных правоотношений, по нашему мнению, является отсутствие единства научных подходов в определении содержания термина «негласный». Отсюда неконкретность аналитических разработок и принципиальная невозможность отыскания компромисса. Нам представляется, что прежде чем анализировать юридическую сущность ОРД, а также сущность и особенности оперативно-розыскных правоотношений, необходимо указать, что ее негласный характер юридически определяется тем, что мы стремимся получить необходимую нам информацию помимо волеизъявления ее собственника (владельца). При этом мы не только не ставим его в известность о наших намерениях, но и в соответствии с законом (принципом конспирации) должны всячески этого избегать. Если же собственнику информации становится известно об оперативно-розыскной деятельности, он получает возможность требовать, в том числе и через суд, сообщения о том, какая конкретно информация вышла из его владения помимо его воли. Именно в этом, по нашему мнению, суть негласности применительно к оперативно-розыскной деятельности и основа методологического единства анализа ее правовой природы.

Поскольку вопрос оперативно-розыскных правоотношений неотделим от самой оперативно-розыскной деятельности, мы должны указать, что в соответствии с действующим законом она представляется системой мер получения информации, необходимой для решения поставленных законодателем задач в целях обеспечения национальной безопасности, в том числе защиты личности, общества и государства от преступных посягательств. Получение такой информации осуществляется как с помощью лиц, оказывающих содействие, в том числе и негласное, соответствующим государственным органам, так и путем проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий.

С позиций теории права мы можем говорить о возможном наличии правоотношения тогда, когда имеется общественное отношение как минимум между двумя сторонами, регулируемое нормой права. При этом на каждой стороне может быть от одного до неопределенного множества субъектов, которые в соответствии с содержанием правовой нормы могут реализовывать свои субъективные права и должны

исполнять свои юридические обязанности, которые рассматриваются как содержание правоотношения [6, с. 44–53; 7; 8; 9]. С таких классических теоретико-правовых позиций отношения с лицом, оказывающим содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, всегда являлись и являются правоотношениями. Во-первых, это общественные отношения сотрудничества, направленные на решение задач, поставленных государством перед органами, осуществляющими ОРД. Другими словами, эти отношения признаются государством общественно полезными. Во-вторых, мы имеем как минимум две стороны, представленные соответствующим субъектами: оперативным работником названных органов и лицом, оказывающим им содействие. Субъекты как одной, так и второй стороны правовой нормой наделены как соответствующими субъективными правами, так и необходимыми юридическими обязанностями, что образует содержание конкретного правоотношения содействия.

Таким образом, в рамках данного правоотношения решения и поступки субъектов принимаются и реализуются в соответствии с их волеизъявлением, в случае нарушения предписаний правовой нормы они имеют возможность предпринять соответствующие меры по защите нарушенных прав и интересов. Когда законодатель говорит о негласном сотрудничестве, он в этом случае фактически говорит о необходимости защиты информации, находящейся внутри правоотношения и его субъектов, а также самого факта существования конкретного правоотношения. Эти сведения должны быть сохранены в тайне от лиц, находящихся за пределами правоотношения, и это требование отвечает интересам обеих сторон. Внутри же правоотношения стороны (субъекты сторон) действуют по отношению друг к другу **гласно** с точки зрения права. Сегодня об этом можно говорить утвердительно, ибо законодатель подчеркивает добровольность содействия, т. е. свободу волеизъявления каждой из сторон.

Но возникновение и функционирование подобного правоотношения не самоцель. Оно создается для того, чтобы одна сторона, назовем ее условно «оперативный сотрудник», с помощью другой стороны, также условно назовем ее «лицо, оказывающее содействие, в том числе негласное», реализуя правовые предписания, могла получить интересующую ее информацию о третьих лицах либо процессах за пределами первоначального правоотношения. Парадоксальность ситуации в контексте существующих ныне традиционных взглядов состоит в том, что лицо, оказывающее негласное содействие, получая интересующую информацию, действует по отношению к собственнику либо владельцу

информации также **гласно**. Противоправный характер его действий мы исключаем из рассмотрения, ибо нормы права не реализуются путем их нарушения. Он может не сообщить собственнику информации свой истинный интерес в получении искомых сведений, направления дальнейшего их использования. Подобные ситуации мы наблюдаем и в иных классических, например гражданских, правоотношениях. Полагаем, что именно потому, что лицо по поручению оперативного работника действует по отношению к собственнику (владельцу) информации гласно, законодатель не оговаривает никаких дополнительных оснований и условий для осуществления такой деятельности, равно как и разрешений надзирающего органа (прокурора, суда) на ее производство.

Собственник (владелец) информации имеет возможность сам защитить свои конституционные права и свободы, проявив разумную осторожность, бдительность и т. д. Так он должен поступать и в иных гласных ситуациях.

Таким образом, правовые отношения, возникающие в связи с оказанием лицами содействия (в том числе негласного) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, по характеру своего внутреннего содержания являются гласными. Негласными эти правоотношения могут быть только по отношению к лицам за его пределами.

Результаты правового анализа сущности оперативно-розыскных мероприятий показывают их правовую неоднородность. Так, в ходе осуществления опроса граждан, наведения справок, сбора образцов для сравнительного исследования, проверочной закупки, исследования предметов и документов, отождествления личности и оперативного внедрения возникают правоотношения, классические по своей структуре, так же как и при установлении отношений с лицами, оказывающими содействие. По существу, названные мероприятия представляют собой реализацию в оперативно-розыскной деятельности методов познания. Они связаны с получением информации непосредственно от ее собственника либо владельца. Никаких правовых мер принуждения за отказ предоставить такую информацию закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не предусматривает. В силу названных причин негласное осуществление таких мероприятий либо невозможно, либо попросту бессмысленно.

Совершенно иной, можно сказать, уникальный характер имеют правоотношения, которые возникают при осуществлении таких оперативно-розыскных мероприятий, как наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных

средств, слуховой контроль, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, контролируемая поставка и оперативный эксперимент. Его с полным основанием можно назвать исключительным: в этих случаях сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, действуют **негласно (тайно) не только по отношению к тем, кто находится за пределами правоотношения, но и по отношению к собственнику или владельцу информации, т. е. стороне правоотношения.** Они всячески скрывают от него даже свой интерес к информации. Информация уходит от ее собственника (владельца) помимо его волеизъявления, и в этом смысле характер взаимосвязей **внутри правоотношения негласный.** Информирование кем бы то ни было собственника информации о намерениях негласно ее получить в лучшем случае лишает проводимые оперативно-розыскные мероприятия смысла. Такие оперативно-розыскные мероприятия являются негласными по своей правовой природе, в силу этого именно они ограничивают конституционные права и свободы граждан. Отсюда и необходимость дополнительных гарантий государства при осуществлении таких оперативно-розыскных мероприятий в виде санкций (разрешений) прокурора либо суда, установления перечня юридических оснований и условий для их производства.

Еще одним характерным признаком таких мероприятий является, как правило, использование при их осуществлении для негласного получения нужной информации технических средств, приспособленных либо специально созданных для этого.

Контролируемая поставка и оперативный эксперимент, отнесенные законодателем к оперативно-розыскным мероприятиям, в то же время, по существу, представляют собой тактические операции [10].

Таким образом, уникальность и своеобразие самой оперативно-розыскной деятельности заключается в предоставлении сотрудникам соответствующих органов права осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, в ходе которых они получают информацию тайно (негласно) от лиц, ею располагающих. В этом существе оперативно-розыскной деятельности как разновидности деятельности юридической, т. е. разрешенной, регулируемой законодателем и влекущей правовые последствия.

Вполне понятно, что наибольшее неприятие предлагаемая точка зрения в отношении оперативно-розыскных мероприятий вызывает именно в сфере негласного осуществления оперативно-розыскной дея-

тельности, когда наиболее чувствительно затрагиваются основные конституционные права и свободы граждан, а они лишаются возможности самостоятельно противодействовать этому. Возникает сомнение: можно ли говорить о правоотношении, если один из субъектов не знает, как реализуются его конкретные права и обязанности и кто ему в этом противостоит?

Реализацию правовой нормы (норм) в отдельном правоотношении вне правовой системы представить невозможно. Это касается в полной мере и оперативно-розыскных правоотношений. Любой гражданин знает о своей конституционной обязанности законопослушания. В этом случае ему гарантируется государством неприкосновенность его прав и свобод. Если же поведение гражданина не соответствует правовым предписаниям либо нарушает их, то такие факты в соответствии с законом об ОРД могут рассматриваться как основания для получения необходимой информации о нем, в том числе негласно, в целях обеспечения национальной безопасности. Другими словами, такой гражданин заведомо знает об основаниях и условиях, при наличии которых конкретно он должен будет претерпеть ограничение прав и свобод, в том числе и конституционных, т. е. исполнить юридическую обязанность. Исполнение такой обязанности органично связано с реализацией права, предоставленного сотруднику оперативно-розыскного органа, решающего поставленные перед ним законодателем задачи.

Понимая, что в такой ситуации гражданин ограничен в защите своих прав и свобод, законодатель устанавливает целый ряд гарантий, которые должны обеспечить строгое соблюдение законности в сфере негласной деятельности. Это уже упоминавшиеся основания и условия для производства оперативно-розыскных мероприятий, обязательность разрешений на их осуществление со стороны компетентных государственных органов (прокуратуры либо суда), установление сроков их производства, возможность судебной защиты и т. д.

Таким образом, оперативно-розыскные правоотношения полностью соответствуют общетеоретическим представлениям о сущности и содержании института правоотношений. В них присутствуют субъекты, осознающие характер своих действий и содержание правовых норм, предоставляющих им конкретные субъективные права и возлагающих на них соответствующие юридические обязанности. Возможность же негласного получения информации в ходе реализации правовых норм можно рассматривать как отраслевую особенность оперативно-розыскных правоотношений.

Библиографические ссылки

1. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
2. Санников, Л.В. Об объекте обязательственного правоотношения / Л.В. Санников // Государство и право. 2004. № 10.
3. Басецкий, И.И. Актуальные проблемы развития теории и совершенствования практики ОРД в современных условиях / И.И. Басецкий, И.А. Климов, Г.К. Синилов // О направлениях дальнейшего совершенствования оперативно-розыскной деятельности на государственной границе Республики Беларусь : материалы науч.-практ. конф., Минск, 28–29 окт. 1998 г. / Гос. ком. погранич. войск Респ. Беларусь. Минск, 1999.
4. Азаров, В.А. Содержание и форма оперативно-розыскных правоотношений / В.А. Азаров // Государство и право. 1998. № 10.
5. Калининвич, В. Открыто о тайном (о новом законе «Об оперативно-розыскной деятельности») / В. Калининвич, Л. Калининвич // Суд. вестн. 2000. № 1.
6. Варламова, Н.В. Правоотношения: философский и юридический подходы / Н.В. Варламова // Правоведение. 1991. Июль – август.
7. Дудин, А.П. Диалектика правоотношений / А.П. Дудин. Саратов, 1983.
8. Протасов, В.Н. Правоотношение как система / В.Н. Протасов. М., 1991.
9. Фаршатов, И.А. Производные правоотношения / И.А. Фаршатов // Государство и право. 1998. № 2.
10. Дулов, А.В. Тактические операции при расследовании преступлений / А.В. Дулов. Минск, 1979.

© Гайдельцов В.С., 2008

М.А. Пашкеев

СУБЪЕКТЫ, ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В условиях формирования правового государства особое значение приобретают четкое определение задач и функций, упорядочение обязанностей и прав органов и должностных лиц, обладающих государственно-властными полномочиями. В правовом государстве закон должен определять меру индивидуальной свободы, ее соотношение с интересами и целями всего народа. Основным в идее правового государства, несомненно, является связанность государства правом, подчинение государства праву, защита людей от возможного произвола со стороны государства и его органов. В этой связи деятельность органов внутренних дел должна регулироваться преимущественно законом.

Жизнь и практика выдвигают некоторые общие вопросы правового регулирования общественных отношений, в том числе в сфере деятельности органов внутренних дел, которые требуют обновления наших представлений о правоотношениях, понятии правового регулирования, принципах и пределах его осуществления в современном обществе. Отметим и тот факт, что правовое регулирование в этой сфере имеет определенную динамику. С одной стороны, выявляются новые отношения, которые правом не урегулированы, но нуждаются в нормативной правовой регламентации, с другой – некоторые отношения перестают регулироваться правом вообще.

Иногда не только у ученых-правоведов, но и у обычного гражданина возникает вопрос: а должны ли общественные отношения в области правоохранительной деятельности быть урегулированы нормами права и заинтересовано ли общество и государство в данном регулировании? Думаается, что для ответа на данный вопрос необходимо прежде всего определить цели и задачи органов внутренних дел. Они отражены в законе от 17 июля 2007 г. «Об органах внутренних дел Республики Беларусь». Статья 1 этого нормативного правового акта определяет органы внутренних дел как государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них данным законом и иными законодательными актами Республики Беларусь. В ст. 2 указаны задачи органов внутренних дел. Согласно ст. 36 данного закона никто не вправе вмешиваться в служебную деятельность сотрудника органов внутренних дел, кроме государственных органов, уполномоченных законодательными актами Республики Беларусь. Реализуя свои права и обязанности, сотрудники органов внутренних дел тем самым вступают в различные правоотношения с гражданами, государственными органами, различными общественными организациями. При этом они должны действовать строго в рамках закона. Следовательно, правовое регулирование в сфере деятельности органов внутренних дел необходимо и актуально.

После провозглашения суверенитета Беларуси проделана большая работа по укреплению законодательной основы деятельности органов внутренних дел по охране общественного порядка и противодействию преступности. Беларусь в числе первых республик бывшего СССР 26 февраля 1991 г. приняла закон «О милиции»; в 1993 г. в Беларуси был принят закон «О Прокуратуре Республики Беларусь», в 1994 г. – Конституция, в 1999 г. – закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» урегулирова-

ны общественные отношения, возникающие между различными субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, с одной стороны, и гражданами, попадающими в поле деятельности указанных субъектов, – с другой.

По нашему мнению, основным субъектом оперативно-розыскных отношений являются органы внутренних дел и их оперативные аппараты, которые реализуют соответствующие права и обязанности через своих должностных лиц.

Другой субъект – физические лица. Основное внимание целесообразно сосредоточить на двух наиболее распространенных группах: лицах, в отношении которых органы внутренних дел осуществляют оперативно-розыскные мероприятия, и лицах, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (конфидентах).

Если взять первую группу субъектов, то предметом правового регулирования являются общественные отношения, устанавливаемые между органами внутренних дел в лице оперативных работников и лицами, применительно к которым осуществляются указанные мероприятия. По своему характеру оперативно-розыскные мероприятия являются разведывательно-поисковыми. Правовые нормы, регламентирующие их проведение, обязывают оперативных работников принять зависящие от них меры к выявлению лиц, фактов и обстоятельств, представляющих оперативный интерес. В этих целях оперативные работники имеют право в необходимых случаях привлекать к сотрудничеству частных лиц, применять методы оперативно-розыскной деятельности и т. д. Отметим и тот факт, что оперативно-розыскные отношения, возникающие у органов внутренних дел с лицом, в отношении которого осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, имеют сложный характер, так как возможно вторжение в его охраняемые законом права и интересы. Следует признать, что эти отношения еще не в полной мере урегулированы правом.

Применительно к второй группе субъектов предметом правового регулирования выступают отношения, которые устанавливаются между оперативными работниками как представителями государственного учреждения, а также органов внутренних дел в целом и конфиденциями по поводу мероприятий, направленных на предотвращение, раскрытие преступлений, розыск скрывшихся преступников. Поскольку они регулируются общими и специальными правовыми нормами, можно утверждать, что в процессе оперативно-розыскной деятельности возникают, существуют и прекращаются соответствующие правоотношения. Таким образом, благодаря правовой регламентации оперативно-

розыскная деятельность приобретает правомерный и обоснованный характер.

При установлении отношений с конфидентами у оперативного работника возникают определенные обязанности, например такие, как соблюдение принципа добровольности конфиденциального сотрудничества гражданина с органами внутренних дел, обеспечение законных прав и интересов конфиденентов, создание надлежащих условий для выполнения ими своих обязанностей и недопущение участия в совершении преступлений.

Отношения, возникающие между конфидентами и лицами, представляющими оперативный интерес, тоже являются оперативно-розыскными. Но поскольку обязанности и права сторон в этом случае не урегулированы, правовыми назвать их нельзя. Здесь право регулирует поведение субъектов лишь опосредованно, через систему взаимоотношений между органами внутренних дел, конфидентами и разрабатываемыми лицами путем оказания управляющего воздействия на конфиденентов.

Изучение состояния правового регулирования негласной работы приводит к выводу, что ему должны быть подвергнуты в первую очередь те отношения, которые глубоко затрагивают интересы государства и отдельных граждан. Причем, на наш взгляд, нормативно должны регламентироваться правовой порядок применения отдельных сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, процессуальные формы осуществления общей поисковой работы и оперативно-розыскного производства.

В то же время дальнейшее исследование проблемы правоотношений в оперативно-розыскной деятельности неизбежно подводит к необходимости постановки и разрешения таких методологических вопросов, как их содержание и форма [1, с. 72]. С общеправовых позиций форма – это способ существования и выражения содержания явления [2, с. 434]. Известно, что правоотношение является основной категорией юридической науки. Это та форма, посредством которой норма права приобретает свое реальное воплощение в конкретном общественном отношении, выражая при этом «особый вид связи права с регулируемыми им общественными отношениями» [3, с. 6]. Отсюда можно сделать вывод о взаимосвязи содержания и формы правовых отношений.

Исследуя данную проблему, С.С. Алексеев пришел к выводу, что «в правоотношениях юридическая форма и материальное содержание находятся в нераздельном единстве, и, следовательно, проблемы пра-

воотношений необходимо решать с учетом этого фундаментального факта» [4, с. 101].

В юридической науке существуют различные взгляды на содержание правовых отношений. Наибольшее распространение получила позиция, в соответствии с которой содержание правоотношений составляют взаимные права и обязанности его субъектов, а также действия субъектов по их осуществлению; некоторые исследователи замыкают структуру правоотношения исключительно на поведении его участников [5, с. 126; 6, с. 191–192].

Попытки анализа особенностей оперативно-розыскных правоотношений обычно основываются на понимании их содержания, исчерпывающегося субъективными правами и обязанностями участвующих в них субъектов. Одновременно с этим, обращаясь к проблеме указанных правоотношений, ее исследователи акцентируют внимание на особой форме, исключительной специфике отношений между субъектами данного вида государственной деятельности [7, с. 10–12]. В качестве основы для анализа особенностей оперативно-розыскных правоотношений, как правило, используется теоретическая концепция, в соответствии с которой в отдельных видах общественно полезной деятельности существуют правоотношения, имеющие в содержании лишь одну из сторон, обладающую, тем не менее, субъективными правами и обязанностями [8, с. 152–168]. Предложенная Ю.Г. Ткаченко концепция «односторонних правоотношений» на первый взгляд привлекательна для исследования особенностей оперативно-розыскных правоотношений, базирующихся в основном на юридических нормах императивного характера. Однако она не случайно оценивается как спорная с методологических позиций. Принципиальная ошибка ее сторонников заключается в определенном смешении таких средств правового регулирования, как правоотношение и субъективное право.

В юридической практике, как известно, существуют односторонние властные правомочия (кстати, весьма характерные для оперативно-розыскной деятельности), которые реализуются не в рамках правоотношений, а в ходе осуществления индивидуальных императивных действий уполномоченных должностных лиц и государственных органов. В этом случае правильнее говорить не о правоотношениях, а о властеотношениях, реализующих односторонние властные полномочия [9, с. 135]. Правоотношение же характеризуется определенной взаимозависимостью субъектов через реальные, фактически существующие субъективные права и обязанности, фиксирующие обоюдно запрограммированную объективным правом линию поведения. Сам факт наличия правоотношения означает, что в нем есть как минимум две

стороны, которые как-то относятся друг к другу. Именно этот момент является ключевым для понимания существа правоотношения. «Коль скоро, – отмечает С.С. Алексеев, – те или иные лица выступают как носители юридических прав и обязанностей, то они в силу неразрывного единства этих прав и обязанностей относятся друг к другу как участники правового отношения» [4, с. 84–85].

С этих позиций трудно себе представить содержание правоотношения, в котором орган (или должностное лицо), наделенный правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, проводя оперативно-розыскное мероприятие в отношении предполагаемого правонарушителя, реализует свои права, рассчитывая на корреспондирующие им обязанности противной стороны.

Однако В.С. Гайдельцов отмечает, «что правовые отношения, возникающие в связи с оказанием лицами содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, по характеру своего внутреннего содержания являются гласными. Негласными данные правоотношения могут быть только по отношению к этим лицам за его пределами.

В ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий: опроса граждан, наведения справок, сбора образцов для сравнительного исследования, проверочной закупки, исследования предметов и документов, отождествления личности и оперативного внедрения – возникают правоотношения, классические по своей структуре, как и при установлении отношений с лицами, оказывающими содействие.

Иным является характер правоотношений, возникающих при осуществлении таких оперативно-розыскных мероприятий, как наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, слуховой контроль, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, контролируемая поставка и оперативный эксперимент. В этих случаях сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, действуют негласно не только по отношению к тем, кто находится за пределами правоотношения, но и по отношению к собственнику или владельцу информации, т. е. стороне правоотношения. Информация уходит от ее собственника (владельца) помимо его волеизъявления, и в этом смысле характер взаимосвязей внутри правоотношения является негласным» [10, с. 275–276].

Трудно согласиться как с В.С. Гайдельцовым, так и со сторонниками концепции об обязанности правонарушителя претерпевать ограни-

чение своих прав (по типу связи прав и обязанностей участников уголовных правоотношений) по следующим соображениям.

Известно, что правонарушитель наделяется государством конкретными правами и обязанностями, позволяющими ему осознанно защищать свои законные интересы. Если спроецировать данный подход на предполагаемую теоретическую конструкцию оперативно-розыскного правоотношения, то во многих случаях предполагаемый правонарушитель (или иное лицо) даже не подозревает о реализации органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, своих правомочий, порой существенно затрагивающих права, свободы и законные интересы граждан. Для начала осуществления властной односторонней деятельности по проведению оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, достаточно предусмотренных в ст. 12 и 13 закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» оснований и условий проведения оперативно-розыскных мероприятий. Естественно, конкретное оперативно-розыскное мероприятие, имеющее целью в такой ситуации получить искомую информацию, предотвратить преступное проявление и т. п., будет осуществляться негласно, с прямым расчетом на отсутствие у лица возможности реализовать свои права и свободы в рамках каких бы то ни было правоотношений. То есть из структуры данной модели поведения исключается характернейший признак правоотношений – юридическая связь между его субъектами.

Следовательно, в оперативно-розыскной деятельности правоотношения сосуществуют с односторонними властеотношениями, которые преобладают в данной сфере. Характерным примером оперативно-розыскного правоотношения может служить юридическая связь, порождающая взаимные права и обязанности органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и гражданина, в отношении которого она производилась, но в результате не доказана его виновность в совершении преступления. В соответствии со ст. 6 закона «Об оперативно-розыскной деятельности» такой гражданин вправе истребовать от органа, осуществлявшего оперативно-розыскную деятельность, сведения о полученной в отношении его информации. Если же будет отказано в удовлетворении его требования либо сведения будут предоставлены (по его мнению) не в полном объеме, он вправе обжаловать это в судебном порядке. При рассмотрении дела в суде обязанность доказать обоснованность отказа в предоставлении требуемых сведений возлагается на соответствующий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность.

Анализ данной нормы позволяет увидеть целый ряд взаимосвязанных прав и обязанностей упомянутых субъектов оперативно-розыскного правоотношения. Например, праву гражданина истребовать сведения соответствует обязанность органа предоставить их в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих возможность разглашения государственной тайны. С точки зрения общей теории права в данном случае мы имеем относительное конкретное оперативно-розыскное правоотношение, субъекты которого четко определены. Определить содержание данного правоотношения помогут и теоретические подходы, предложенные для проникновения в содержание уголовно-процессуальных правоотношений В.П. Божьевым [11, с. 144–151]. В нашем случае оперативно-розыскные правоотношения, предусмотренные ст. 6 закона «Об оперативно-розыскной деятельности», наполняются реальным содержанием с момента заявления лицом, в отношении которого осуществлялись оперативно-розыскные мероприятия, при условии, что его вина не доказана, претензий на предоставление соответствующим органом сведений о полученной о нем информации. В этот момент на основе норм закона возникает индивидуализированная юридическая связь, при осуществлении которой реализуется взаимодействие субъективных прав гражданина с обязанностями органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Данная юридическая связь гарантируется целым комплексом дополнительных правовых средств (в ранге прав и обязанностей сторон): при отказе в удовлетворении требования гражданин имеет право жаловаться, например, в суд, который, в свою очередь, обязан рассмотреть жалобу; обоснованность отказа в удовлетворении требования гражданина соответствующий орган обязан доказать. При этом деятельность по реализации субъективных юридических прав и обязанностей происходит в рамках конкретного процессуального правоотношения, что позволяет отнести перечисленные компоненты к элементам его содержания.

Таким образом, формой оперативно-розыскного правоотношения, на наш взгляд, являются субъективные права и обязанности, а содержанием – деятельность (реальное поведение) субъектов по их реализации, что наполняет конкретные отношения реальным содержанием, позволяет увидеть их в развитии и проанализировать характер юридических связей между их субъектами. Если же попытаться соотнести содержание оперативно-розыскных правоотношений с указанной их формой, то проведенный анализ, как представляется, наглядно будет свидетельствовать о теснейшей взаимосвязи этих двух сторон рассматриваемого правового явления, без которой не может существовать никакое правоотношение.

Библиографические ссылки

1. Азаров, В.А. Содержание и форма оперативно-розыскных правоотношений / В.А. Азаров // Государство и право. 1998. № 10.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М., 1986.
3. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
4. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 2. М., 1982.
5. Толстой, В.С. Содержание относительных правоотношений / В.С. Толстой // Советское государство и право. 1969. № 3.
6. Спиридонов, Л.И. Теория государства и права / Л.И. Спиридонов. М., 1996.
7. Самойлов, В.Г. О предмете правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / В.Г. Самойлов, В.А. Шаров // Проблемы повышения эффективности деятельности оперативно-розыскных аппаратов ОВД в современных условиях. Киев, 1985.
8. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. М., 1980.
9. Гребельский, Д.В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности ОВД / Д.В. Гребельский. М., 1977.
10. Гайдельцов, В.С. Проблема правоотношений в оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов Беларуси и России / В.С. Гайдельцов // Развитие и перспективы национальной правовой системы в контексте европейских интеграционных процессов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16–17 июня 2005 г. / редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2005.
11. Божьев, В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П. Божьев. М., 1975.

© Пашкеев М.А., 2008

Г.Б. Шишко

ТРУДОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Общественные отношения по применению и организации труда в ряде случаев регламентируются обычаями, нормами корпоративных (например, профсоюзных, творческих) организаций, нормами морали. Такие неправовые отношения складываются в процессе движения наставничества, обмена передовым опытом в работе и т. д. Но в каких бы формах общественные отношения по применению и организации труда ни выражались (в правовых или неправовых), они всегда сохраняют характерные для трудовых отношений черты творческого сотрудничества между людьми и взаимопомощи.

Правовые формы отношений по труду отличаются от неправовых форм общественных отношений тем, что они неразрывно связаны с государством, его юрисдикционной деятельностью. Указанные правоотношения возникают лишь постольку, поскольку нормами трудового права предусмотрена связь между участниками общественных отношений по применению и организации труда и государством как политической организацией общества [1].

Следовательно, не все трудовые отношения и не в полном объеме могут приобретать юридическую форму. Правоотношения отражают тот аспект конкретного жизненного отношения между людьми, который определяется нормами права. Трудовое отношение способно принять правовой характер лишь в том случае, если речь идет об актах поведения, имеющих социальную значимость.

Правоотношение является средством перевода общих установлений правовых норм (объективного права) в конкретные (субъективные) права и обязанности участников общественных отношений.

В теории права правоотношение понимается как индивидуализированное отношение, в котором стороны связаны между собой взаимными юридическими правами и обязанностями, охраняемыми государством. Правоотношение есть та мера субъективной свободы, которая предоставляется его участникам нормами объективного права.

Основанием возникновения трудовых правоотношений по общему правилу является трудовой договор. Именно анализ трудового договора вывел ученых на изучение такого феномена, как трудовое правоотношение. Первые ученые-трудовики начиная с Ф. Лотмара и Л.С. Таля при изучении трудового договора акцентировали внимание на правовом статусе его сторон, их взаимных правах и обязанностях. Они достаточно редко употребляли термин «трудовое правоотношение», но де-факто уже исследовали все его основные элементы.

В.Г. Яроцкий, исследовавший правоотношения между рабочими и хозяевами, применил термин «экономическое правоотношение» [2, с. 53]. По мнению Н.Г. Александрова, в буржуазном праве была тенденция ставить вопрос не о трудовом правоотношении, а только о трудовом договоре. Л.Я. Гинцбург считал, что это вполне обосновано тем, что юридическим выражением капиталистического варианта связи работника с условиями труда служит договор личного найма, или договор найма услуг. Такой постановке проблемы способствовало и то, что трудовое правоотношение долгое время рассматривалось как гражданское правоотношение, строящееся исключительно на договорной основе. Естественно, вне трудового договора трудовое правоотношение не могло анализироваться. В.Н. Скоболкин также подчеркивал, что

определение трудового правоотношения часто строится по модели определения трудового договора: условия (обязательства) сторон этого соглашения становятся правами и обязанностями субъектов трудового правоотношения.

В науке трудового права первооткрывателем критериев трудового отношения является Л.С. Таль. К характерным признакам трудового договора, а следовательно и трудового правоотношения, он относил следующие:

нанимающийся по трудовому договору обещает предоставление своей рабочей силы в пользу чужого хозяйства;

от нанявшегося по трудовому договору требуется личное исполнение работы;

из трудового договора вытекает обязанность нанимающегося согласовывать свое поведение с порядком, установленным нанимателем (хозяином); в свою очередь наниматель должен ограждать личность работника от опасностей, сопряженных с фактическим нахождением его в чужой хозяйской сфере;

нанявшийся имеет право на вознаграждение за свой труд, оно не зависит от того, воспользовался ли наниматель его трудом или нет [3, с. 80–90].

Определенная заслуга в разработке теории трудового правоотношения принадлежит и А.Е. Пашерстнику. Он поставил вопрос о существовании трудового законодательства в капиталистических странах, что предполагало наличие трудовых отношений, регулируемых его нормами, т. е. так называемых буржуазных трудовых правоотношений. А.Е. Пашерстник настаивал на необходимости выделения имущественного признака трудового правоотношения. Он подчеркивал, что личная заинтересованность и материальное стимулирование оставались важнейшими факторами развития общественного производства и при социализме, выступал за субсидиарное применение норм гражданского права при вознаграждении за труд [4; 5].

Начиная с 50-х гг. XX в. проблема трудового правоотношения с той или иной степенью подробности рассматривалась многими советскими исследователями (С.И. Ивановым, Р.З. Лившицем, Л.А. Сыроватской, А.Р. Мацюк, Г.К. Москаленко, В.Н. Скобелкиным, А.И. Шебановой и др.). Признавалось, что, вступая в трудовые и связанные с ними отношения и участвуя в них, в результате воздействия норм трудового права на указанные общественные отношения их субъекты приобретают взаимные субъективные права и обязанности, гарантированные государством через посредство юридических норм, а их связь облекается в особую юридическую форму, становится правоотношением. Исходя из

этого правоотношения в сфере трудового права можно в общей форме определить как урегулированные нормами права трудовые и производные от них отношения конкретных субъектов, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями [6, с. 49–50].

Основное место среди указанных правоотношений «занимают договорные, собственно трудовые отношения, возникающие между нанимателями и работниками при применении их труда в составе трудовых коллективов.

В процессе организации и применения труда складываются и иные правоотношения, тесно связанные с трудовыми. Это, например, правоотношения по обеспечению занятости, по участию работников в управлении предприятиями, по профессиональной подготовке на производстве и др.

Содержание трудовых правоотношений отражает фактическую сферу деятельности их участников в процессе применения труда, юридически выраженную в нормах трудового права, закрепляющих их взаимные права и обязанности» [7, с. 418–419].

Трудовые правоотношения обладают характерными признаками. К ним относятся:

- включение работника по общему правилу в определенный трудовой коллектив, чего нет при гражданском правоотношении (хотя возможно и наличие у нанимателя лишь одного работника);

- процесс труда работника по установленной трудовой функции как предмет трудового правоотношения, в то время как при гражданско-правовой связи им является овеществленный результат труда;

- подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка данного производства и наступление ответственности за их нарушение, что не предусмотрено в гражданском правоотношении;

- обязанности нанимателя (соответствующих органов и должностных лиц) организовать труд, создавать для него все необходимые условия (в том числе и по охране труда), между тем как в гражданском правоотношении гражданин самостоятельно организует свой труд и обеспечивает его безопасность [8, с. 47].

В этой связи следует учитывать, что гражданско-правовой договор, связанный с использованием труда работника, трудовых отношений в собственном смысле слова не порождает. Указом Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам» предусмотрены дополнительные меры по защите прав работников. Этим указом урегулирован порядок расчетов сторон по гражданско-правовым договорам, закреплена обязанность заказчика и

работника по обеспечению безопасности условий работы. В частности, заказчик обязан проводить вводный инструктаж по технике безопасности, ежемесячно перечислять взносы в фонд социальной защиты, отстранять от работы работника, если он появляется на территории организации в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Период работы по гражданско-правовому договору зачисляется в общий трудовой стаж, но запись в трудовую книжку не вносится. Этот стаж подтверждается специальной справкой. Отсутствие трудовых отношений в таких случаях объясняется тем, что работы по гражданско-правовому договору выполняются за пределами общественной кооперации труда.

Трудовое правоотношение, следовательно, представляет собой такую форму фактического общественного отношения, которая складывается на основе норм законодательства о труде. В процессе трудовой деятельности работники вступают друг с другом в различные трудовые отношения (профессиональная подготовка, ведение коллективных переговоров, деятельность профсоюзов, общественный контроль и надзор за соблюдением законодательства о труде и т. д.).

В чем же конкретно проявляется взаимосвязь норм трудового права и трудовых правоотношений? В нормах трудового права содержатся общие (безличные) юридические права и обязанности работников – типовые образцы тех трудовых общественных отношений, которых работники могут или должны придерживаться в соответствии с правовыми предписаниями. Они реализуются тогда, когда определенные участники трудового процесса выполняют требования правовых норм, т. е. вступают в трудовые правоотношения.

Стороны трудовых правоотношений приобретают конкретные субъективные юридические права и обязанности, которые в общей форме закреплены в нормах трудового права: их поведение строится в соответствии с данными правами и обязанностями. Следовательно, посредством трудовых правоотношений требования правовых норм законодательства о труде воплощаются в жизнь.

Трудовые правоотношения имеют сознательно-волевой характер. В отличие от экономических отношений, которые складываются объективно, вне зависимости от воли отдельного индивида, трудовые правоотношения всегда носят индивидуально-волевой характер. Сознательно-волевое содержание трудовых правоотношений имеет два взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, они возникают на основе правовых норм, которые являются продуктом волевой деятельности людей (правотворческих органов). С другой стороны, участники трудовых правоотношений реализуют предусмотренные нормами трудового

права свои права и обязанности посредством своих волевых, сознательных действий.

Трудовые правоотношения гарантируются государством и охраняются в необходимых случаях его принудительной силой [9, с. 306–307]. В этих целях государство создает необходимые экономические, социальные и другие условия для полной реализации правовых норм, регулирующих трудовые правоотношения.

Регулирование трудовых и связанных с ними отношений осуществляется посредством нормативных правовых актов различной юридической силы: Конституции, Трудового кодекса Республики Беларусь, законов, принятых парламентом, декретов и указов Президента Республики Беларусь, постановлений правительства, заключений Конституционного суда, постановлений пленума Верховного суда, нормативных правовых актов республиканских органов государственного управления, а также локальных нормативных правовых актов, которые занимают особое место в трудовом праве [10, с. 4].

Важнейшим локальным нормативным правовым актом, регулирующим трудовые правоотношения, является коллективный договор, заключаемый в хозрасчетных организациях между работниками и нанимателем. В коллективном договоре наниматель вправе устанавливать для работников дополнительные трудовые и иные гарантии, прямо не предусмотренные законодательством о труде, и таким образом совершенствовать и укреплять трудовые правоотношения между работниками и нанимателем.

Субъектами трудового правоотношения (работниками) могут быть как граждане Республики Беларусь, так и иностранцы и лица без гражданства. В качестве нанимателя могут выступать организации, общества, товарищества, кооперативы, ассоциации независимо от наименования и форм собственности (их объединения и обособленные подразделения), общественные организации, индивидуальные предприниматели, граждане, которым предоставлено право заключать соглашения о труде.

Необходимым требованием к сторонам трудовых правоотношений является наличие у них соответствующей правосубъектности. Согласно ст. 21 Трудового кодекса для граждан она устанавливается по достижении ими 16-летнего возраста, а в исключительных случаях – 14 лет, но только с письменного согласия одного из родителей (усыновителя, попечителя). Помимо возрастного критерия законодателем и нанимателем при приеме на работу учитывается и состояние волевой способности граждан, их специальная трудовая правосубъектность (возмож-

ность выполнять работу по определенной специальности, квалификации), а также состояние их здоровья [6, с. 56].

Законодательством о труде могут устанавливаться известные пределы осуществления трудовой правосубъектности. Так, состояние граждан в близком родстве препятствует их совместной работе в одной и той же государственной организации (обособленном подразделении) на должности руководителя, главного бухгалтера (его заместителей) и кассира, если их работа связана с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому (ч. 1 ст. 27 ТК). Не могут быть субъектами трудовых правоотношений лица, не достигшие необходимого для этого возраста, если их работа связана с производством, хранением и торговлей спиртными напитками и табачными изделиями. По приговору суда гражданину может быть запрещено в течение указанного в приговоре срока заниматься определенной деятельностью. Так, например, не допускается прием по совместительству на материально ответственные должности лиц, осужденных за корыстные преступления, если их судимость не снята или не погашена в установленном порядке, а также на те должности или виды деятельности, которые запрещены приговором суда для отдельных категорий граждан (ч. 4 ст. 348 ТК).

Трудовая правосубъектность нанимателя является специальной и означает его возможность нанимать и увольнять работников, предоставлять работу членам – собственникам коллективного производства, осуществлять организацию и управление процессом труда и производить его оплату и возникает при наличии у него фонда оплаты труда. У бюджетных организаций трудовая правосубъектность возникает с момента утверждения штатного расписания и открытия в банке счета оплаты труда.

В теории права спорным остается вопрос относительно содержания и формы правоотношения. Все больше обоснований приводится в пользу признания в качестве их содержания реального поведения сторон правоотношения по реализации принадлежащих им субъективных прав и обязанностей, а последних – в качестве формы правоотношений [11, с. 420–421]. Тем не менее при всех обстоятельствах под субъективным правом понимаются вид и точная мера возможного поведения правомочного лица.

Субъективное право отвечает на вопрос: какими возможностями и по отношению к кому обладает управомоченное лицо? Субъективные права работников, находящихся в трудовых правоотношениях, представляют собой конкретизацию основных (статутных) прав, состав-

ляющих содержание правового статуса работников, т. е. права на труд, отдых, здоровье и безопасные условия труда и т. д.

Все субъективные права работников характеризуются конкретностью, притязательностью и относительной свободой поведения субъектов при их реализации [12, с. 185].

Под субъективной обязанностью понимаются вид и точная мера должного поведения, которое проявляется в совершении определенного активного действия (выполнять установленные нормы труда); в воздержании от действий, нарушающих интересы другого лица (не нарушать установленный трудовой распорядок, воздерживаться от действий, мешающих другим работникам выполнять их трудовые обязанности). Субъективная обязанность допускает применение принудительного воздействия за допущенное правонарушение [6, с. 57].

Объем и характер трудовых обязанностей зависят от многих факторов и конкретизируются применительно к роду работы (специальности, квалификации, должности и личности работника). Наиболее общие и важные трудовые обязанности сформулированы в законодательстве о труде, Типовых правилах внутреннего трудового распорядка и др.

Конкретный круг обязанностей (работ) каждого работника определяется Единым тарифно-квалификационным справочником работ и профессий рабочих, Единым квалификационным справочником должностей служащих, а также техническими правилами, должностными инструкциями и иными положениями, утвержденными в установленном порядке.

Таким образом, субъективными трудовыми правами и обязанностями обладает каждый работник как участник трудового правоотношения. Эти права и обязанности устанавливают границы и содержание возможного и должного поведения работника, в пределах которых он вправе действовать, требовать, притязать, пользоваться благами и удовлетворять встречные интересы и потребности другого субъекта трудового правоотношения – государственной организации. Государство создает реальные возможности для осуществления работниками их прав и обязанностей.

Трудовое правоотношение возникает, изменяется или прекращается вследствие наступления определенных обстоятельств (юридических фактов), предусмотренных нормами трудового права. Юридические факты формулируются в гипотезах правовых норм и порождают отношения между субъектами на основе предписаний правовой нормы. Всестороннее исследование и правильное установление юридических фактов позволяет уяснить, какое именно правоотношение имеет место, какие субъективные права и обязанности имеются у его участников.

Иными словами, нормы трудового права, юридические факты и дееспособность субъектов права являются необходимыми предпосылками трудовых и связанных с ними правоотношений.

Трудовое правоотношение является длящимся и имеет свое начало и конец. Основанием возникновения трудового правоотношения, как уже отмечалось, служит обычно трудовой договор, который согласно ч. 3 ст. 1 Трудового кодекса предполагает двустороннее волеизъявление (соглашение) между работником и нанимателем, в соответствии с которым работник обязуется выполнять работу по определенной одной или нескольким профессиям, специальностям или должностям соответствующей квалификации согласно штатному расписанию и соблюдать внутренний трудовой распорядок, а наниматель обязуется предоставлять работнику обусловленную трудовым договором работу, обеспечивать условия труда, предусмотренные законодательством о труде, локальными нормативными правовыми актами и соглашением сторон, своевременно выплачивать работнику заработную плату. А поскольку трудовой договор как родовое понятие объединяет несколько видов соглашений, различающихся по форме, содержанию, сфере и срокам действия, порядку заключения, отношению работника к формам собственности, виды правоотношений определяются видами трудового договора (срочные, с неопределенным сроком, о работе по совместительству и т. д.) [6, с. 59].

Основания возникновения трудовых правоотношений имеют двоякое значение: во-первых, они определяют порядок включения работника в трудовой коллектив конкретной организации, во-вторых, обуславливают трудовую функцию (специальность, квалификацию, должность), которую работник будет выполнять.

Договорные отношения характерны также для изменения трудовых правоотношений. Так, согласно законодательству перевод работника на другую постоянную работу по одностороннему волеизъявлению субъекта трудового правоотношения (по приказу нанимателя) допускается только с письменного согласия работника (за исключением временного перевода в связи с производственной необходимостью (ст. 33 ТК) и временного перевода в случае простоя (ст. 34 ТК)).

Основанием прекращения трудовых правоотношений служит как соглашение сторон, так и односторонние волеизъявления каждой из них. В ряде случаев основанием прекращения трудовых правоотношений может быть волеизъявление (акт) органа, не являющегося стороной правоотношения. Так, например, помимо оснований, предусмотренных Трудовым кодексом, трудовой договор с руководителем орга-

низации может быть прекращен по следующим дополнительным основаниям:

проведение в отношении организации процедур экономической несостоятельности (банкротства);

принятие собственником имущества организации или уполномоченным органом соответствующего решения о прекращении трудового договора.

Основанием прекращения трудовых правоотношений считается также призыв работника на военную службу. Поскольку трудовое правоотношение носит личный характер, оно, естественно, прекращается в связи со смертью работника либо признанием его судом безвестно отсутствующим или объявлением умершим, а также в связи со смертью нанимателя (физического лица) (ст. 44 ТК).

Чтобы охарактеризовать правоотношения в сфере трудового права, их общие черты и отличительные особенности, необходимо осуществить их дифференциацию в соответствии с видами общественных отношений, являющихся предметом трудового права. На этой основе в ст. 4 Трудового кодекса выделяются следующие виды общественных связей, регулируемые им и приобретающие форму правоотношений:

- 1) трудовые отношения, основанные на трудовом договоре;
- 2) отношения по профессиональной подготовке работников на производстве;
- 3) отношения, связанные с деятельностью профсоюзов и объединений нанимателей;
- 4) отношения по ведению коллективных переговоров;
- 5) взаимоотношения между работниками (их представителями) и нанимателями;
- 6) отношения по обеспечению занятости;
- 7) отношения по надзору и контролю за соблюдением законодательства о труде;
- 8) отношения, связанные с государственным социальным страхованием;
- 9) отношения по рассмотрению трудовых споров.

Все перечисленные правоотношения подразделяются на индивидуальные и коллективные, что нашло отражение и в структуре Трудового кодекса.

К первым, по определению, относятся те правовые связи, стороной которых является отдельный индивид. В отношении второго рода участвуют коллективные субъекты. К последним относятся органы государственного управления, соответствующие юрисдикционные органы, призванные разрешать коллективные трудовые споры, профсоюзные

органы, объединения нанимателей, представительные органы работников и нанимателей. Они участвуют в коллективных правоотношениях, связанных с деятельностью профсоюзов и объединений нанимателей, ведением коллективных переговоров, взаимоотношениями между работниками (их представителями) и нанимателями, разрешением коллективных трудовых споров [6, с. 50–51].

Особой разновидностью трудовых правоотношений являются правоотношения по трудоустройству. Они возникают на основе трудового договора в связи с подысканием подходящей работы и представляют собой единство трех взаимосвязанных, но относительно самостоятельных правоотношений:

между органом трудоустройства и гражданином, обратившимся с заявлением об устройстве на работу;

органом трудоустройства и организацией, нуждающейся в работниках;

гражданином и организацией, куда он направлен на работу органом трудоустройства.

При этом орган трудоустройства должен учитывать и желание гражданина работать в определенном месте, в конкретной организации, но каких-либо правовых обязанностей на этот счет он не несет. Исключения составляют случаи трудоустройства за счет установленной брони для молодежи, инвалидов. Сроки трудоустройства законом не установлены. Они делятся, как правило, до тех пор, пока гражданин не будет устроен на работу или на производственное обучение.

Существуют также три группы правоотношений, связанных с профессиональной подготовкой работников на производстве:

на основе гражданско-правового договора по ученичеству;

по повышению квалификации работников;

по руководству обучением.

Правоотношения по ученичеству возникают в результате заключения гражданско-правового договора между гражданином и организацией, по которому заказчик (наниматель) от имени организации обязуется организовать индивидуальное, бригадное или курсовое обучение гражданина новой для него специальности, а гражданин – освоить специальность в установленные сроки и в дальнейшем заключить трудовой договор или контракт с нанимателем данной организации.

Между правоотношением по ученичеству и трудовыми правоотношениями есть много общего: они протекают внутри кооперации труда, среди трудового коллектива работников, субъекты этих правоотношений (гражданин и организация) совпадают. При этом на работников и учеников в одинаковой мере распространяется внутренний трудовой

распорядок и ответственность за его нарушение. Однако по содержанию и целевой направленности названные правоотношения отличаются, и это предопределяет их межвидовое различие. Если трудовые правоотношения складываются в процессе выполнения трудовой функции, то ученические – в ходе профессиональной учебы.

В ст. 4 Трудового кодекса прямо указано, что отношения, связанные с профессиональной подготовкой работника на производстве, регулируются данным кодексом, однако о профессиональном обучении на производстве в нем говорится фрагментарно. Так, в ст. 205 ТК определено, что при установлении более высокой квалификации (разряда, класса, категории и т. д.) по профессии или при продвижении по работе учитывается успешное прохождение работниками профессионального обучения на производстве (наряду с общим средним и профессионально-техническим образованием, получением высшего или среднего специального образования, наличием ученой степени, звания). В ст. 278 ТК устанавливается, что для работников, прошедших обучение непосредственно на производстве, могут устанавливаться пониженные нормы выработки. В ст. 280 ТК говорится о том, что местными исполнительными и распорядительными органами для организаций может устанавливаться броня приема на работу и профессиональное обучение на производстве для лиц моложе 18 лет.

Следовательно, отношения по профессиональной подготовке работников на производстве предшествуют трудовым и возникают с целью заключения после обучения трудового договора для выполнения работы по полученной квалификации (специальности) [13, с. 20–21].

Правоотношения по повышению квалификации работников во многом сходны с правоотношениями по профессиональной подготовке в форме обучения новой специальности. Однако первые связываются с договором о повышении квалификации, заключенным между работником и организацией, с которой он состоит в трудовых правоотношениях.

Правоотношения по руководству обучением являются разновидностью трудовых правоотношений, а договор о руководстве профессиональной подготовкой – разновидностью трудового договора. Это дополнительные трудовые правоотношения, поскольку их содержание сводится к установлению дополнительных прав и обязанностей к предусмотренным трудовым договором, заключенным при поступлении на работу. Они всегда ограничены временем (прохождения ученичества или повышения квалификации), поэтому являются спутниками правоотношений по ученичеству и повышению квалификации [12, с. 202–203].

В связи с наличием трудовых правоотношений становятся необходимыми организационно-управленческие правоотношения между профсоюзами и объединениями нанимателей по установлению и применению условий труда.

Сфера правовых отношений, возникающих в связи с деятельностью профсоюзов и объединений нанимателей, достаточно обширна. К ней относятся прежде всего те группы отношений, которые складываются в связи с реализацией работниками своего права на объединение в профсоюзы (п. 2 ст. 11 ТК), нанимателей – в свои объединения (п. 3 ст. 12 ТК), а также отношения партнерства (ст. 352–355 ТК), по поводу заключения коллективных договоров и соглашений, разрешения коллективных трудовых споров.

Деятельность профсоюзов и объединений нанимателей может касаться обеспечения взаимных социально-трудовых интересов работников и нанимателей в связи с разработкой и осуществлением программ занятости граждан, осуществлением контроля за соблюдением трудового законодательства и т. д. Отношения данной группы направлены на обеспечение благоприятных условий труда для работников, стабильности трудовых договоров [13, с. 21].

У работников организаций, состоящих в трудовых правоотношениях с нанимателем, наряду с индивидуальными могут возникнуть коллективные трудовые споры. Последние разрешаются с помощью коллективных переговоров.

Отношения, связанные с ведением коллективных переговоров, обусловлены необходимостью разрешения в духе социального партнерства различных проблем, разногласий, возникающих при заключении, изменении или дополнении коллективных договоров и соглашений. Этот вид отношений применительно к трудовым относится к сопутствующим правоотношениям. Они возникают и существуют наряду с трудовыми, чтобы обеспечить их развитие и защиту.

Статья 2 Конвенции МОТ № 154 «О содействии коллективным переговорам» (1981) определяет коллективные переговоры как переговоры, которые проводятся между нанимателями, группой нанимателей или одной или несколькими организациями нанимателей с одной стороны и одной или несколькими организациями работников – с другой в целях определения условий труда и занятости, регулирования отношений между нанимателями и работниками, нанимателями или их организациями и организацией или организациями работников.

В международных нормах коллективные переговоры рассматриваются как процесс, направленный к заключению коллективного договора, соглашения.

Широкое применение правоотношений по ведению коллективных переговоров позволяет успешно решать задачи по развитию социального партнерства между нанимателями (их объединениями), работниками (их объединениями) и органами государственного управления.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь (ст. 41) государство создает условия для полной занятости населения. В случае незанятости лица по не зависящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение квалификации с учетом общественных потребностей, а также пособие по безработице в соответствии с законом.

Правовое регулирование в сфере занятости осуществляется на основе специального закона от 15 июня 2006 г. № 1253 «О занятости населения Республики Беларусь» с изменениями и дополнениями. Правовое регулирование в сфере занятости осуществляется также на основе ряда подзаконных нормативных правовых актов (например, Положение о Министерстве труда и социальной защиты Республики Беларусь, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1589, в редакции постановления от 7 февраля 2005 г. № 127).

В ст. 1 закона «О занятости населения Республики Беларусь» занятость определяется как не запрещенная законом деятельность граждан, приносящая им заработок (доход). Таким образом, в сфере обеспечения занятости населения складываются отношения, прямо связанные с трудовыми. Они преследуют цель обеспечения незанятых граждан работой, а нанимателей – необходимой рабочей силой. Этим и обусловлено их вхождение в сферу правовых отношений, регулируемых трудовым правом.

Важное значение в современных условиях имеют отношения, связанные с контролем и надзором за соблюдением законодательства о труде. Государственный надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде – единая функция, являющаяся составной частью правоохранительной функции государства. Она осуществляется специально уполномоченными государственными органами в целях соблюдения законности в трудовых правоотношениях.

Систему органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде образуют специально уполномоченные органы межотраслевой компетенции. Особое место в регулировании и организации трудовых отношений, а также в осуществлении государственного контроля за соблюдением трудового законодательства занимает Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, которое в соответствии с указом Президента Республики Беларусь от 24 сен-

тября 2001 г. № 516 создано в результате объединения Министерства труда и Министерства социальной защиты.

В систему Министерства труда и социальной защиты входит Департамент государственной инспекции труда, который непосредственно осуществляет надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде, а также областные и Минская городская экспертизы труда.

Общественный контроль за соблюдением трудового законодательства осуществляют профсоюзы (их органы). Все субъекты по надзору и контролю за соблюдением законодательства о труде взаимодействуют между собой. Целевая направленность этих правоотношений – предотвращение и пресечение нарушений трудового законодательства со стороны нанимателей.

Правоотношение по надзору и контролю за соблюдением нанимателем трудового законодательства обычно связано с составлением акта уполномоченным должностным лицом Департамента государственной инспекции труда, в котором дается объективная оценка деятельности нанимателя по соблюдению трудового законодательства. В тех случаях, когда указанное должностное лицо обнаруживает нарушения нанимателем трудового законодательства, правоотношение по контролю и надзору связывается с привлечением виновных должностных лиц проверяемой организации к ответственности. Правоотношения по контролю и надзору за соблюдением законодательства о труде прекращаются с ликвидацией конкретного производства.

Особое место в системе правового регулирования трудовых отношений занимают отношения, связанные с рассмотрением трудовых споров. Юридическую форму этих правоотношений составляют процессуальные права и обязанности органов по рассмотрению трудовых споров и спорящих сторон, связанные с разрешением разногласий по вопросам применения трудового законодательства или установления условий труда.

Разногласия или трудовые споры возникают по различным причинам. Они могут быть вызваны нарушением одной из сторон законодательства о труде, условий трудового договора, различными подходами к пониманию содержания некоторых норм трудового законодательства.

Правильное разрешение возникших трудовых споров играет очень важную роль в обеспечении надлежащих условий труда, устойчивости трудовых связей. Отношения в этой области не могут быть оторваны от трудовых, поэтому включаются в сферу трудового права.

Для разрешения трудовых споров законодательством предусмотрена система органов, действующих как непосредственно в организации, итак и вне ее. В соответствии со ст. 233 ТК индивидуальные трудовые

споры по вопросам применения законодательства о труде, коллективного договора, соглашения рассматриваются комиссиями по трудовым спорам и судами.

По общему правилу индивидуальные трудовые споры первоначально должны рассматриваться в комиссии по трудовым спорам, а при несогласии с ее решением и в случае, если члены комиссии не пришли к соглашению, заинтересованная сторона вправе обратиться в суд. Вместе с тем рассмотрение ряда трудовых споров законодательством отнесено к непосредственной компетенции суда, т. е. они рассматриваются вне организации – в суде (ст. 241 ТК).

Компетенция каждого из названных органов строго определена законом. Субъектами правоотношений по рассмотрению трудовых споров являются с одной стороны орган по рассмотрению трудовых споров, с другой – участники трудового спора (работник, наниматель).

Указанные правоотношения относятся к длящимся, их продолжительность определяется временем нахождения спора в производстве компетентных органов, включая и исполнительное производство в случаях, когда ответчик по трудовому спору добровольно не исполняет решение и суд прибегает по заявлению истца к принудительному исполнению решения.

Рассмотренные выше особенности трудовых отношений позволяют согласиться с высказанным в юридической литературе мнением о том, что существует необходимость пополнения понятийного аппарата белорусского Трудового кодекса определением трудового отношения. В этих целях может быть использована российская его модель, изложенная в ст. 15 Трудового кодекса РФ [14, с. 37]. Учитывая то обстоятельство, что понятие трудового отношения косвенно дается в ст. 4 Трудового кодекса Республики Беларусь (трудовое отношение характеризуется как отношение, основанное на трудовом договоре, а в ст. 1 ТК содержится определение трудового договора), представляется допустимым следующее его определение: трудовое правоотношение – это добровольная юридическая связь работника с нанимателем, организацией, при которой работник обязуется выполнять определенные трудовые функции (по определенной специальности, квалификации, должности) на данном производстве с подчинением его внутреннему трудовому распорядку, а наниматель обязуется оплачивать его трудовой вклад и создавать условия труда в соответствии с законодательством, коллективным и трудовым договором.

Представляется также целесообразным обозначить в Трудовом кодексе основания возникновения трудовых отношений в тех случаях, когда действующее законодательство о труде или локальные норма-

тивные правовые акты предусматривают в качестве таковых сложный фактический состав (например, избрание по конкурсу и заключение трудового договора, направление на работу уполномоченными органами и заключение трудового договора) либо юридические факты по своей правовой природе тождественны заключению трудового договора (как, например, фактический допуск к работе). Действующая редакция ст. 4 ТК в качестве основания возникновения трудовых отношений учитывает только факт заключения трудового договора.

Библиографические ссылки

1. Александров, Н.Г. Трудовые правоотношения / Н.Г. Александров. М., 1948.
2. Лушников, А.М. Развитие учения о трудовом правоотношении / А.М. Лушников, М.В. Лушникова // Юрид. записки Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2007. Вып. 11.
3. Таль, Л.С. Трудовой договор / Л.С. Таль. Ч. I. Ярославль, 1913.
4. Пашерстник, А.Е. Правовые вопросы вознаграждения за труд рабочих и служащих / А.Е. Пашерстник. М. ; Л., 1949.
5. Пашерстник, А.Е. К вопросу о понятии вознаграждения за труд рабочих и служащих / А.Е. Пашерстник // Вопр. труд. права. М. ; Л., 1948. Вып. 1.
6. Трудовое право : учебник / В.И. Семенов [и др.] ; под общ. ред. В.И. Семенова. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 2002.
7. Основы права : учебник. Минск, 1998.
8. Трудовое право : учебник / В.И. Семенов [и др.] ; под общ. ред. В.И. Семенова. Минск, 1997.
9. Храпонюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Храпонюк. М., 2001.
10. Синьков, Б.Б. Коллективно-договорное регулирование социально-трудовых отношений / Б.Б. Синьков. Минск, 2006.
11. Вишнеvский, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишнеvский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск, 2002.
12. Советское трудовое право : учебник / под ред. А.С. Пашкова [и др.]. М., 1988.
13. Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь / под ред. Г.А. Василевича. 3-е изд. Минск, 2005.
14. Головина, С.Ю. Понятийный аппарат трудового права в Беларуси: сравнительный анализ / С.Ю. Головина // Современные проблемы трудового права и права социального обеспечения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22 июня 2006 г. / БГУ. Минск, 2006.

© Шишко Г.Б., 2008

*Д.А. Колбасин,
Ю.Ф. Габдуллина*

СОДЕРЖАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ИГРАХ И ПАРИ

Современное право как система общеобязательных норм признается объективным правом, а предусмотренные им права и обязанности носят абстрактный характер. Это означает, что они «не принадлежат конкретному субъекту, а представляют собой те предусмотренные государством пределы, в границах которых и при наличии необходимых для этого условий возникают личные, персонифицированные права и обязанности» [1, с. 421]. В этой связи прослеживается взаимодействие объективного права и субъекта права, что, в свою очередь, позволяет привести определение правового отношения. Следует отметить, что не всякие общественные отношения могут являться правоотношениями и, кроме того, существуют такие общественные отношения, которые могут выступать только в форме правоотношений. Примером последних могут служить процессуальные отношения, так как вне правовой формы такие отношения существовать не могут.

В теории права сложилось понятие правоотношения как возникающей на основе норм права индивидуализированной общественной связи между субъектами права, характеризующейся наличием у них взаимных субъективных прав и обязанностей и поддерживаемой (гарантируемой) государством [2, с. 82]. Так, например, в случае причинения вреда жизни или здоровью гражданина лицо, причинившее вред, по общему правилу обязано возместить его в полном объеме. Иными словами, нарушение субъективного права потерпевшего гражданина, как следствие, вызывает взаимную обязанность должника (причинителя вреда) возместить вред в порядке, предусмотренном действующим гражданским законодательством, либо по договору займа заимодавец вправе передать вещь (деньги) заемщику, а у последнего, в свою очередь, возникает корреспондирующая обязанность вернуть ее (их).

Изложенное свидетельствует о том, что гражданское правоотношение – это возникшее на основе гражданско-правовых норм состояние связанности двух или более субъектов гражданского права взаимными субъективными гражданскими правами и обязанностями [3, с. 125].

Субъектами гражданского правоотношения могут быть физические, юридические лица, государство, административно-территориальные единицы. Все перечисленные субъекты, являясь полноправными участниками гражданского оборота, наделяются соответствующими субъек-

тивными правами и обязанностями, которые в теории гражданского права обычно называют содержанием правоотношения [3, с. 130].

Думается, необходимо отметить различные подходы, существующие в теории права и, как следствие, в теории гражданского права по вопросу содержания правоотношения и, соответственно, гражданского правоотношения.

Некоторые ученые указывают на содержание правоотношения в юридическом и в материальном смысле. Например, С.С. Алексеев считает, что юридическое содержание правоотношения – это субъективные юридические права и обязанности, выражающие то специфическое, что свойственно правоотношению как особой идеологической форме фактических отношений [2, с. 112]. В то же время он указывает и на материальное (фактическое) содержание правоотношения, под которым понимает «то фактическое поведение, которое управомоченный может, а правообязанный должен совершить» [2, с. 112].

С.С. Алексеев поддерживает точку зрения С.Н. Братуся, который под содержанием правоотношения понимает «не только конкретное возможное и конкретное должное поведение его участников (права и обязанности), но и реализуемое в соответствии с правами и обязанностями фактическое поведение с его разнообразным содержанием (экономическим, властно-организационным, социально-культурным и иным)» [цит. по: 2, с. 114].

Таким образом, и С.С. Алексеев, и С.Н. Братусь придерживаются позиции «двоякого» определения содержания правоотношения.

Иное мнение по этому вопросу высказывают авторы учебника «Общая теория государства и права» А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский: «Субъективные права и обязанности лишь предполагают возможность или необходимость определенного поведения. Они представляют собой юридическую форму правоотношения, которая должна быть наполнена реальным содержанием. Таким реальным содержанием может быть только фактическое взаимодействие, взаимообусловленное поведение участников правоотношения, т. е. их деятельность, осуществляемая в соответствии с имеющимися у них взаимными субъективными правами и обязанностями» [1, с. 439].

Данная позиция опирается на философское понимание права и отношения, согласно которому отношение предполагает наличие во взаимосвязи как минимум двух субъектов, а правоотношение, в свою очередь, – общественное отношение между субъектами, урегулированное объективным правом. Естественно, связь субъектов между собой предопределяется поведенческими началами, что является предпо-

сылкой для понимания содержания правоотношения в материальном (фактическом) смысле.

Спор, ведущийся в общей теории права, имеет место и в теории гражданского права. Н.Д. Егоров считает, что содержание гражданского правоотношения образует взаимодействие его участников, осуществляемое в соответствии с их субъективными правами и обязанностями [3, с. 130]. В.А. Тархов, напротив, отрицает поведенческое начало содержания гражданского правоотношения как единственно возможное. В частности, он указывает, что правовое отношение само является формой урегулированного правом общественного отношения. В этой связи форма (правоотношение) имеет в качестве содержания права и обязанности сторон, а содержание соответствующего общественного отношения – фактические действия его участников [3, с. 131]. Действительно, если исходить из того, что правоотношение представляет собой результат действия правовой нормы, связывающей между собой поведение субъектов, то их поведение осуществляется в соответствии с моделью, закрепленной в норме права. Этим и определяется взаимозависимость фактического (материального) содержания правоотношения (поведение субъектов в рамках нормы права) и юридического содержания.

Изложенное приводит к выводу, что содержание каждого правоотношения охватывает как материальную, так и юридическую сторону общественных отношений, урегулированных нормами гражданского права.

Особый интерес при изучении гражданского правоотношения вызывают субъективные права и обязанности его участников. Это определяется разными взглядами ученых-цивилистов на сущность понятий «субъективное право» и «субъективная обязанность».

В науке гражданского права нет четкого определения субъективного права, равно как нет его легального определения в законодательстве. Одни авторы под субъективным правом понимают меру дозволенного поведения управомоченного лица в целях удовлетворения его интересов, обеспеченную юридическими обязанностями других лиц. Так, например, С.С. Алексеев указывает, что субъективное право выражено в строго определенных юридических возможностях данного лица. Слово «мера», по его мнению, при определении субъективного права означает, что закрепленные за лицом юридические возможности не безграничны, они четко обозначены по содержанию, в этих границах лицо и может строить свое поведение [2, с. 114].

Существует и точка зрения, в соответствии с которой субъективные права представляют «конкретизацию, индивидуализацию статутных

прав», являющуюся следствием наступления определенных условий (юридических фактов) [1, с. 432].

Иными словами, субъективное право (и субъективная обязанность) прежде всего служит юридическим средством реализации определенного поведения участников правоотношения, разумеется, в рамках правовой нормы. Субъективным правом называют право, принадлежащее конкретному субъекту правоотношения. Например, гражданин имеет право на приобретенную им по договору купли-продажи квартиру или может быть субъектом интеллектуальной собственности, создав, скажем, произведение литературы или науки.

По мнению ряда авторов, субъективное право (как принадлежащее конкретному лицу право) включает в себя:

меру возможного (дозволенного) поведения управомоченного лица осуществить свое право своими собственными действиями или через представителя;

возможность требовать от обязанного лица определенного поведения;

возможность использовать управомоченным лицом предоставленные законом меры правоохранительного характера (в том числе государственного принуждения соответствующими органами).

Приведенное понимание субъективных прав основывается на тесной взаимосвязи осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей. Под субъективной обязанностью следует понимать меру должного поведения, которой следует обязанное лицо в соответствии с требованием управомоченного лица либо в соответствии с требованиями закона. Осуществление субъективного права предполагает реализацию возможностей, предоставленных управомоченному лицу, т. е. реализацию заключенных в субъективном праве возможностей определенного поведения.

Вместе с тем субъективное право, выражающее интерес конкретного участника гражданского правоотношения, только в том случае имеет юридическую силу, если оно признается со стороны объективного права совокупностью установленных компетентными органами правовых норм. Субъективные права, как полагает В.А. Тархов, прежде чем им возникнуть у определенного лица, должны быть предусмотрены правовыми нормами, или, по крайней мере, правовыми нормами должна быть предусмотрена их допустимость [3, с. 132]. Однако это положение не является в полной мере обоснованным для гражданского права, важный принцип которого – диспозитивность, означающий, что нормы гражданского законодательства применяются постольку, поскольку иное не урегулировано соглашением сторон. В свою очередь, соглашение сторон не должно противоречить законодательству, для чего

гражданским законодательством определены границы осуществления гражданских прав.

Говоря о границах осуществления гражданских прав, имеют в виду пределы осуществления последних. Законодательно они определены в ст. 2 и 9 ГК. Все пределы осуществления гражданских прав можно подразделить на общие и специальные. Специальные пределы установлены актами специального законодательства. Общими пределами осуществления всех субъективных прав являются принцип приоритета общественных интересов, установленный ст. 2 ГК, и некоторые запреты, предусмотренные ст. 9 ГК. Особый интерес представляет ст. 9 ГК, на основании анализа которой все запреты можно разделить на три группы:

не допускается осуществление права исключительно с намерением причинить вред другому лицу, или так называемая шикана;

не допускается злоупотребление правом в иной форме, не относящейся к шикане;

не допускается осуществление гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление своим доминирующим положением на рынке.

Всякое субъективное право по своему содержанию, а равно и та свобода, которая гарантируется законом в целях реального осуществления права управомоченным лицом, не могут быть безграничными. Ведь субъективное право, будучи мерой возможного поведения управомоченного лица, имеет границы как по своему содержанию, так и по характеру его осуществления. Эти границы – неотъемлемое свойство всякого субъективного права, ибо при отсутствии таких границ право превращается в свою противоположность (в произвол) и тем самым перестает быть правом.

Обусловливать взаимосвязь субъективных прав и обязанностей сторон правоотношения можно лишь в том случае, если они облекаются в соответствующую правовую оболочку, т. е. получают определенную форму. Основу этой формы составляет законодательный акт, договор, судебное решение и т. п. В этой связи Р.О. Халфина предлагает рассматривать правоотношение «как единство материального содержания и правовой формы, в которой различаются следующие связи элементов правоотношения: 1) связь прав и обязанностей, которая должна определять реальное поведение; 2) реальная связь участников правоотношений, которая должна соответствовать модели; 3) связь реального поведения и модели, которая находит свое выражение в осуществлении прав и выполнении обязанностей» [4, с. 211]. Естест-

венно, все эти связи выражаются во вне, например соглашением сторон (договором), актом законодательства и т. п.

Существует и иной взгляд на форму правоотношения, согласно которому она представляется в качестве субъективных прав и обязанностей, которые предполагают возможность или необходимость реального поведения. Эти права и обязанности и являются собой юридическую форму правоотношения [1, 439]. «Правовая форма, – отмечает С.С. Алексеев, – имеет активный характер. Она как бы притягивает к себе фактическое (материальное) содержание, т. е. лица совершают те действия, которые они обязаны совершать. Возникнув без определенного фактического (материального) содержания, юридическая форма затем обретает это содержание (совершаются положительные действия)... складываются в полном объеме фактические отношения...» [2, с. 97].

Отсутствие единой позиции по вопросу формы правоотношения объясняется разными подходами к определению формы. Одни авторы считают, что форма – это внешнее выражение внутреннего содержания (субъективных прав и обязанностей), другие же полагают, что форма – это внешняя структура (субъективные права и обязанности), которая должна быть наполнена реальным поведением (содержанием). Этот вопрос довольно проблематичен и представляет собой предмет самостоятельного научного исследования.

В качестве примера к изложенным выше теоретическим положениям позволим себе сослаться на соглашение об играх (пари) в гражданском праве. Дело в том, что именно этому правоотношению законодатель (глава 57 ГК Республики Беларусь) отказывает в судебной защите, за исключением случаев, прямо указанных в законе. Так, указанное исключение имеет место в случае, когда соглашение об играх и пари носит характер оспоримой сделки, в частности сделки, совершенной с пороком воли (ст. 931 ГК).

При рассмотрении игр и пари как гражданских правоотношений большинство цивилистов их структуру определяют как совокупность трех элементов: субъектов, объектов и содержания (субъективных прав и обязанностей) [3, с. 127].

Субъектами соглашения об играх и пари являются организатор игр (пари) и участник (игрок). *Организатором* может быть только юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие лицензию на занятие таким видом деятельности, выданную Министерством спорта и туризма. Организаторами игр и пари в соответствии с законодательством могут быть Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы (ст. 932 ГК). *Участниками (игроками)* вы-

ступают физические и юридические лица в пределах их правосубъектности.

Объект – интересы организаторов и участников, направленные на получение прибыли и выигрыша. Последний зависит от случая. Следует отметить, что существует точка зрения, согласно которой объектом правоотношения являются блага, как материальные, так и духовные. Сторонники этой позиции считают, что «неверно, даже ошибочно понимать под объектом правоотношения определенный вид (разновидность) общественных отношений. Общественные отношения являются объектом правового регулирования... Признание же в качестве объекта правоотношения некоторой разновидности общественных отношений привело бы к утрате правоотношением его специфической роли в механизме правового регулирования» [1, с. 437]. Согласиться с этим мнением можно, если считать, что взаимные субъективные права и обязанности сторон – это форма правоотношения, а не его содержание.

Хотелось бы отметить, что осуществление субъектами правоотношений своих прав и обязанностей имеет определенную направленность, что и является объектом правоотношения. В качестве объектов правоотношений, в частности, применительно к гражданскому праву могут быть: вещи, если это вещные правоотношения; в обязательственных правоотношениях – это действия; в правоотношениях личного неимущественного характера (честь, достоинство, деловая репутация) – это нематериальные блага; в правоотношениях, возникающих из интеллектуальной деятельности (авторства, изобретательства и т. д.), – это продукты интеллектуального творчества.

Примером объекта правоотношения, выражающегося в действии, может послужить возмездное оказание услуги по договору, который направлен никак не на создание вещи, блага материального, а на само действие по выполнению этой услуги, хотя его конечным результатом может быть и определенное материальное благо. Либо, к примеру, объектом правоотношения, возникшего из заключенного договора между гражданином и проектной организацией на составление проекта жилого дома, является подготовленный этой организацией проект жилого дома.

Очевидно, что в зависимости от разновидности правоотношений объектом могут служить как действия, так и материальные и нематериальные блага. В любом случае все перечисленные объекты направлены на удовлетворение интересов субъектов правоотношения, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что объектом правоотношения, возникающего из игр и пари, представляются интересы игрока и организатора, направленные на получение выигрыша и прибы-

ли (дохода). Эти интересы удовлетворяются посредством проведения игр, пари, лотерей, биржевых сделок.

Особую сложность в изучении соглашения об играх и пари представляет его **содержание**. Содержание правоотношения в сфере игр (пари) представлено субъективными правами и обязанностями его участников (юридическое содержание), реализация которых создает содержание правоотношения в материальном (реальном) смысле.

Упоминание о наличии прав и обязанностей сторон содержит ч. 2 п. 3, п. 4 и 5 ст. 932 ГК. Законодатель определяет следующие права участника:

- требовать от организатора возмещения понесенного реального ущерба из-за отмены игр или переноса их срока;

- требовать от организатора выплаты выигрыша в установленный срок;

- требовать от организатора возмещения убытков, причиненных невыплатой или просрочкой выплаты выигрыша.

Гражданским кодексом предусмотрены и обязанности организатора игр (пари):

- оформить договор между организатором и участником в надлежащей форме, если это предусмотрено правилами организации игр;

- выплатить в установленный срок в предусмотренном размере и форме выигрыш участнику;

- возместить участнику реальный ущерб и убытки в случаях, предусмотренных ч. 2 п. 3 и п. 5 ст. 932 ГК.

Глава 57 ГК не предусматривает ни одной обязанности участника игр (пари). Некоторые из них устанавливаются Положением об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь [5]. Кроме того, на основании анализа ст. 932 ГК можно сделать вывод, что законодатель предоставляет организатору игр лишь право отказаться или перенести срок их проведения, но ведь одновременно это является неисполнением (ненадлежащим исполнением) обязательства и основанием для наступления гражданско-правовой ответственности в форме возмещения реального ущерба, понесенного участником игры (пари). Иными словами, для отказа организатора от права (обязанности) проведения игры (пари) не требуется волеизъявления ее участника, однако сам отказ приводит в действие гражданско-правовые санкции.

Целесообразным, на наш взгляд, является разделение (классификация) прав и обязанностей сторон по договору о проведении игр и пари на **поименованные** и **непоименованные** в законе. К первым следует отнести все права и обязанности, указанные в ст. 932 ГК, остальные же

определяются исходя из правил организации и проведения соответствующей игры. Так, например, правила организации и проведения букмекерских игр определяют права букмекера (организатора):

принимать ставки (заключать пари) на не противоречащий законодательству предварительный прогноз социально значимого события;

изменить условия приема ставок (при этом ставки, сделанные до изменений, рассматриваются по условиям, на которых они были сделаны);

отказать в приеме ставки в случае, если игрок является несовершеннолетним (до 18 лет) или находится в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

Этими же правилами устанавливаются и права игрока:

сделать ставку (сделанная ставка является свидетельством того, что игрок ознакомлен с правилами игры);

подать претензию по правильности оформления договора о проведении игры (пари) букмекером.

В свою очередь, обязанности букмекера заключаются в следующем:

принять ставку у дееспособного гражданина;

определить размер выигрыша до начала игры;

определить сумму возможного выигрыша; срок окончания приема ставок на каждое событие; срок (период) совершения события; порядок и сроки выплаты выигрышей; обстоятельства, при которых производится возврат ставок; момент приема ставок; особенности приема ставок по видам спорта и т. д.;

выплатить выигрыш в предусмотренной сумме, форме (форма выигрыша не может произвольно изменяться и должна соответствовать ранее объявленной) и в предусмотренные сроки.

Обязанностями игрока являются:

предъявление документа, удостоверяющего личность, в случае возникновения сомнений у работников букмекерской конторы относительно достижения игроком 18-летнего возраста;

предъявление карточки или кассового чека для выплаты выигрыша (в случае утери игроком карточки или кассового чека выплаты не производятся).

Таким образом, содержание правоотношения в области проведения игр и пари охватывает как юридическую, так и материальную сторону общественного отношения, предусмотренного нормами гражданского права. Причем совокупность субъективных прав и обязанностей, имеющих у субъектов игр и пари, – юридическое содержание, а их конкретная реализация в случае организации, проведения и участия в играх и пари – содержание в материальном смысле. Поскольку согла-

шение об играх и пари предусмотрено нормами Гражданского кодекса и, следовательно, является гражданским правоотношением, требующим предоставления гарантированной защиты со стороны компетентных органов государственной власти, оно не должно лишаться судебной защиты.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Правовые отношения – это особые общественные индивидуализированные отношения, возникающие на основе норм права. Участниками таких отношений являются физические, юридические лица, государство в целом и его административно-территориальные единицы в частности. Все участники правоотношений наделяются субъективными правами и обязанностями, главной характеристикой которых является признак взаимности, т. е. каждому субъективному праву одного лица соответствует обязанность других лиц.

Гражданское правоотношение является результатом воздействия права в объективном смысле на регулируемое им общественное отношение и существует как правовая форма последнего [3, с. 125]. Оно представляет собой взаимную совокупность субъективных прав и обязанностей, обусловленных нормами гражданского законодательства. Это положение следует принимать за абсолютную величину, как, например, цифру «0» (но не число) в математике, «квант» в физике, «горизонт» в географии, «идею» в философии. Отталкиваясь от этой «величины», можно вести речь о реализации субъективных прав и обязанностей лицами, участвующими в правоотношении, придавая правоотношению реальное (поведенческое) содержание.

Изложенные теоретические позиции позволяют внести некоторые предложения в развитие гл. 57 ГК. Так, если субъекты правоотношений, возникающих в сфере организации и проведения игр и пари, законодательно определены, то его остальные структурные элементы (объект и содержание) нуждаются в корректировке. Необходимо четко конкретизировать объект соглашения, т. е. указать исчерпывающий перечень игр, разрешенных законодательством, исключив из этого перечня финансовые игры, так называемые биржевые сделки. Содержание соглашения об играх (пари) также нуждается в доработке. Так, в ст. 932 ГК регламентируется только материальное (поведенческое) содержание соглашения, в то время как юридическое содержание этого правоотношения не закрепляется. Поэтому положения ст. 932 ГК необходимо дополнить указанием на субъективные права и обязанности субъектов игр и пари.

Библиографические ссылки

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 2. М., 1982.
3. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. В.Ф. Чигира. Ч. 1. Минск, 2000.
4. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
5. Положение об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь от 10 янв. 2005 г. № 9 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2007.

© Колбасин Д.А., Габдуллина Ю.Ф., 2008

А.А. Вишневский

НАЛОГОВЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И ИХ ПРИЗНАКИ

Вопрос о правовых отношениях является одним из наиболее дискуссионных в современной юридической науке. До сих пор не существует единого мнения по поводу самого определения понятия правоотношения, его содержания, понимания элементов его структуры и т. д. Что касается финансового права, то в науке установилось мнение, что финансовое правоотношение – это урегулированное нормами финансового права общественное отношение, возникающее в процессе мобилизации, распределения и использования государством фондов денежных средств [1, с. 27]. Это означает, что финансовое правоотношение вытекает из повседневной деятельности государства по формированию, наполнению, распределению и использованию государственных денежных фондов. Одной из разновидностей финансовых правоотношений являются налоговые правоотношения.

Налоговые правоотношения относятся к числу наиболее многочисленных материальных правоотношений и являются публично-правовыми отношениями. Это обусловлено тем, что налоговое правоотношение возникает на основе норм налогового права, которые являются средством обеспечения общественных интересов [2, с. 128]. Публичность налогового правоотношения обуславливается интересами государства и общества, что проявляется в законодательном закреплении

возможности принудительного изъятия обязательных платежей (налогов, сборов, пошлин), а также применения санкций за невыполнение налогового обязательства. В этом заключается одно из основных противоречий, скрытых в налоговом правоотношении. Как справедливо указывает М.В. Карасева, «если на макроуровне, т. е. на уровне общества в целом или различных социальных групп, существующая объективная потребность (необходимость) в финансовом обеспечении государства трансформируется в политический интерес и осознается отдельными классами и всем обществом, то на микроуровне, т. е. на уровне отдельного индивида, такой трансформации объективно не происходит. Индивидуум (в отдельности) объективно не заинтересован вносить подати в государственную или муниципальную казну, ибо такой акт связан с непосредственным ущемлением его „собственного кошелька“ (не случайно употребляется словосочетание „налоговое бремя“» [3, с. 84].

Ведя речь о категории «субъект налогового правоотношения», необходимо упомянуть о том, как вообще трактуется в теории права данная правовая категория. Субъектами правоотношений (их сторонами, участниками) являются субъекты права, вступившие в соответствующие правоотношения. К субъектам права относятся индивиды (физические лица) и организации, которые обладают признаваемыми нормами права юридическими качествами, позволяющими им быть носителями субъективных прав и обязанностей. Эти качества (свойства) охватываются таким юридическим понятием, как «правосубъектность» [4, с. 426–427].

Что же касается теории налогового права, то в ней используются два неравнозначных понятия: «субъект налогового правоотношения» и «субъект налога». Первое является более широким по отношению к второму, так как включает в себя не только налогоплательщиков, т. е. субъектов, определенных в качестве плательщиков тех либо иных налогов в специальном нормативном правовом акте, но и налоговые, иные государственные органы, а также налоговых агентов.

Перечень участников (субъектов) налоговых правоотношений содержится в ст. 4 Налогового кодекса Республики Беларусь. К ним относятся: организации и физические лица, признаваемые налогоплательщиками; организации и физические лица, признаваемые налоговыми агентами; Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь (МНС) и инспекции Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь (налоговые органы); Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и таможи (таможенные органы); республиканские органы государственного управления, органы местного

управления и самоуправления, а также уполномоченные организации и должностные лица, осуществляющие в установленном порядке помимо налоговых и таможенных органов прием и взимание налогов, сборов (пошлин); Комитет государственного контроля Республики Беларусь (КГК) и его органы; Министерство финансов Республики Беларусь и местные финансовые органы; иные уполномоченные органы – при решении вопросов, отнесенных к их компетенции Налоговым кодексом и другим законодательством.

Таким образом, субъектный состав налогового правоотношения включает в себя две стороны: налогоплательщика (плательщика сборов, пошлин) и государство (в лице уполномоченных органов). В данном случае речь идет об абстрактной категории налогового правоотношения. В качестве субъектов налогового права принято рассматривать Республику Беларусь, административно-территориальные единицы (области, города, районы). В такой роли они являются носителями налоговой правоспособности. Однако в конкретных налоговых правоотношениях они не участвуют. Таким образом, налоговая дееспособность приходится на долю представляющих их интересы государственных (или местных) органов. Что же касается второй стороны налогового правоотношения – налогоплательщиков, то они сочетают в себе оба юридических качества – правоспособность и дееспособность. Именно поэтому иск о неправомерных действиях предъявляется не к государству в целом (или административной единице), а к определенному государственному органу (МНС, КГК и т. д.). Такой особый правовой статус государственных органов объясняется включением их в механизм государства, под которым понимается «целостная иерархическая система государственных органов, учреждений и организаций, осуществляющих государственную власть, задачи и функции государства» [4, с. 118].

Особое место среди участников налоговых правоотношений занимает налоговый агент. Дело в том, что до вступления в силу Налогового кодекса в белорусском налоговом законодательстве вообще отсутствовало данное понятие, хотя де-факто налоговый агент существовал. Например, в ст. 11 закона «О подоходном налоге с физических лиц» было закреплено, что с доходов, получаемых физическими лицами, налог исчисляется, удерживается и перечисляется в бюджет юридическими лицами и предпринимателями, которые являются источниками выплаты дохода [5] (т. е. налоговыми агентами).

В соответствии со ст. 23 Налогового кодекса, налоговым агентом признается юридическое или физическое лицо, хозяйственная группа, простое товарищество, которое является источником выплаты доходов

плательщику и (или) на которое в силу данного кодекса и других актов налогового законодательства возлагаются обязанности по исчислению, удержанию у плательщика и перечислению в бюджет налогов, сборов (пошлин). В связи с этим возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны, в налоговых правоотношениях участвуют только государство и налогоплательщик, а с другой – на стороне государства выступает налоговый агент. Поэтому не совсем понятно правовое положение названных в ст. 23 Налогового кодекса участников налоговых правоотношений, так как само определение налогового агента, закрепленное в этой статье, характеризует его двойственное положение: с одной стороны, он выступает по отношению к налогоплательщику как фискальный орган, который обязан удерживать и перечислить в бюджет налог, с другой – выступает как обязанное лицо, которое само обладает обязанностями налогоплательщика и которое несет ответственность за невыполнение возложенных на него функций.

Согласно законодательству налоговое правоотношение может возникать лишь между государством и налогоплательщиком. При этом налогоплательщик должен обладать рядом признаков: во-первых, он должен быть субъектом данного налога; во-вторых, у него должен быть объект налогообложения; в-третьих, в нормативном правовом акте должно содержаться указание на существование у него налоговой обязанности. Налоговый агент может не обладать ни одним из вышеперечисленных признаков. Например, Академия МВД Республики Беларусь является налоговым агентом по уплате подоходного налога по отношению ко всем своим работникам и при этом в силу требований законодательства она не является плательщиком подоходного налога и не имеет объекта обложения данным видом налога. Отсюда следует вывод, что если у налогового агента отсутствует ряд признаков, свойственных субъектам налоговых правоотношений, то он является только техническим участником названных отношений. Имеется в виду то, что на него возложены лишь технические функции в связи с исчислением, удержанием у плательщика и перечислением в бюджет налогов (сборов, пошлин), представлением в налоговые органы документов и сведений, необходимых для осуществления контроля за правильностью исчисления, удержания и перечисления в бюджет соответствующих налогов, сборов (пошлин), обеспечением сохранности документов, необходимых для осуществления налогового контроля, а также выполнением других обязанностей, установленных Налоговым кодексом и другими актами налогового законодательства (ст. 23 Налогового кодекса).

Кроме налоговых агентов специфическим правовым статусом в налоговых правоотношениях обладают банки и небанковские кредитно-финансовые организации. Специфика их полномочий отражена в ст. 48 Налогового кодекса. В соответствии с нормой, изложенной в данной статье, банки и иные уполномоченные организации обязаны в очередности, установленной законодательством, исполнять платежное поручение плательщика (иного обязанного лица) на перечисление налогов, сборов (пошлин), пеней, а также решение налогового или таможенного органа о взыскании налога, сбора (пошлины), пени за счет денежных средств плательщика (иного обязанного лица), дебиторов плательщика (иного обязанного лица) – организации. Как видим, на банки возложены самостоятельные обязанности, носящие по своей специфике публичный характер, но вытекающие из гражданских правоотношений. Имеется в виду то, что обязанности банков, перечисленные в ст. 48 Налогового кодекса, вступают в силу только в отношении тех налогоплательщиков или налоговых агентов, с которыми заключен договор об открытии расчетного (иного) банковского счета и на расчетно-кассовое обслуживание. Следовательно, банки и небанковские кредитно-финансовые организации также играют вспомогательную роль в налоговых правоотношениях.

Исходя из вышеизложенного всех участников налоговых правоотношений, на наш взгляд, целесообразно разделить на основных и факультативных (вспомогательных). К первой группе участников налоговых правоотношений необходимо отнести государство с его административно-территориальными единицами. Однако, как мы уже указывали, в налоговых правоотношениях государство выступает не непосредственно, а опосредованно, т. е. через систему уполномоченных органов. А для того чтобы последние были отнесены к участникам налоговых правоотношений, они должны обладать рядом обязательных признаков, которыми их наделяет именно государство, так как «те отношения, в которых государство не проявляет властной компетенции, не могут быть отнесены к налоговым» [6, с. 21]. По нашему мнению, к таким признакам необходимо отнести следующие. Во-первых, налоговый орган должен действовать исключительно от имени государства и это право ему должно быть предоставлено именно налоговым законодательством; во-вторых, налоговый орган должен быть носителем соответствующих полномочий государственно-властного характера.

В соответствии с законодательством (ст. 4 Налогового кодекса) к основным участникам (субъектам налоговых правоотношений) относятся: налоговые органы в лице Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь и инспекции МНС (правовой статус закреплен

законом «О государственной налоговой инспекции Республики Беларусь» и гл. 10 Налогового кодекса); таможенные органы (Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и таможи, правовой статус которых закреплен Таможенным кодексом); органы государственного контроля (Комитет государственного контроля Республики Беларусь и его органы, деятельность которых регламентируется законом «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь»); финансовые органы (Министерство финансов Республики Беларусь и местные финансовые органы, полномочия которых определены постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Вопросы Министерства финансов Республики Беларусь»).

В качестве основного участника налоговых правоотношений выступает и налогоплательщик. Исходя из анализа нормы, изложенной в ст. 13 Налогового кодекса, понятие «налогоплательщик» можно определить как систему организаций и физических лиц, на которых согласно законодательству возложена обязанность уплачивать налоги (сборы, пошлины).

Организациями-налогоплательщиками являются юридические лица Республики Беларусь, иностранные и международные организации, в том числе не являющиеся юридическими лицами, простые товарищества (участники договора о совместной деятельности, хозяйственные группы), филиалы, представительства и иные обособленные подразделения юридических лиц Республики Беларусь, имеющие отдельный баланс и текущий (расчетный) либо иной банковский счет.

Налогоплательщики – физические лица – это граждане Республики Беларусь, граждане либо подданные иностранного государства, лица без гражданства (подданства).

К числу плательщиков налогов относится также индивидуальный предприниматель, который согласно ст. 19 Налогового кодекса определяется как физическое лицо, зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя (к индивидуальным предпринимателям в целях налогообложения приравнены и частные нотариусы).

Налоговые правоотношения основаны на властном подчинении их участников и предполагают наличие жесткой субординации. Налоговому органу, который действует от имени государства, принадлежит властное полномочие, налогоплательщику – обязанность подчинения.

Таким образом, налоговые правоотношения возникают независимо от воли налогоплательщика. Однако это не противоречит наработкам ученых-теоретиков, утверждающих, что правоотношение – это сознательно-волевое отношение, так как для его реализации необходима воля его участников, в том числе и налогоплательщика. Так, есть пра-

воотношения, для возникновения которых необходима воля всех участников (вступление в брак возможно лишь при согласии обеих сторон, купля-продажа возможна при согласии продавца и покупателя). В то же время есть правоотношения, для возникновения которых достаточно воли одного субъекта (уголовное дело, возбужденное по воле правоохранительного органа). Это же касается и налогового правоотношения. В контексте сказанного справедливо замечание профессора В.А. Кучинского о том, что «в частно-правовых отношениях, разумеется, воля их участников проявляется более активно и многообразно, чем в публично-правовых, но и в последних индивидуальная воля частных лиц имеет существенное значение и обеспечивается правовой защитой» [4, с. 426]. Например, воля обвиняемого в нарушении налогового законодательства проявляется в реализации им своих субъективных прав на обжалование действий должностных лиц налоговых органов.

Исходя из метода правового регулирования (властно-стоимостного метода, или метода государственно-властных подчинений), используемого финансовым и налоговым правом, налоговые правоотношения носят властный характер и не могут строиться на юридическом равенстве сторон. Как указывал А.И. Худяков, «государство могущественнее любого субъекта, противостоящего ему в правоотношении. И это определяет как фактическое, так и юридическое их неравенство» [7, с. 10]. Данное утверждение является абсолютно верным и не противоречит смыслу ст. 2 Налогового кодекса, в которой закреплено положение (принцип) о том, что налогообложение в Республике Беларусь основывается на признании всеобщности и равенства. В данном случае принцип равенства формально-юридически закрепляет не равноправие сторон в налоговых правоотношениях, а экономическое равенство плательщиков. Имеется в виду то, что за основу налога берется экономическое положение плательщика, его экономический потенциал. Данный принцип налогообложения был провозглашен еще в XVIII в. одним из создателей английской классической политической экономии А. Смитом в его главном труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

Таким образом, отсутствие равенства сторон (как фактического, так и юридического) также является одним из отличительных признаков налогового правового отношения.

Субъекты права вступают в правоотношения в целях удовлетворения своих многообразных интересов и потребностей – материальных, духовных и других благ. Такие разнообразные блага, «на достижение, использование или охрану которых направлены интересы сторон пра-

воотношений и ради чего реализуются их субъективные права и обязанности, принято рассматривать в качестве объектов правоотношений» [8, с. 21].

Вопрос об объекте правоотношений юридической наукой рассматривается неоднозначно. Изложенный нами выше подход именуется плюралистической или множественной концепцией объекта правоотношения. Он получил наибольшее распространение в литературе. Кроме того, предложена и монистическая концепция объекта правоотношения, в соответствии с которой в этом качестве могут выступать только действия сторон, поскольку именно они регулируются правовыми нормами. С такой точки зрения у всех правовых отношений общий объект (действия). Наиболее развернутое выражение и обоснование монистической теории объекта правоотношения нашла в работах известного советского правоведа О.С. Иоффе [9, с. 82].

В литературе встречаются попытки объединения монистического и плюралистического подходов к объекту правоотношения, когда фактическое правомерное поведение называют юридическим объектом правоотношения, а связанные с этим поведением различные материальные и духовные блага – «материальным объектом» (Л.И. Спиридонов). В теоретической юридической науке имеются и другие точки зрения на объект правоотношения.

Что же касается объекта налоговых правовых отношений, то большинство авторов придерживаются монистической концепции.

Думается, что плюралистическая теория объекта правоотношения реальнее отражает разнообразие существующих правоотношений, она опирается на факты и теоретически выверена. Эта теория учитывает многообразие существующих объектов правоотношений, а не сводит их только к действиям субъектов, поступкам людей.

Полагаем, что объектом налоговых правоотношений также выступают разнообразные блага, на достижение, использование или охрану которых направлены интересы сторон правоотношения. Благо для государства в налоговых правоотношениях заключается в том, что с помощью налога оно формирует денежные фонды (бюджеты и иные целевые денежные фонды). Через потребление (расходование) денежных средств государство осуществляет возложенные на него функции (экономическую, социальную, культурную, оборонную и т. д.). В ст. 56 Конституции Республики Беларусь указывается, что граждане Республики Беларусь обязаны принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей. Наполнение государственной казны денежной массой (налог уплачивается, как правило, в денежной форме) выступает (дол-

жен выступать) и для налогоплательщика как материальное и духовное благо. Последнее выражается в высоком, качественном уровне жизни в государстве, экономической и социальной защищенности граждан и т. д.

Подобная постановка вопроса соответствует тому, что осуществление взаимных субъективных прав и обязанностей сторон налоговых правоотношений происходит, как правило, инициативно и добровольно, но при необходимости гарантируется государственным воздействием на них вплоть до применения принудительных мер правовой защиты и юридической ответственности. Например, налогоплательщики имеют право: получать от налоговых органов по месту постановки на учет бесплатную информацию о действующих налогах, сборах (пошлинах), актах налогового законодательства, а также о правах и обязанностях налогоплательщиков, налоговых органов и их должностных лиц, письменные разъяснения по вопросам применения актов налогового законодательства; представлять свои интересы в налоговых органах самостоятельно или через своего представителя; использовать налоговые льготы при наличии оснований и в порядке, установленном Налоговым кодексом, иными актами налогового законодательства; требовать от должностных лиц налоговых органов соблюдения актов налогового законодательства при совершении ими действий в отношении налогоплательщиков; требовать соблюдения налоговой тайны; обжаловать решения налоговых органов, действия (бездействие) их должностных лиц и т. д.

Вместе с тем налогоплательщики обязаны: уплачивать установленные налоговым законодательством налоги, сборы (пошлины); представлять в налоговый орган по месту постановки на учет в установленном порядке бухгалтерские отчеты и балансы, налоговые декларации (расчеты), а также другие необходимые документы и сведения, связанные с налогообложением; выполнять законные указания налогового, таможенного органа об устранении выявленных нарушений налогового законодательства; обеспечивать в течение сроков, установленных законодательством, сохранность документов бухгалтерского учета, учета доходов (расходов) и иных объектов налогообложения, других документов и сведений, необходимых для налогообложения; выполнять другие обязанности, установленные Налоговым кодексом и другими актами налогового законодательства.

Следует отметить, что подобная постановка вопроса об объекте налоговых правоотношений в определенной мере может основываться не только на трудах современных теоретиков права, но и на работах известных мыслителей прошлого. Так, английский мыслитель XVII в.

Т. Гоббс считал благо народа высшим законом. Долг суверена, полагал он, хорошо управлять народом, ибо государство установлено не ради самого себя, а ради граждан [10, с. 267]. Намного раньше эта мысль была озвучена нашим соотечественником, известным политиком, государственным деятелем и правоведом А. Воляном. Так, выступая в верхней палате Вального сойма Речи Посполитой с «Прамовай да Сената Каралеўства Польскага і Вялікага княства Літоўскага, або Якім павінна быць праўленне дабрачыннага караля» (1573), он сказал следующее: «Пара ўжо зразумець каралю, што дзяржаўная скарбніца... створана дзеля агульнага грамадскага добра, абароны Айчыны... дзяржаўная скарбніца створана на выпадак гранічнай патрэбы...» [цит. по: 11, с. 179]. В отношении государственных налогов (сборов и пошлин) еще более четко эту же идею высказали белорусские мыслители эпохи Просвещения (К. Нарбут, Г. Конисский, И. Хрептович и др.), которые считали, что богатство государства есть богатство его граждан и наоборот [12, с. 90–96].

Говоря о видах налоговых отношений, необходимо упомянуть о том, что существует несколько оснований для классификации правоотношений.

По количеству участвующих сторон правоотношения подразделяются на простые и сложные. Анализ налогового законодательства позволяет сделать вывод о том, что налоговые правоотношения относятся к сложным правоотношениям. Это объясняется тем, что в них участвуют не просто государство и налогоплательщик. Государство представлено различными органами – налоговыми, таможенными, государственного контроля, и, в конце концов, в этих отношениях может принимать участие и налоговый агент.

В теории права правоотношения по содержанию подразделяются на материальные и процессуальные. Что же касается налоговых правоотношений, то критерий их деления на материальные и процессуальные весьма размыт. На наш взгляд, это связано с отсутствием специального нормативного правового акта, определяющего порядок реализации налоговых норм материального характера. Однако в целом такое деление все же можно осуществить. В рамках материальных правоотношений определяются и реализуются права и обязанности сторон (например, ставка налога), ответственность участников правоотношений. К процессуальным следует отнести правоотношения, возникающие в связи с порядком исчисления и уплаты налога.

Налоговые правоотношения подразделяются также на регулятивные и охранительные. В основе регулятивных отношений лежат правомерные действия их участников (своевременная и полная уплата

налога, правомерное использование налоговой льготы и т. д.). Охранительные отношения возникают в связи с применением государственного принуждения в целях защиты и восстановления нарушенных прав. Именно в рамках охранительных правоотношений реализуется санкция правовой нормы. Охранительными являются правоотношения, возникающие в связи с применением санкции за нарушение налогового законодательства (непредставление в срок налоговой декларации, уклонение от уплаты налогов, сокрытие или занижение объекта налогообложения и т. п.).

Таким образом, исходя из предметной обусловленности системы права с учетом предмета и метода правового регулирования налоговые правоотношения следует отнести к отраслевому виду. Вместе с тем для них характерны и свои отличительные признаки (свойства, черты). К наиболее важным из них относятся следующие: одним из участников налогового правоотношения всегда является государство (его административно-территориальные единицы) в лице уполномоченных органов; специфический круг субъектов данного правоотношения, определяемый налоговым законодательством; налоговое правоотношение является публичным правоотношением; наличие властного подчинения одной стороны налогового правоотношения другой; налоговое правоотношение возникает независимо от воли налогоплательщика, но реализуется с учетом воли последнего; оно всегда носит имущественный (материальный) характер.

Библиографические ссылки

1. Вишневский, А.А. Финансовое право / А.А. Вишневский, С.И. Филипович. Минск, 2002.
2. Пилипенко, А.А. Налоговое право / А.А. Пилипенко. Минск, 2006.
3. Карасева, М.В. Финансовое правоотношение / М.В. Карасева. М., 2001.
4. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
5. О подоходном налоге с физических лиц : Закон Респ. Беларусь, 21 дек. 1991 г., № 1327-ХП (в ред. Закона от 9 марта 1999 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 21. 2/22.
6. Пепеляев, С.Г. К вопросу о налоговом законодательстве и налоговых отношениях / С.Г. Пепеляев. СПб., 1999.
7. Худяков, А.И. Актуальные проблемы предмета советского финансового права / А.И. Худяков // Актуальные проблемы социалистического правосудия : науч.-аналит. обзор. Алма-Ата, 1989.
8. Кучинский, В.А. Объекты правовых отношений / В.А. Кучинский // Сацыял.-эканам. і прававыя даслед. 2006. № 4.

9. Иоффе, О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. Л., 1949.

10. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.

11. Падокшын, С.А. Беларуская думка ў кантэксте гісторыі і культуры / С.А. Падокшын. Мінск, 2003.

12. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / І.У. Вішнеўская. Мінск, 2004.

© Вишневский А.А., 2008

А.В. Каравай

ДЕНЬГИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Одним из элементов структуры правоотношения выступает его объект. В юридической литературе ведется длительная дискуссия по вопросу об объекте правоотношения. Высказаны различные точки зрения [1, с. 138–141]. Обсуждался даже вопрос о существовании безобъектных правоотношений [2, с. 71].

Согласно господствующей точке зрения объектом правоотношения является то, на что правоотношение воздействует, т. е. на что направлены субъективные права и обязанности сторон правоотношения [3, с. 73–74; 4, с. 40]. В качестве объектов правоотношений в большинстве случаев рассматриваются разнообразные блага, на достижение, использование или охрану которых направлены интересы сторон правоотношения и ради чего реализуются их субъективные права и обязанности [5, с. 436].

Представляется, что такое понимание объекта в наибольшей степени соответствует сущности правоотношения и, кроме того, опирается на положения действующего законодательства. Статьей 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к числу объектов гражданских прав отнесены вещи, включая деньги и ценные бумаги; действия обязанного лица – работы и услуги; охраняемая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности; нематериальные блага. В качестве объектов гражданских правоотношений могут выступать права требования и обязательства их участников по отношению к третьим лицам. Так, в соответствии со ст. 530 ГК по договору продажи предприятия продавец обязуется передать в собственность покупателя предприятие как имущественный комплекс. Объектом правоотношения, возникающего в связи с заключением данного

договора, является предприятие как имущественный комплекс, включающий среди прочего права требования и долги (ст. 132 ГК). По договору факторинга может производиться передача поставщиком своего права требования к покупателю товара на получение от последнего оплаты данного товара (ст. 772 ГК).

Правоотношения в соответствии с их отраслевым характером включают в качестве объектов особые, свойственные только им блага. Так, ст. 21 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье регулирует отношения супругов по поводу их фамилий. Объектом трудового правоотношения является работа по определенной профессии, специальности, на определенной должности [6, с. 46].

Вместе с тем существуют блага, являющиеся объектами ряда правоотношений различной отраслевой принадлежности. К числу таких благ относятся прежде всего деньги. Они выступают в качестве объекта самых различных по своему характеру правоотношений: гражданских (по передаче имущества, выполнению работ, оказанию услуг, возмещению причиненного вреда и т. д.), административных (например, в соответствии со ст. 6.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях штраф как один из видов административных взысканий является денежным взысканием, размер которого определяется исходя из базовой величины либо в кратном или процентном отношении к стоимости предмета совершенного административного правонарушения, сумме ущерба, сделки, либо к доходу, полученному в результате сделки, либо в эквиваленте к иностранной валюте), трудовых (заработная плата в соответствии со ст. 57 Трудового кодекса Республики Беларусь представляет собой совокупность вознаграждений, исчисляемых в денежных единицах или (и) натуральной форме, которые наниматель обязан выплатить работнику), финансовых, семейных и т. д.

Такое широкое использование денег как всеобщего эквивалента в качестве объекта правоотношений обусловлено их функциями. У современных денег усматривают социальную, экологическую (контроль за использованием невозобновляемых природных ресурсов) и даже военную и миротворческую (возможность отключения отдельной страны от мировой денежной системы как фактор сдерживания) функции [7, с. 10].

Правовой режим денег как объекта и гражданских (частных), и публичных правоотношений, функции денег в правоотношениях предопределяются их экономической природой, той ролью, которую деньги играют в экономических отношениях. В экономической литературе наиболее часто отмечаются следующие функции денег: 1) мера ценно-

сти; 2) средство сохранения ценности; 3) средство обращения; 4) средство платежа; 5) мировые деньги [8, с. 34; 9, с. 104].

Функции денег как объекта правоотношений, таким образом, базируются на их экономической природе. Вместе с тем, представляя собой отражение экономического базиса, деньги в правоотношениях обладают своими особыми качествами и выполняют особые, не сводимые к экономическим функции.

Функции, выполняемые деньгами в правоотношениях, более многочисленны и составляют определенную систему, в которой можно выделить внешние, реализуемые вне пределов денежной системы (оценка стоимости имущества, работ и услуг, определение величины дохода, размера понесенных убытков и причиненного вреда; установление абстрактной ценности; выражение цены реализуемых товаров, выполняемых работ и оказываемых услуг; определение размера требований (обязательств); средство возникновения обязательств (кредитное средство); средство исполнения обязательств; средство накопления (формирования денежной ценности)), и внутренние, реализуемые в пределах денежной системы (перемена формы (переход из наличной формы в безналичную и наоборот); определение курса валют; обмен одной валюты на другую валюту) правовые функции.

Функция денег как средства оценки стоимости работ реализуется при установлении таких предусмотренных ст. 56 ТК государственных гарантий по оплате труда работников, как величина минимальной заработной платы; величина размера тарифной ставки первого разряда Единой тарифной сетки работников Республики Беларусь для работников бюджетной сферы; республиканские тарифы оплаты труда – часовые и (или) месячные тарифные ставки (оклады), определяющие условия оплаты труда для конкретных профессионально-квалификационных групп работников организаций, финансируемых из бюджета и пользующихся государственными дотациями; размеры увеличения оплаты труда за работу в условиях, отличающихся от нормативных.

Основываясь на функции денег как средства исполнения обязательств, Н.Ю. Ерпылева отмечает, что «абстрактность, т. е. отрыв от своего основания, и автономность расчетных отношений позволяют им надлежаще выполнить свою функцию реализации, исполнения денежного обязательства безотносительно к его частно-правовому или публично-правовому характеру. С точки зрения расчетных отношений расчетная операция по уплате эквивалента за приобретенный по договору купли-продажи товар (гражданско-правовое отношение) ничем не отличается от расчетной операции по уплате налогов в бюджет и внебюджетные фонды (публично-правовое налоговое отношение), по уп-

лате регистрационного сбора за лицензирование хозяйствующего субъекта в качестве профессионального участника рынка ценных бумаг (публично-правовое финансовое отношение), по уплате штрафа за нарушение правил дорожного движения (публично-правовое административное отношение). Общим во всех вышеобозначенных случаях выступает необходимость погашения денежного долга, возникшего в силу различных частноправовых и публично-правовых оснований» [10].

Использование денег в качестве объекта правоотношений различных отраслей права требует определения их правового режима в каждом из правоотношений. Однако законодательные акты Республики Беларусь, и прежде всего кодексы, за исключением ГК, не определяют правовой режим денег как объекта регулируемых ими отношений. В литературе, посвященной правоотношениям соответствующих отраслей права, часто содержится рекомендация использовать для определения правового режима денег подходы, имеющиеся в теории гражданского права [11; 12; 13].

В этой связи замечание В.А. Лапача о том, что «категория объектов гражданских прав исключительно важна не только для права гражданского самого по себе; она является в известной мере универсальной, сквозной, пронизывающей и иные правовые отрасли, нормы которых так или иначе регулируют имущественные отношения либо охраняют имущественные (в установленных случаях) и неимущественные права и интересы», и что правовой режим объекта «имеет вполне определенную (и весьма значительную) ценность даже в некотором отрыве от своей цивилистической основы и за пределами действия частного права как такового» [14, с. 18], распространяется в полной мере на такой объект гражданских правоотношений, как деньги.

Вместе с тем ГК, иные акты гражданского законодательства, а также гражданско-правовая доктрина не дают однозначных ответов на все вопросы относительно правового режима указанного объекта гражданских прав. Законодатель и правоприменитель сталкиваются с необходимостью определения правового режима безналичных денег при решении вопросов применения к ним норм ГК о vindicации, возможности использования в качестве предмета некоторых договоров (имущественного найма, доверительного управления и т. д.).

Статья 128 ГК называет в числе объектов гражданских прав вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права. Таким образом, деньги наряду с ценными бумагами определены законодателем в качестве особого рода вещей (предметов материального мира, находящихся в определенном физическом состоянии).

Однако в доктрине гражданского права делаются иные, противоречащие закону выводы, в частности о том, что под деньгами (денежными средствами) в одних случаях подразумеваются вещи, когда речь идет о расчетах наличными деньгами, в других – имущественные права, когда говорится о денежных средствах, находящихся на банковских счетах клиентов, и операциях с ними [15, с. 270].

О наличии в гражданском законодательстве проблемы определения правовой природы денег свидетельствует то обстоятельство, что в новых кодификациях гражданского права, возникших в бывших республиках СССР, вопрос о месте денег в системе объектов гражданских прав разрешается неоднозначно. Так, в Гражданском кодексе Республики Узбекистан (ст. 81) указывается, что «к объектам гражданских прав относятся вещи, в том числе деньги и ценные бумаги». ГК Туркменистана (п. 3 ст. 167) относит деньги к числу движимых вещей. Согласно ст. 135 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики «только физические объекты считаются вещью. Деньги и ценные бумаги также вещи». Гражданский кодекс Республики Армения вопрос о соотношении понятий «вещь» и «деньги» как объектов гражданских прав оставляет открытым: в ст. 132 «Виды объектов гражданских прав» указывается, что к объектам гражданских прав относятся имущество, включая деньги, ценные бумаги и имущественные права. В ст. 140 «Виды объектов гражданских прав» ГК Республики Таджикистан предусматривается, что объектами гражданских прав могут быть имущественные и личные неимущественные блага и права (п. 1). К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, ценные бумаги, работы, услуги, результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделия, имущественные права и другое имущество (п. 2). Таким образом, названная статья ГК Республики Таджикистан относит деньги наряду с вещами к числу имущественных благ.

В литературе можно встретить квалификацию денег в качестве вещей, квазивещей, имущественного права и даже публично-правового обязательства.

Большинство авторов, проводящих квалификацию денег в качестве вещей, отмечают их особые свойства. Так, А.Н. Романович считает, что «деньги как объекты гражданских прав рассматриваются как разновидность движимых вещей, занимающая в гражданском обороте особое место» [1, с. 388]. По мнению А.П. Сергеева, «деньги относятся к родовым, заменимым и делимым вещам. Но в отличие от обычных вещей такого рода отмеченные свойства денег определяются не есте-

ственными свойствами и количеством отдельных купюр, а выраженной в них денежной суммой» [16, с. 180]. Указанные особенности выводятся как из правового режима, так и из экономических функций денег. Указывается, что «главная особенность денег как объекта гражданских прав заключается в том, что они, будучи всеобщим эквивалентом, могут заменить собой в принципе почти любой другой объект имущественных отношений, носящих возмездный характер. ...Деньгами можно погасить практически любой имущественный долг, если только на это нет запрета в законе или если против этого не возражает кредитор» [16, с. 180].

Применение к деньгам признаков, применяемых по отношению к вещам, вызывает серьезные затруднения:

1. Критерий материальности для вещи является основным. Для денег форма выражения (купюра, монета или запись на счете) является второстепенной.

2. При делении вещей на потребляемые и непотребляемые используется критерий сохранения или утраты потребительских свойств вещи в результате ее однократного использования по назначению. Потребляемая вещь теряет свои потребительские качества в результате ее однократного использования. Она не может быть повторно использована по аналогичному назначению.

Некоторые авторы, основываясь на том, что потребительская стоимость денег реализуется при использовании их в качестве средства платежа и в связи с этим прекращается для плательщика, относят деньги к числу потребляемых вещей. Однако утрата возможности использования по назначению денег лицом, осуществляющим их платеж другому лицу, влечет появление указанной возможности у последнего. То есть использование по назначению денег одним лицом или неопределенным числом лиц не влияет на их способность удовлетворять аналогичные потребности других лиц.

3. Вещи подразделяются на делимые и неделимые в зависимости от условия сохранения их потребительских качеств в случае деления их материальной субстанции. Основанием делимости денег является выражение их потребительской ценности не в материальной, а в счетной, математической субстанции – количестве денежных единиц.

К.Т. Трофимов отмечает, что попытки описать современные деньги в категориях римского права приводят либо к отрицанию существования безналичных денег, либо к появлению теорий, не совсем соответствующих их экономической природе и основным категориям права. Самое принципиальное отличие денежных знаков от вещей, полагает он, заключается в том, что в силу объективной природы денег такие

знаки не могут использоваться в качестве предмета подавляющего большинства гражданско-правовых сделок (предметом сделок являются товары, а не деньги). Деньги нельзя купить, они не удовлетворяют естественные потребности человека [17, с. 37, 45–46].

Анализируя правовую природу безналичных денег, Л. Ефимова отмечает, что в законодательстве запись на банковском счете достаточно часто приравнивается к наличным деньгам. «Отсюда следует, – пишет она, – что все правоотношения по поводу безналичных денег или бездокументарных ценных бумаг должны, по общему правилу, подчиняться нормам, регулирующим правоотношения с наличными деньгами или „документарными“ ценными бумагами, за исключениями, специально установленными законом.

Очевидно, что при отсутствии соответствующего законодательства запись на расчетном и т. п. счете или на счете „депо“ сама по себе ничего не выражает, однако закон предписывает, чтобы все сделки с ними осуществлялись бы соответственно как с наличными деньгами или ценными бумагами. Правовой прием, который используется в этом случае, известен еще со времен римского права. Это – фикция. <...> Таким образом, бездокументарные ценные бумаги – фикция соответствующих „документарных“ ценных бумаг, безналичные деньги – это квазиналичные, фикция наличных денег» [18, с. 46–49].

Е.А. Суханов возможность отнесения безналичных денег (средств, числящихся на банковских счетах и в депозитах) к числу денег допускает только в экономическом смысле. «Однако, – отмечает он, – по своей юридической (гражданско-правовой) природе безналичные деньги являются не вещами, а правами требования... Их гражданско-правовой режим как объектов обязательственных, а не вещных прав исключает возможность их отождествления с вещами» [19, с. 349–350].

Ф.С. Карагусов рассматривает деньги как обязательство государства-эмитента. «...Хождение банкнот и монет, – пишет он, – в качестве средства обращения составляет определенную часть регулируемого законом процесса денежного обращения. Вместе с тем эти денежные знаки не являются тем товаром, который выступает в качестве денег. Денежные знаки представляют собой лишь материальную форму этого товара. Самим же товаром является здесь обязательство. ...Банкноты и монеты являются безусловными обязательствами Национального банка... Именно эти обязательства и являются тем товаром, который законом определяется деньгами, выраженными в денежных знаках» [20, с. 269]. Остановившись на правовой природе и содержании данного обязательства, Ф.С. Карагусов выделяет в нем публично-правовые и гражданско-правовые элементы. К числу первых он относит обязан-

ность государства «обеспечить функционирование экономики, в том числе денежного обращения, так, чтобы обеспечить экономическую независимость, безопасность и экономический рост государства» [20, с. 270]. С точки зрения гражданско-правовой, по его мнению, возникает «безусловное обязательство государства в лице Национального банка... в том, что, объявляя тенге (денежная единица Казахстана. – *А.В.*) единственным законным средством платежа и расчетов, выпустив денежные знаки в обращение и устанавливая обязательность их приема, государство принимает на себя обязанность обеспечить соблюдение всего вышеперечисленного. <...> Национальный банк обязуется заинтересовать либо понудить торговца (иного участника гражданско-правовых отношений) принять соответствующие денежные знаки в обмен на другие активы. В конечном счете (это крайний и маловероятный вариант) Национальный банк должен предоставить требующиеся данному лицу активы, если он не сможет заинтересовать или принудить контрагента этого лица принять соответствующие денежные знаки в обмен на безусловное обязательство самого Национального банка» [20, с. 270–271].

Ни один из приведенных выше подходов в настоящее время не позволяет разрешить все вопросы, возникающие в теории и правоприменительной практике в отношении денег. В результате большинство авторов, исследующих правовые проблемы рассматриваемого объекта гражданских прав, приходят к выводу о противоречии определенного действующим законодательством места денег в системе объектов гражданских прав их современной правовой природе. Вместе с тем предлагаемые выходы из изложенной ситуации различаются. Два основных направления в обсуждении данного вопроса – это сохранение существующего места денег в системе гражданских прав в качестве правовой фикции или определение их в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

По мнению К.И. Скловского, первый вариант обоснован историческим развитием денег, когда металлические деньги выступали как фикция золота, бумажные деньги – как фикция металлических, безналичные деньги – как фикция наличных денег. Данный вариант, с его точки зрения, имеет преимущество в том, что он сохраняет существующую систему права [21, с. 432]. Предложения о создании особого объекта гражданского права «деньги» К.И. Скловский считает неприемлемыми, так как «такой свежий подход, всегда сопровождающий любую сложную проблему, самоценность которой в какой-то момент может показаться... важнее целостности системы права, конечно, вызо-

вет множество новых трудностей, которые всегда сопровождаются ломкой системы и которые сначала трудно даже предвидеть» [21, с. 432].

И.А. Шкаринов выступил с обоснованием несоответствия существующей теории денег их природе и требованиям оборота и предложил свою концепцию денег. При этом он исходит из того, что развивавшаяся в рамках экономик социалистических стран теория денег, базировавшаяся на учении К. Маркса, признававшего деньги не более чем товаром особого рода, удовлетворяла требованиям даже социалистического оборота лишь до определенного момента. Среди немарксистских экономических учений не было достигнуто согласия по вопросу о природе и функциях денег. В результате отсутствия четкого научного представления о том, что такое деньги и какое место они занимают в экономической системе, он считает невозможным теоретическое обоснование денег как объекта гражданских правоотношений и ограничивается лишь построением эмпирической концепции денег [22, с. 117–118].

В рамках такой концепции И.А. Шкаринов предлагает изменить существующую оценку наличных и безналичных денег как, соответственно, вещей и прав требования. Такое разделение, по его мнению, не имеет экономического или правового основания, не оправдывается соображениями удобства и не является фикцией в смысле приема юридической техники. Конструкция специальных норм и сфера их применения фактически выделяет наличные и безналичные деньги в отдельную категорию имущества, в отдельный объект гражданского права – деньги. «По сути, – пишет И.А. Шкаринов, – единственное препятствие к этому (кроме не вполне верной нормы общей части ГК РФ) – сформированный наукой подход. Но в этом подходе содержатся все предпосылки для преодоления познавательного барьера. Так, утверждение Л.А. Лунца о безразличии материала, из которого сделаны деньги, для определения их природы можно развить до предположения, что деньгами могут быть не только вещи, но и права требования. Достаточно сделать один маленький шаг и признать, что в силу закона безналичные деньги также могут являться деньгами наравне с наличными. Ведь если вещная субстанция – материал, несущественный для денег, то его отсутствие несущественно в равной степени. Сколь ни одиозно данное предположение, оно имеет право на жизнь, стоит лишь вспомнить споры о признании деньгами бумажных денег в эпоху денег металлических; в наши же дни этот факт сомнений не вызывает. А если деньгами – законным платежным средством – мы признаем и наличные, и безналичные деньги, то в чем же причина их деления на вещи и права требования?» [22, с. 118].

Представляется, что развитие общественных отношений, а равно развитие законодательства и правоприменительной практики дают все больше предпосылок для выделения денег в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Однако довод о необходимости признания наличных и безналичных денег в качестве единого объекта правоотношений будет убедительным при условии определения их правовой природы в целом и сделанного на этом основании вывода о несводимости денег к какому-либо иному объекту гражданских правоотношений.

Р.А. Ражков на основе анализа содержания ГК Российской Федерации отмечает, что законодатель не дает определения денег, а лишь перечисляет виды имущества, за которым законодательно закреплены функции денег. При этом, как метр не является длиной, а является только мерой длины, точно так же и рубль не является деньгами, а является мерой стоимости («денежной единицей») [23, с. 4]. Данный вывод он основывает на высказываниях Ф.К. Савиной (о том, что деньги являются мериллом абсолютным, т. е. приложимым к сравнению ценностей самых разнородных предметов [24, с. 278]) и К.П. Победоносцева (о том, что посредством денег всякое имущество рассматривается как определенная ценность, и это тем более удобно, что единица оценки уравнивательная, не зависит от личных отношений и потребностей и имеет одинаковое значение для всех и каждого при всех обязательствах [25, с. 17]).

Деньги проходили эволюцию от натуральных денег (имели двойную ценность: ценность использования натуральных свойств вещей и использования в качестве денег) к деньгам из драгоценных металлов (та же двойная ценность), от последних – к кредитным деньгам, представляющим собой обязательства их обмена на определенную величину драгоценного металла (ценность обязательства предоставления определенного количества драгоценных металлов и ценность денег), далее следуют деньги, не подлежащие обмену на драгоценные металлы (остается только ценность денег).

Теория права не смогла однозначно объяснить последнее изменение. В отличие от бездокументарных ценных бумаг, которые утратили свою вещественную оболочку, но сохранили содержание в виде обязательства, деньги утратили свое прежнее содержание в виде обязательства и не приобрели нового. Безналичные деньги утратили и вещественную оболочку. Сохранились лишь функции, выполняемые ими в экономике и в правоотношениях.

Общий признак современных денег – это фиксация определенного количества денежных единиц, осуществляемая на бумаге, металле, в виде записей или в электронной форме. Фактически деньги в их пра-

вовом значении – это информация. И в этом отношении правовая природа денег совпадает с экономической. Так, П.С. Лемещенко отмечает, что информация в настоящее время эквивалентна деньгам, а деньги – синтетической информации. И это вовсе неспроста, поскольку собственно «банки» как хранилища универсального общественного богатства срослись с «банками данных». Возможным такое сращивание оказалось благодаря новой информационной функции денег, которую они стали выполнять, переходя от бумажных и записи на счетах в банках к электронному виду [26, с. 17].

Пункт 1 ст. 141 ГК, именуемой «Деньги (валюта)», содержит указание о том, что белорусский рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Беларусь. Фактически в данной норме определяется лишь денежная единица Республики Беларусь (название денежной системы), однако она не раскрывает правового режима денег как объекта правоотношений.

В связи с изложенным представляется, что сформированы предпосылки для определения в законодательстве денег как единого объекта гражданских прав независимо от формы выражения (наличной или безналичной), представляющего собой закрепленную в знаковой (на бумажном, металлическом носителе), электронной или иной форме информацию о количестве денежных единиц, используемую в качестве средства возникновения обязательств (кредитного средства), средства исполнения обязательств, средства накопления (формирования денежной ценности).

Библиографические ссылки

1. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. В.Ф. Чигира. Ч. 1. Минск, 2000.
2. Гражданское право : в 2 т. / под ред. М. Агаркова и Д. Генкина. Т. 1. М., 1944.
3. Советское гражданское право / под ред. В.Т. Смирнова, Ю.К. Толстого, А.К. Юрченко. Т. 1. Л., 1982.
4. Гражданское право : учеб. для вузов : в 2 ч. / под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгалю, В.А. Плетнева. Ч. 1. М., 1998.
5. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
6. Трудовое право : учебник / В.И. Семенов [и др.] ; под общ. ред. В.И. Семенова. Минск, 1997.
7. Генкин, А.С. Планета Web-денег / А.С. Генкин. М., 2003.

8. Портной, М.А. Деньги: их виды и функции / М.А. Портной. М., 1998.
9. Пашкус, Ю.В. Деньги: прошлое и современность / Ю.В. Пашкус. Л., 1990.
10. Ерпылева, Н.Ю. Правовое регулирование расчетных отношений (теоретические аспекты) / Н.Ю. Ерпылева // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2007.
11. Шмонин, А.В. Наложение ареста на денежные средства и иные ценности: тактико-процессуальные проблемы и пути их разрешения / А.В. Шмонин // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2007.
12. Карасева, М.В. Законное платежное средство: финансово-правовое регулирование / М.В. Карасева // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2007.
13. Михеева, Л.Ю. Взыскание алиментов на несовершеннолетних детей / Л.Ю. Михеева // КонсультантПлюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». М., 2007.
14. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В.А. Лапач. СПб., 2002.
15. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садилов. М., 1997.
16. Гражданское право : учебник : в 3 ч. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Ч. 1. СПб., 1996.
17. Трофимов, К.Т. Деньги как объект гражданских прав и предмет банковских сделок / К.Т. Трофимов // Правоведение. 2004. № 1.
18. Ефимова, Л. Правовые проблемы безналичных денег / Л. Ефимова // Хозяйство и право. 1997. № 2.
19. Маттеи, У. Основные положения права собственности / У. Маттеи, Е.А. Суханов. М., 1999.
20. Карагусов, Ф.С. Ценные бумаги и деньги в системе объектов гражданских прав / Ф.С. Карагусов. Алматы, 2002.
21. Скловский, К.И. Собственность в гражданском праве : учеб.-практ. пособие / К.И. Скловский. 2-е изд. М., 2000.
22. Шкаринов, И.А. Теория денег: проблемы, которые ждут решения / И.А. Шкаринов // Журн. рос. права. 1997. № 4.
23. Ражков, Р.А. Наличные деньги и иностранная валюта как объект гражданского права / Р.А. Ражков // Юрист. 2006. № 4.
24. Савиньи, Ф.К. Обязательственное право / Ф.К. Савиньи ; пер. с нем. В. Фукса и Н. Мандро. М., 1876.
25. Победоносцев, К.П. Курс гражданского права / К.П. Победоносцев. Ч. 3. М., 2003. (Классика рос. цивилистики).
26. Лемещенко, П.С. Институциональный аспект функционирования денежно-кредитной системы Беларуси / П.С. Лемещенко // Вестн. Ассоц. бел. банков. 1999. № 16.

© **Каравай А.В., 2008**

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И ПРАВООТНОШЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ

Появляющиеся в последнее десятилетие на постсоветском пространстве новые научные направления в области юриспруденции имеют целью вскрыть те пласты знания о государственно-правовых явлениях, которые по тем или иным причинам ранее не исследовались или исследовались недостаточно. Юридическая конфликтология принадлежит именно к такому направлению, ее теоретическая и практическая значимость заключается в выявлении закономерностей возникновения, развития и завершения юридических конфликтов, а также разработке на основе данных выявленных закономерностей средств эффективного восстановления нарушенного порядка осуществления правовых отношений. Новое междисциплинарное научное направление, возникшее на стыке общей теории права, социологии права, психологии и общей конфликтологии, позволяет при разрешении юридических конфликтов взаимодействий между субъектами права познавать внутренние, глубинные, сущностные причины конфликтного правомерного или противоправного взаимодействия субъектов посредством рассмотрения каждого такого случая сквозь призму комплексной научной категории «юридический конфликт». С теоретической точки зрения это дает возможность существенно обогатить понятийно-категориальный аппарат, научную методологию как общетеоретических, так и отраслевых юридических дисциплин. С практической точки зрения правоприменитель получает информацию, существенно влияющую на адекватность принимаемого им решения по делу. В целом же все это направлено на достижение единой цели – повышения эффективности правового регулирования общественных отношений посредством не только формально-правового, но и действительного (последнее с предыдущим совпадает далеко не всегда) разрешения, снятия противоречий в индивидуальных конфликтных жизненных ситуациях.

Перед тем как непосредственно приступить к сравнительному анализу юридического конфликта и правового отношения, следует дать определение юридического конфликта и в нескольких словах охарактеризовать его сущность. *Юридический конфликт* – это основанное на противоречии правовых (юридически значимых) интересов взаимодействие субъектов права, актуализирующееся в рамках правовых отношений по установлению, изменению, прекращению и защите субъ-

ективных юридических прав, обязанностей и законных интересов с использованием правовых средств для достижения поставленных целей. Такое определение хотя и не является бесспорным, однако вмещает в себя суть юридического конфликта и указывает на смысл, которым обусловлена разработка и внедрение в юридическую науку данной междисциплинарной научной категории.

Юридический конфликт сам по себе не является синонимом ни правового отношения, ни правонарушения, хотя при определенных условиях может выступать как в форме первого, так и в форме второго. Ценность выделения категории «юридический конфликт», если подвергнуть анализу вышеприведенное определение его понятия, заключена в первой половине дефиниции – это, прежде всего, *основанное на противоречии правовых (юридически значимых) интересов противоборство субъектов права*. Эта первая часть определения может быть названа собственно «конфликтологической», поскольку именно в ней содержится указание на наличие конфликта – *противоборство субъектов права* и на его основание – *противоречие правовых (юридически значимых) интересов*. То взаимодействие субъектов права, которое с конфликтологической и социологической точек зрения описывается как *социальный (межличностный) конфликт*, с точностью отражается в приведенной части определения конфликта юридического.

Следует сказать, что ни одна отраслевая юридическая наука, за исключением разве что разрабатываемых частных тактико-криминалистических приемов и способов преодоления противодействия подозреваемого, обвиняемого при расследовании уголовных дел в рамках уголовного процесса, вопрос о конфликте в предлагаемом контексте не ставит. Не ставит, и напрасно, поскольку сам процесс правового регулирования общественных отношений требует от правоприменителя¹ *реального разрешения* юридического конфликта (в случае его возникновения) посредством *формально-правового способа* воздействия на него, выражающегося, по сути, в признании (непризнании) лица виновным в совершении того или иного правонарушения или в признании (непризнании) действий той или иной стороны в определенном правоотношении правомочными. Разумеется, речь идет именно о конфликтах, т. е. таких межсубъектных взаимодействиях, которые вклю-

---

¹ В данном случае речь идет о разрешении юридических конфликтов правоприменительным органом, хотя только правоприменительным разрешением юридических конфликтов эта деятельность не ограничивается.

чают в себя все признаки социального конфликта, и именно в связи с этим для нас важны средства и приемы, которые выработаны конфликтологической наукой для снятия подобных противоборств, но практически не используются в процессе правового регулирования общественных отношений.

Анализ правоотношения или правонарушения как юридического конфликта (при наличии в них признаков такового) полезен именно с той точки зрения, что он, во-первых, показывает нам суть и истоки возникшего конфликтного юридического взаимодействия – теперь уже противоборства субъектов конкретного правоотношения, во-вторых, позволяет установить реальные правовые (юридически значимые) интересы сторон и истинную причину их противоречия (а не только те права и законные интересы, посредством которых стороны и добиваются в юридическом конфликте своего) и, в-третьих, помогает определить наилучший вариант правоприменительного разрешения данной жизненной ситуации. Конечно, сам процесс разрешения юридического конфликта осуществляется (либо содержит предпосылки осуществления¹) только в форме правовых отношений, и, в сущности, во второй части нашего определения юридического конфликта как противоборства, *актуализирующегося в рамках правовых отношений по установлению, изменению, прекращению и защите субъективных юридических прав, обязанностей и законных интересов с использованием правовых средств для достижения поставленных целей*, мы попытались, насколько это возможно, в дефинитивной форме отразить эту особенность. Но с методологической точки зрения здесь особенно важно то, что форма разрешения юридического конфликта – «в правоотношении» – нами не отождествляется с самим юридическим конфликтом как реальным противоборством сторон. Можно даже сказать, что фактическое, реальное отношение между субъектами, выражающееся, в конце концов, в столкновении их юридически значимых интересов, здесь рассматривается как самостоятельное и первичное явление, которое и обуславливает вторичное – юридический, формально-правовой способ разрешения конфликта в правовом отношении. И снова необходимо упомянуть о том, что все это имеет целью *не превращать функционирование юридического механизма разрешения конфликта в самодостаточную цель, но полагать конечный результат все-таки в*

---

¹ Имеется в виду использование альтернативных процедур разрешения юридических конфликтов самими конфликтующими сторонами или третьими лицами в отношении их (переговоры, посредничество, арбитраж и т. д.).

реальном снятии конфликтной жизненной ситуации и оценке эффективности юридических механизмов в достижении этой цели.

Развитие юридической конфликтологии в первой половине 90-х гг. XX в. на уровне ее догматического становления сразу же выявило одну из значимых теоретических проблем нового научного направления – проблему соотношения конфликтологических категорий, и прежде всего категории «юридический конфликт», с традиционным понятийно-категориальным аппаратом юридической науки. Упомянутый нами выше вопрос о взаимодействии юридического конфликта и правового отношения при анализе дефиниции первого, с одной стороны, показывает необходимость серьезного разрешения подобных теоретических вопросов, с другой – подтверждает право юридической конфликтологии на собственный понятийно-категориальный фундамент.

Достаточно хорошо разработанный советской юридической научной школой категориальный аппарат на уровне самостоятельных теорий (теории правонарушения, теории правомерного поведения, теории правоотношения) поставил задачу определения места теории юридического конфликта среди этих теорий, можно сказать, уже ставших классическими. И эта задача объективно потребовала и в некотором смысле требует своего однозначного решения до сих пор, поскольку дальнейшее развитие юридико-конфликтологических исследований без решения этого теоретико-методологического вопроса, а этот вопрос, безусловно, имеет характер принципиально методологический, представляется затруднительным.

Существует несколько основных направлений, в рамках которых вопрос о соотношении традиционных теорий и формирующейся теории юридического конфликта с общеметодологической точки зрения решается по-разному. Первое направление представлено учеными-социологами, представителями общей конфликтологии, психологии, которые рассматривают юридический конфликт как однопорядковое экономическому, политическому, культурному и иным видам конфликтов социальное явление, отличающееся лишь специфической сферой его проявления. Поскольку ученые этой группы не являются профессиональными правоведами, догматические юридические вопросы как таковые ими не ставятся, а юридический конфликт как объект исследования включается в общую теорию конфликта и исследуется посредством неюридических методологических концептов [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Второе направление представлено теми авторами, которые разрабатывают вопросы теории юридического конфликта исключительно в рамках традиционных теорий правового отношения и правонаруше-

ния, не придавая теории юридического конфликта самостоятельного статуса. Как правило, данные исследователи просто именуют всякое разрешаемое в правоприменительном производстве правовое отношение или правонарушение соответствующим конфликтом (преступление – уголовно-правовой конфликт, административное правонарушение – административно-правовой конфликт, неисполнение гражданско-правовых обязательств – гражданско-правовой конфликт и т. д.) [7; 8; 9; 10; 11; 12]. Пытаясь углубиться в механизм разрешения подобного рода «конфликтов» посредством простого наименования этих юридических фактов конфликтами, ученые отраслевых дисциплин встречают естественную и закономерную методологическую преграду, выражающуюся в отсутствии самостоятельной юридико-конфликтологической теории и оставляющую их нелогичные попытки назвать всякое правонарушение или проблемное правоотношение конфликтом на соответствующем уровне. Если быть последовательным в развитии такого методологического пути, то переименование правонарушения или нереализовавшегося правоотношения в юридический конфликт просто не имеет смысла и, по существу, ничего не дает. К этой группе следует также отнести ученых, которые, несмотря на попытку выявления самостоятельного места юридического конфликта, все же остались в рамках классических теорий правонарушения и правоотношения [13; 14; 15].

Третья группа ученых предпринимает попытку определения действительного места юридического конфликта среди устоявшихся юридических категорий исходя прежде всего из методологической, теоретической и практической значимости юридической конфликтологии как самостоятельного направления исследования, о чем мы уже упоминали в начале статьи. В частности, одни из первых серьезных работ подобного рода представлены В.Н. Кудрявцевым [16], В.С. Жеребиным [17], Т.В. Худойкиной [18], И.Л. Чулюкиным [19]. Не всегда четко и ясно осуществляя в своих исследованиях соизмерение юридического конфликта с иными правовыми категориями, тем не менее, авторы смотрят на проблемы выделения юридической конфликтологии прямо и непосредственно, с различных точек зрения предпринимая попытки определения подлинного категориального статуса юридического конфликта как предпосылки ее самостоятельного научного значения. Полагаем, что если серьезно вести речь о развитии юридической конфликтологии в дальнейшем, то именно этот методологический путь является наиболее верным.

Основная проблема методологического характера в вопросе соотношения категории «юридический конфликт» с устоявшимися юридическими конструкциями является проблемой «конфликт – правоотношение». Под правовым отношением в юридической литературе понимается возникающая на основе правовых норм и вследствие наступления определенных юридических фактов связь субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями [20, с. 440; 21, с. 330; 22, с. 366]. Различные взгляды исследователей на структуру правоотношения, определение его содержания и формы, тем не менее, не исключают самого главного и принципиального положения соответствующей теории, в котором сходятся практически все ученые: правовое отношение является основной формой реализации права, которая заключается в оформлении фактического, житейского, бытового отношения правовой нормой; оно характеризуется наличием у его сторон взаимных субъективных прав и обязанностей, которые и возникают из прав и обязанностей объективного, статутного права; поведение субъектов правового отношения имеет сознательный, волевой характер, а следовательно, такой же характер приобретает и само правовое отношение.

Исходя из указанных выше определяющих признаков правоотношения осуществим его сравнение с юридическим конфликтом.

1. С позиции методологических различий сразу следует сказать, что правовое отношение представляет собой исключительно мононаучную категорию, используемую учеными в качестве общетеоретической конструкции в рамках общей теории права. Данная конструкция за рамки субъективного и объективного права не выходит, она воздействует и позволяет оценивать правовую действительность своего рода «сверху», т. е. сквозь призму субъективных юридических прав и обязанностей. Во всяком правовом отношении главным и своего рода самодостаточным является установление субъективных юридических прав и обязанностей и их должное осуществление в правовой связи субъектов. Юридический конфликт же, хотя и может иметь место в форме правоотношения, мононаучной категорией не является и представляет собой междисциплинарную конструкцию. Юридический конфликт позволяет оценивать процесс правового регулирования не только «сверху», но и «снизу», т. е. как с точки зрения нарушенных или приостановленных его возникновением субъективных юридических прав и обязанностей субъектов, так и с позиции реальных бытовых, житейских, но в конечном счете юридически значимых интересов сторон конфликта, которые находятся в состоянии противоречия. Дан-

ная возможность позволяет расширить познавательные пределы оценки правового регулирования общественных отношений и интегрировать в этот процесс, равно как и в процесс непосредственного правового воздействия на общественные отношения, социологические, психологические, конфликтологические методы. В сущности, это самое общее и главное методологическое различие между сравниваемыми категориями и оно обуславливает все остальные.

2. Всякое правоотношение всегда возникает только на основании правовых норм. Правовое отношение призвано реализовать норму права, в этом заключается его смысл. Юридический конфликт же как явление не всегда возникает на основе правовых норм и, как правило, не реализует нормы права (хотя в некоторых случаях способствует их реализации), а нарушает их. Разумеется, конфликты-правоотношения, которые представляют собой случаи непосредственного спора, когда субъекты конфликта, не нарушая правовых норм, не могут прийти к согласию по поводу определенных прав и обязанностей, ввиду чего полное, нормальное развитие регулятивного правоотношения невозможно (юридические конфликты по поводу раздела имущества между супругами, определения доли в наследстве, разногласий по договору и т. д.), возникают на основе правовых норм. Но конфликты-правонарушения, в которых одна из сторон своим поведением нарушает право, а именно нормальное, упорядоченное существование и развитие конкретных правовых отношений (социальный конфликт перерастает в правонарушение – оскорбление, причинение телесных повреждений, совершение хулиганских действий и т. д.), имеют в своей основе два иных основания: материальное (вредное для общества деяние) и формальное (противоречащее норме права). Хотя, если говорить строго, формальное основание возникновения юридического конфликта является уже не чем иным, как правовой формой его разрешения, – как охранительное материально-правовое отношение, оно влечет за собой возникновение и развитие охранительных процессуально-правовых отношений, завершающееся реализацией нормы материального права и, следовательно, осуществлением субъективных юридических прав и обязанностей сторон.

3. Правоотношение всегда выступает сознательным волевым актом его субъектов. Юридический конфликт же может иметь место и в тех случаях, когда сторона конфликта не обладает правосубъектностью. Например, если в ходе разрешения конфликта-преступления устанавливается, что в момент совершения общественно опасного деяния лицо находилось в состоянии невменяемости, в отношении его прекра-

щается уголовное преследование на основании п. 2 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Юридический конфликт в данном случае (между подозреваемым (обвиняемым) и органом уголовного преследования, потерпевшей стороной), безусловно, мог иметь место и в этом случае завершился бы в соответствии с нормами уголовно-процессуального права. Как верно отмечают В.Н. Кудрявцев и В.П. Казимирчук, отсутствие сознательного волевого поступка лица отнюдь не исключает юридической значимости и определенных юридических последствий от его внеправового физического поведения [23, с. 165].

Отмеченные выше различия указывают на главную особенность в вопросе соотношения правоотношения и конфликта – правовое отношение представляет собой конструкцию преимущественно догматического значения, юридический конфликт же помимо догматического заключает в себе и немалый практический элемент. Конечно, и правовое отношение с позиции авторов, которые включают в его структуру фактическое (реальное) поведение сторон отношения [20, с. 442, 445–447], также содержит этот практический компонент как определение соответствия фактического содержания правоотношения его юридической форме. Но все-таки в правовом отношении ядром является юридическая форма – субъективные юридические права и обязанности, которые и являются критерием измерения правомерности социальной действительности, и главное здесь – их должное осуществление. В юридическом конфликте же само социальное столкновение субъектов, противоречие между их юридически значимыми интересами является ядром и конфликтообразующим фактором, а субъективные юридические права и обязанности сторон конфликта оцениваются как правовое средство разрешения конфликта.

Надо сказать, что в развитии юридической конфликтологии этот момент является и положительным и отрицательным одновременно. Положительным он является потому, что анализ противоречия между субъектами «снизу», т. е. на фактическом бытийном уровне, своего рода связывает теорию с практикой, причем делает такую связь необходимой, не дает конфликтологической теории остаться только на уровне отвлеченных рассуждений, что в некоторой степени имеет место в теории правоотношения. Отрицательный же момент заключается в том, что существует объективная необходимость связывать различные познавательные инструменты, методологические каркасы различных теорий (теории правоотношения, теории правонарушения, теории социального конфликта и т. д.) в ситуации их абсолютной научной

дифференциации. Но как бы ни было сложно осуществлять процесс взаимопроникновения различных теорий, в контексте юридической конфликтологии он является необходимым условием достижения первичной цели правового регулирования – максимально эффективного осуществления отношений в обществе посредством правовой регламентации. Без учета данного положения вести речь о самостоятельности теории юридического конфликта не имеет смысла.

Кстати сказать, похожую идею выразила еще Р.О. Халфина в своей известной монографии, когда вела речь о необходимости рассмотрения теории правового отношения в контексте эффективности правового регулирования: «Включение анализа правоотношений в общий комплекс исследований эффективности правового регулирования ставит ряд новых задач и перед теорией правоотношения, раскрывает новые аспекты ее взаимосвязи с практикой, что, в свою очередь, не может не отразиться и на развитии самой теории. Такие проблемы, как значение воли и интереса в осуществлении прав, формы взаимосвязи прав и обязанностей, эффективность санкций и др., должны получить более глубокое освещение, помогая раскрыть новые формы воздействия на поведение и его мотивацию» [24, с. 49–50]. Очень показательно обращение внимания Р.О. Халфиной на волю и интерес сторон в осуществлении прав и обязанностей в правоотношении, а также на необходимость познания новых форм воздействия на поведение и мотивацию. Но теория правоотношения в том виде, в котором она сформировалась в советской и уже современной нам, постсоветской юридической науке, фактически ни с волей сторон, ни с интересом, ни с их мотивацией дела не имеет – это понятия, которые выходят за ее пределы. Тем не менее именно ориентация теории правового отношения на вопросы эффективности правового регулирования закономерно обуславливает междисциплинарные исследования, которые в своей части и представлены юридической конфликтологией.

Дореволюционные правоведы, следует сказать, также ясно признавали необходимость методологической связи теории правовых отношений с конкретными социальными исследованиями. В частности, Н.М. Коркунов постоянно указывал на юридические отношения лишь как на способ оформления фактических отношений между людьми: «...человеческая жизнь складывается из ряда самых разнообразных отношений к другим людям. Сами по себе эти отношения имеют чисто фактический характер, представляя собою фактическую зависимость и основанную на ней фактическую же возможность воздействовать друг на друга. Но насколько люди в своей деятельности руководствуются юридическими нормами, это приводит к превращению фактических

отношений в юридические, фактической зависимости – в юридическую обязанность, фактической возможности воздействия – в право, правомочие» [25, с. 178]. В юридическом конфликте как раз и отражается этот процесс превращения, трансформации фактического в юридическое, поэтому юридическая конфликтология посредством своего междисциплинарного подхода отличается от теории правоотношения включением в свое познавательное поле как конфликта социального, так и юридической формы его разрешения.

Полноценный сравнительный анализ правового отношения и юридического конфликта невозможен без сопоставления структуры данных явлений. На примере структурных сопоставлений можно ясно увидеть разницу методологии исследования теории правового отношения и теории юридического конфликта.

В юридической литературе в структуру правоотношения обычно включаются субъекты правоотношения, субъективные юридические права и обязанности сторон правоотношения (форма правоотношения), объекты (объект) правоотношения, фактическое (реальное) поведение субъектов правоотношения (содержание правоотношения) [20, с. 442, 455–457; 26, с. 759–776]. Проблемы самой теории правоотношения относительно содержания, количества, видов указанных структурных элементов по понятным причинам здесь мы рассматривать не будем, а сразу обратимся к структуре юридического конфликта.

Юридический конфликт, как мы уже отмечали, всегда является актом взаимодействия субъектов, фактическим отношением между ними. Именно фактический, бытийный, конкретно социальный компонент является главным и первичным в определении юридического конфликта. Важен анализ существа самого конфликтного взаимодействия, а потом уже его правовой формы, хотя нередко первое – сам конфликт и второе – правовая форма его разрешения совпадают, содержатся одновременно в одном акте (насильственные преступления с внезапно возникшим умыслом на почве бытового конфликта), а то и само первое может одновременно являться вторым (конфликты между участниками судебного процесса). Но все-таки комплексность методологического подхода самой юридической конфликтологии одновременно *требует анализа структуры юридического конфликта и как отношения фактического, и как отношения юридически значимого (правового отношения и правонарушения).*

Структура юридического конфликта *как фактического отношения* между субъектами разработана в рамках общей теории конфликта и представляет собой совокупность субъективных и объективных признаков конфликтного взаимодействия. Ее образуют четыре элемента:

- 1) субъекты конфликта;
- 2) объект конфликта;
- 3) внутренняя, мотивационная сторона конфликта (можно именовать ее субъективной стороной конфликта, но не следует смешивать с субъективной стороной правонарушения);
- 4) внешняя сторона конфликта (также можно именовать ее объективной стороной, но это не то же, что объективная сторона правонарушения).

Вообще следует сразу отметить, что структура юридического конфликта не относится к разряду положений, подлежащих обязательно установлению в процессе осуществления юридических процедур, как это имеет место, например, с составом правонарушения, где определение того или иного общественно вредного (опасного) деяния как правонарушения осуществляется именно доказыванием наличия состава правонарушения. В юридическом конфликте обязательного установления и доказывания наличия всех элементов его структуры отнюдь не требуется, хотя таковое и может быть осуществлено. Но не в этом заключено назначение структуры юридического конфликта. Ближе по смыслу к структуре юридического конфликта находится структура правоотношения, но снова же значение познания последней с первой полностью не совпадает. Структура правоотношения, и главное его форма, предполагает необходимость выяснения соответствия фактического отношения субъективным юридическим правам и обязанностям сторон и другим элементам структуры, т. е. выполняет, если можно так выразиться, эталонную функцию. Структура юридического конфликта иногда также может выполнять функцию оценки соответствия фактического отношения его юридической модели, но главное значение определения структурных элементов юридического конфликта как фактического отношения в каждом конкретном случае заключается в уяснении правоприменителем либо иным субъектом, разрешающим конфликт, в том числе и самими конфликтующими сторонами, действительных причин, условий, оснований возникшего конфликта с последующим использованием данных знаний непосредственно в процессе его разрешения (в том числе правоприменительного).

С этой точки зрения все четыре элемента структуры юридического конфликта как фактического отношения представляют определенную ценность, но особое значение имеет выяснение внутренней (мотивационной) стороны юридического конфликта. Субъекты, объект и объективная сторона конфликта как структурные элементы в той или иной степени уже описаны в классических юридических теориях: в правонарушении это субъект правонарушения, объект правонарушения и

его объективная сторона, в правоотношении – это субъекты правоотношения, объекты (объект) правоотношения и фактическое (реальное) поведение сторон правоотношения (содержание правоотношения) соответственно. Но внутренняя сторона конфликта как интеллектуально-волевой, психологический процесс возникновения и развития мотивационных процессов субъектов конфликта на уровне противоречия их юридически значимых интересов вплоть до момента их фактической актуализации в собственно конфликтном акте юридической наукой исследуется недостаточно.

В теории правомерного поведения хотя и исследуется субъективная сторона соответствующего правовым нормам поступка, но, во-первых, цель установления мотивации правомерных деяний в юриспруденции не акцентирована и, видимо, акцентирована быть не может (т. е. она напрямую не связана с эффективностью правового регулирования, да и в этом смысле она никем из правоведов серьезно не обозначалась), во-вторых, речь все же идет о реализации права и, соответственно, как предполагается, о нормальном осуществлении фактических отношений, поэтому конфликты остаются вне познавательного поля теории правомерного поведения. В теории правоотношения такой вопрос вообще не ставится, в теории же правонарушения субъективная сторона формулирует вопрос «какая форма вины, каковы мотив и цель?», но вопрос «почему?» не ставится. А для разрешения всякого конфликтного взаимодействия, в том числе юридически значимого, данный вопрос – «почему, по каким причинам возник конфликт, какие интересы сторон оказались в состоянии противоречия?» – должен быть поставлен в первую очередь – без ответа на него избрать соответствующие средства разрешения конфликта и достичь эффективного снятия противоречий между конфликтующими сторонами практически невозможно. Разумеется, данное положение верно лишь при предлагаемой методологической установке относительно эффективности правового регулирования, ведь в ином случае можно ограничиться так называемой «чистой юридической эффективностью» и остаться на тех позициях, что правовая норма применяется с соблюдением формально-правовых предписаний и этого достаточно. Но каков эффект от такого применения? Это вопрос совсем иной.

Описание мотивационной стороны юридического конфликта и алгоритма ее познания здесь мы производить не будем – это тема для отдельной публикации. Укажем лишь исследуемые признаки внутренней стороны юридического конфликта как осуществляющегося процесса мотивации конфликтного поведения сторон. Ученые-психологи, конфликтологи, социологи в различных формах описывают признаки моти-

вационного процесса конфликтного акта, однако содержание данного процесса во всех случаях остается практически неизменным: 1) формирование мотива на основе потребности, интереса, установки; 2) определение цели; 3) непосредственные конфликтные действия (волевой акт) [4, с. 73–88; 6, с. 100–105; 27, с. 210–217].

Таким образом, структура юридического конфликта как фактического отношения включает в себя четыре элемента, среди которых за рамками классических юридических теорий остается внутренняя мотивационная сторона юридического конфликта. Рассмотрим теперь структуру юридического конфликта как юридически значимого отношения.

Структура юридического конфликта *как юридически значимого отношения*, а точнее, элементы данной структуры достаточно исследованы в традиционных юридических теориях – это структурные элементы правонарушения и структурные элементы правоотношения. Все эти элементы достаточно изучены правоведами, отдельно на них здесь мы останавливаться не будем. Однако юридическая конфликтология, и в этом снова проявляется ее междисциплинарная методологическая направленность, использует данные исключительно юридические по своему характеру элементы в своей комплексной теории. В частности, для разрешения юридического конфликта важен *вопрос взаимосвязи противоречащих юридически значимых интересов конфликтующих сторон (мотивационной стороны конфликта), с одной стороны, и субъективных юридических прав и обязанностей (реализующихся либо нарушающихся) – с другой*. Другими словами, здесь важно взаимоотношение «фактическое – юридическое», воздействие права на формирующиеся интересы и установки сторон и, наоборот, влияние мотивов в конфликте на должную реализацию нормы права. Ю.Г. Ткаченко правильно отмечает, что отношения, подвергаемые регулированию со стороны права, с функциональной позиции действительно можно называть правовыми, однако само такого рода регулирование не изменяет характера социальных отношений (экономических, политических, духовных) [28, с. 30, 101–102]. Юридические конфликты представляют собой «специфическое правовое инобытие общественного отношения» [29, с. 21], поэтому, разрешая юридический конфликт, нельзя ограничиваться только фактическим или только юридическим – необходимо их взаимодополнение, в том числе на уровне познания структурных элементов. Если же рассматривать структурную модель юридического конфликта только как фактического отношения либо только как отношения юридически значимого, т. е. изолированно друг от друга, цело-

стной картины не будет, что, соответственно, отразится на процессе разрешения конфликта.

Возвращаясь к вопросу о взаимосвязи формирующегося противоречия внутренних интересов сторон конфликта (их мотивации) с субъективными юридическими правами и обязанностями их носителей, следует сказать, что первое здесь является ведомым, а второе – ведущим: субъективные юридические права и обязанности направлены на опосредование процесса формирования внутренних субъективных интересов конфликтующих сторон. В сфере правового регулирования законодатель добивается, так сказать, совершенного регулирования, основанного не только на правомерном поведении сторон с внешней стороны, но и на соответствующем уровне их мотивации. С этой точки зрения очевидно, что процесс формирования юридически значимых интересов сторон юридического конфликта не ограничивается лишь опосредованием субъективными юридическими правами и обязанностями, а находится под более широким правовым воздействием. Это можно выразить в ряде аспектов.

Во-первых, право в целом как регулятивный механизм воздействует на мотивацию субъекта, что, безусловно, сказывается на содержании формирующегося правового интереса. Это воздействие отображается прежде всего на правовом сознании субъектов конфликта. Неслучайно известный русский философ и юрист И.А. Ильин в данной связи отмечал, что «право не только уполномочивает, но и связует. Разумея свои *права*, человек призван разуместь и свои *обязанности*, он должен разуместь и то, что ему *запрещено*, чего он *не смеет*» [30, с. 125]. От глубины отражения в сознании субъекта юридической действительности, знания права как регулятора общественных отношений и его особенностей соответственно будет зависеть содержание правового интереса в юридическом конфликте. С.С. Алексеев, в свою очередь, объясняет феномен духовного, идеологического воздействия права на сознание субъектов как дополнительный к правовому регулированию результат влияния всей системы правовых средств, который основан «на особенностях права как формы общественного сознания» [31, с. 9–24]. В.Н. Протасов же в развитие рассматриваемого положения высказывает соображение о существовании еще более широкого, чем правовое воздействие, явления, своего рода правового «излучения», охватывающего все социальные последствия существования в обществе права [32, с. 78–79].

Во-вторых, предполагается, что установленные законодателем в правовых нормах статутные юридические права и обязанности, а также так называемые охраняемые законом интересы оказывают воздей-

стве на формирование субъективно направленных интересов стороны в конфликте при совершении конфликтных действий в конкретном правоотношении. Объективно выраженный законодателем интерес («охраняемый законом интерес») в отличие от субъективного внутреннего интереса здесь следует понимать как «отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение» [33, с. 62]. А.В. Малько не зря отмечает, что охраняемые законом интересы «предполагают удовлетворение собственных интересов личности, выступая своеобразными юридическими средствами (инструментами) реализации данных интересов, способами их правового оформления» [33, с. 63].

И в-третьих, субъективные юридические права, обязанности и конкретные охраняемые законом интересы непосредственно определяют направления реализации субъективных интересов субъектов юридического конфликта уже в рамках конкретно-определенного правового отношения. Именно субъективные юридические права, обязанности и конкретные охраняемые законом интересы конфликтующих субъектов определяют правовые параметры возникновения, развития и завершения юридического конфликта как конкретного правового отношения. Истец, ответчик, потерпевший, подозреваемый, свидетель, эксперт, специалист, понятой и иные возможные субъекты юридического конфликта реализуют свои субъективные внутренние интересы посредством субъективных юридических прав, обязанностей и законных интересов в конкретном конфликтном правовом отношении. Так, согласно ч. 1 ст. 20 УПК Республики Беларусь «все лица, участвующие в уголовном процессе, равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту их прав и законных интересов». «Заинтересованное лицо вправе в установленном порядке обращаться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса», – гласит ч. 1 ст. 6 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. Но не следует забывать, что приобретение субъективных юридических прав и обязанностей, а также использование нормативно закрепленных охраняемых законом интересов не исключают их употребление субъектом конфликта для реализации своих противоправных интересов, равно как и не исключают реализацию данных противоправных интересов «в обход» нормативных моделей поведения. Для определения таких случаев, а в юридических конфликтах в первую очередь всегда необходимо сопоставление фактического и юридического, определение соответствия первого второму, в том числе посредством комплексного системно-структурного анализа.

В заключение следует отметить, что и традиционная юридическая теория, и юридическая конфликтология направлены на достижение единой цели – постоянного совершенствования процесса правового регулирования общественных отношений. В действительности это невозможно осуществить без точных ориентиров, критериев, которыми являются юридическая и в конечном счете фактическая эффективность правового регулирования. Взаимодополнение теории правового отношения и теории юридического конфликта, проникновение данных научных концептов в познавательное поле друг друга вполне способствуют и достижению названной цели, и одновременно дальнейшей разработке своих теоретических положений.

Библиографические ссылки

1. Анцупов, А.Я. Конфликтология : учеб. для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шпилов. М., 1999.
2. Бабосов, Е.М. Конфликтология / Е.М. Бабосов. Минск, 1997.
3. Герасименко, И.Я. Социометрия конфликта / И.Я. Герасименко, Р.М. Юсупов. СПб., 1994.
4. Дмитриев, А.В. Конфликтология : учеб. пособие / А.В. Дмитриев. М., 2002.
5. Запрудский, Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ) / Ю.Г. Запрудский ; отв. ред. В.А. Шпак. Ростов н/Д, 1992.
6. Здравомыслов, А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / А.Г. Здравомыслов. 2-е изд., доп. М., 1995.
7. Асаенок, Б.В. Преодоление противодействия расследованию преступлений: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Б.В. Асаенок ; Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2003.
8. Баев, О.Я. Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории) / О.Я. Баев. Воронеж, 1981.
9. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л.В. Головкин. СПб., 2002.
10. Крохина, Ю.А. Юридический конфликт в финансовой сфере: причины, сущность и процедуры преодоления / Ю.А. Крохина // Журн. рос. права. 2003. № 9.
11. Побережный, С.К. Криминалистические средства разрешения конфликтов и конфликтных ситуаций на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.К. Побережный ; Калинингр. юрид. ин-т МВД Рос. Федерации. Калининград, 2000.
12. Пряхина, Т.М. Конституционные конфликты / Т.М. Пряхина // Государство и право. 2004. № 11.

13. Афонин, М.В. Правовые аспекты разрешения конфликтов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.В. Афонин ; Казан. гос. ун-т. Казань, 2002.
14. Литвинцев, М.Г. Нормативно-правовые аспекты разрешения конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.Г. Литвинцев. М., 1996.
15. Тихомиров, Ю.А. Юридическая коллизия / Ю.А. Тихомиров. М., 1994.
16. Юридическая конфликтология : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Центр конфликтолог. исслед. ; О.В. Бойков [и др.] ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1995.
17. Жеребин, В.С. Проблемы правовой конфликтологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В.С. Жеребин ; Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2001.
18. Худойкина, Т.В. Юридический конфликт (теоретико-прикладное исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Худойкина ; Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2002.
19. Чулюкин, И.Л. Социальные конфликты и применение права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.Л. Чулюкин. Казань, 2001.
20. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учеб. пособие / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. Минск, 2002.
21. Лазарев, В.В. Теория государства и права : учеб. для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.
22. Проблемы общей теории права и государства : учеб. для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004.
23. Кудрявцев, В.Н. Современная социология права : учеб. для вузов / В.Н. Кудрявцев, В.П. Казимирчук. М., 1995.
24. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974.
25. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов ; предисл. И.Ю. Козлихина. 2-е изд. СПб., 2004.
26. Поляков, А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : курс лекций / А.В. Поляков. СПб., 2004.
27. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. СПб., 2000.
28. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношений / Ю.Г. Ткаченко. М., 1980.
29. Синюков, В.Н. Роль юридических фактов в процессе правореализации / В.Н. Синюков // Актуальные вопросы советского права (теория и практика). Казань, 1985.
30. Ильин, И.А. О монархии и республике / И.А. Ильин // Вопр. философии. 1991. № 4.
31. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 2. М., 1982.
32. Протасов, В.Н. Что и как регулирует право : учеб. пособие / В.Н. Протасов. М., 1995.
33. Малько, А.В. Субъективное право и законный интерес / А.В. Малько // Изв. вузов. Правоведение. 1998. № 4.

© Павлов В.И., 2008

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Категория правовых отношений является, как справедливо отмечает В.С. Афанасьев, одной «из центральных правовых категорий, многие аспекты которой до сих пор относятся к числу дискуссионных в юридической науке» [1, с. 122]. Важной при всестороннем рассмотрении данной категории является возможность проведения анализа общественных отношений, предшествующих норме права или непосредственно возникающих на ее основе.

Международное право представляет собой специфический объект исследования, его специфика обуславливается, в частности, тем, что в процессе создания норм и институтов принимают участие представители всех правовых семей нашей планеты. Таким образом, международное право часто выделяется из общей системы правовых дефиниций, предлагаемых общей теорией права, делая упор в первую очередь на осмыслении внутригосударственной модели функционирования права. Следует согласиться с мнением Н.А. Ушакова, утверждающего, что «к сожалению, отечественная теория права, как правило, опирается на анализ явлений, свойственных внутригосударственному (национальному) праву, а теория международного права касается главным образом явлений, свойственных межгосударственным или, шире, международным отношениям» [2, с. 2].

Попытаемся выделить основные особенности отношений внутри международного права. Для этого определим значение термина «международное право», проанализируем объект регулирования, субъектный состав, процесс создания норм, источники права, проблематику исполнения норм.

Если обратиться к научной литературе, то мы обнаружим, что под «международным правом» некоторые авторы понимают самостоятельную систему норм, опосредующую отношения между государствами и иными субъектами¹. Некоторые считают, что международное право – это симбиоз международного публичного и международного частного права². Высказываются даже «нигилистические» концепции. Так, на-

---

¹ С несущественными для нашего рассмотрения различиями в формулировках такую позицию можно обнаружить в работах советских ученых И.И. Лукашука, В.В. Лазарева, С.В. Черниченко, В.И. Кузнецова, Б.Р. Тузмухамедова и др.

² Данная позиция обнаруживается, в частности, в работах американских профессоров М. Джейниса, А.М. Слотер.

пример, американский профессор А. д'Амато рассматривает право лишь как форму аргументации при попытках добиться от кого-либо определенного поведения [3, с. 12–13]. Существуют и иные концепции [4, с. 196–201]. Указанный разброс мнений однозначно указывает на сложный характер проблемы.

Термин «международное право» впервые возник в правовой системе Древнего Рима. Точнее, в Риме использовался термин *jus gentium*¹. Данный термин обозначал совокупность норм, регулирующих главным образом отношения римлян с иностранцами и некоторые иные смежные отношения. Позже термин был модифицирован в *jus inter gentes* – право между народами, или международное право [3, с. 69–71; 5, с. 19–23].

На самом деле основными субъектами международного права выступают не народы, а государства. Однако проблема наименования существует, главным образом, для русского и некоторых других славянских языков. В английском (как и многих других европейских языках) термин *international law* означает «межгосударственное право», поскольку термин *nation* может быть переведен и как «государство».

Термины «международное право» и «международное публичное право» практически всеми авторами употребляются как синонимы. Тем не менее, как отмечалось выше, некоторые авторы полагают возможным под термином «международное право» понимать совокупность международного публичного и международного частного права. Такой подход не представляется обоснованным. Международное частное право, как справедливо было определено М.М. Богуславским, – «это составная часть внутренней правовой системы каждого государства» [6, с. 13]. Оно подчиняется непосредственно внутригосударственному правопорядку и главной своей задачей имеет преодоление коллизий между нормами права различных стран. Международное частное и международное публичное право пользуются разными правовыми механизмами, имеющими в своей основе, в частности, различные методы, предмет регулирования, субъектный состав, у них иной процесс возникновения норм, иные средства принуждения. На наш взгляд, совместить эти две, безусловно, взаимодействующие друг с другом, но в целом различные системы норм без утраты практической пользы невозможно.

Специфика системы международного права позволяет многим авторам, как отмечалось выше, определять международное право как самостоятельную (отличную от государственной) систему права. Дан-

---

¹ Право народов (лат.).

ный подход представляется наиболее аргументированным. Он становится очевидным при рассмотрении, в частности, объекта международно-правового регулирования.

В основе отношений, регулируемых международным правом, лежит древнеримский принцип *par in parem non habet imperium*¹. Таким образом, государства, регулируя отношения внутри своей юрисдикции и в отношении субъектов национальной системы права, не могут выйти за пределы своих полномочий и самостоятельно установить норму, обязывающую иного субъекта без согласия последнего. Именно это предопределяет основную специфику международного права. В международном праве только согласованная воля субъектов может создать норму права.

В качестве объекта, на который направлено международно-правовое регулирование, часто называют межгосударственные отношения [3, с. 11; 5, с. 36–37]. Можно согласиться с И.И. Лукашук, утверждающим, что «международное право призвано регулировать особую разновидность общественных отношений – межгосударственных, т. е. властных отношений с участием суверенных государств. Поэтому механизм формирования и действия международного права носит межгосударственный, а не надгосударственный характер» [3, с. 11]. Некоторые авторы (в частности, Н.А. Ушаков) уточняют данный термин, называя отношения, регулируемые международным правом, международными [2, с. 3–4].

Общепризнано, что в круг межгосударственных (международных) отношений включаются отношения с участием государств, межгосударственных организаций, вольных городов, наций, борющихся за самоопределение². Вместе с тем с возникновением института защиты прав человека, расширением практики создания конфедеративных союзов и некоторыми другими тенденциями в современном международном праве все чаще говорят о расширении субъектного состава и, как следствие, трансформации объекта регулирования международного права.

Таким образом, отношения, регулируемые международным правом, имеют особый, отличный от системы национального права объект.

Рассматривая проблематику субъектов международного права следует напомнить, что источником международной правосубъектности государств является неотъемлемое свойство государственной власти –

---

¹ Равный над равным власти не имеет (лат.).

² Это отмечено в научных работах Я. Броунли, И.И. Лукашука, Н.А. Ушакова, Г.И. Тункина и многих других ученых.

суверенитет. Принцип *par in parem non habet imperium* в полном объеме применим и здесь.

На протяжении многовековой истории международного права государства были единственными субъектами международных отношений. Современное международное право регулирует главным образом взаимоотношения между государствами, а также взаимоотношения государств с международными организациями и другими международными институциями [2, с. 9]. Государство – основной, первоначальный и универсальный субъект международного права [7]. Все остальные субъекты «черпают» правоспособность от него и поэтому называются производными. Общепризнанными субъектами современного международного права помимо государств являются также межгосударственные (международные) организации. В доктрине также обоснована международная правосубъектность наций и народов, борющихся за самоопределение, вольных городов, Ватикана. Все эти субъекты возникают и существуют благодаря воле первоначальных субъектов права, наделивших их специальной правоспособностью.

В последнее время в науке международного права ведется дискуссия о наличии и характере международной правосубъектности индивида. Противники расширения круга субъектов в международном праве утверждают, в частности, что «существенная особенность статуса субъектов международного права состоит в том, что они непосредственно участвуют в создании и осуществлении его норм» [8], и что «международная правосубъектность есть юридическое выражение членства в международном сообществе. Субъект должен обладать независимым международным статусом и быть подчинен непосредственно международному праву. Если же связь с международным правом опосредована каким-либо иным политико-правовым образом, то в лучшем случае можно говорить о какой-то особой, производной правосубъектности» [3, с. 23–24]. Тем не менее с развитием международного права за индивидами закрепился целый ряд международно-правовых прав и обязанностей. Так, индивиды несут ответственность за ряд тяжких деяний, например за преступления против человечности, и несут эту ответственность на основании непосредственного применения международных норм (Нюрнбергский, Токийский международные военные трибуналы, международные уголовные трибуналы по бывшей Югославии, по Руанде, специальный суд по Сьерра-Лионе, наконец, Международный уголовный суд – яркое тому подтверждение); индивиды получили возможность защищать свои права в международных органах даже вопреки воле государства гражданства (например, в Европейском суде по правам человека). И хотя индивиды

по-прежнему не заключают договоры и не объявляют войн и, по всей видимости, никогда этого делать не будут, очевидно, что они приобретают все больший объем прав и обязанностей по международному праву. Некоторые авторы полагают, что индивид стал непосредственным субъектом международного права [9].

Несмотря на дискуссию о круге субъектов международного права, все они обладают одной важной характеристикой – не находятся в прямом соподчинении относительно друг друга.

В соответствии с методом международно-правового регулирования нормы международного права устанавливаются по взаимному согласию и соглашению между субъектами международных отношений и ими же охраняются путем применения в необходимых случаях принуждения к их соблюдению [2, с. 6]. Именно соглашение – явное или молчаливое – создает основу для возникновения нормы международного права. Поскольку субъекты международного права юридически равны, то нормы, созданные путем согласования воли одними субъектами, не создают обязательств для других субъектов. Еще одной специфической чертой международного права является то, что, как справедливо отмечает Н.А. Ушаков, «субъективному праву предусмотренных нормами международного права субъектов всегда противостоят субъективные обязательства других субъектов международного права» [2, с. 10].

Итак, в каких же формах может выражаться соглашение между субъектами международного права, т. е. каковы источники международного права¹?

В международном праве не существует нормативно закрепленного перечня источников. Единственное авторитетное мнение по данному вопросу нашло отражение в ст. 38 Статута Международного суда ООН, в которой перечислены источники, которыми руководствуется суд при вынесении решений: договоры, обычаи и общие принципы права – в качестве основных источников, а также прецедент и доктрина наиболее квалифицированных специалистов – в качестве вспомогательных. Однако практика свидетельствует о том, что данный перечень не является исчерпывающим. Так, в качестве источников выделяют также решения (резолюции) международных организаций и односторонние акты государства (акты обязательства, акты признания).

Высказывая сомнения по поводу юридической силы доктрины и прецедента (практика применения норм международного права гово-

---

¹ Здесь и далее, если не указано иное, будем понимать под источником права источник в формальном (юридическом) смысле слова.

рит о том, что на основе лишь данных «источников» права вопрос не может быть решен по существу), еще раз отметим, что общим для всех источников права является способ создания – соглашение субъектов. И международный договор, и международный обычай, о которых речь пойдет ниже, имеют одинаковый способ создания, хотя и отличаются формой существования и процессом создания [10, с. 77–78].

В международном праве выделяют писанные и устные международные договоры. Если сравнивать международное право с внутригосударственной системой права, то следует отметить, что нормативные договоры в последней скорее исключение, чем правило, тогда как в международном праве договоры являются одной из основных форм закрепления норм права. Это обусловлено спецификой отношений между субъектами, о которой говорилось выше. Существование договоров ярко иллюстрирует еще одну специфическую особенность международно-правовой системы. Нормы, закрепленные в договоре, адресованы и обязывают только его участников. В международном праве обычным считается существование различных договоров, имеющих одинаковый предмет и цель, но различное содержание (например, Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 г. и Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.). Причем все эти договоры будут являться действующими между различными субъектами.

Приведем пример. Россия является участницей Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Женевской Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. США являются участником только последнего договора¹. В отношениях между Россией и США действует Конвенция 1958 г. В отношениях России с государствами – участниками Конвенции ООН 1982 г. действует последняя.

Важное значение для регулирования международных отношений носит международный обычай. В ст. 38 Статута Международного суда ООН международный обычай определен как «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы» [11]. Таким образом, можно выделить важные элементы обычая: 1) единообразная практика государств; 2) признание международным сообществом данной практики в качестве обязательной (*opinion juris*²). Как отмечает

---

¹ Недавно США начали процесс вступления в Конвенцию 1982 г. Полагаем, что в отношении данного государства Конвенция вступит в силу в 2008 г. Многие наблюдатели связывают данный факт с притязаниями России на континентальный шельф в Арктике и желанием США влиять на данный процесс через механизм Конвенции 1982 г.

² Дословно: юридическое мнение, мнение, обладающее юридической силой (лат.).

Н.А. Ушаков, «о международном обычае речь... идет как о норме общего международного права. И, в частности, потому, что формирование локального многостороннего международного обычая хотя в принципе и возможно, но происходит крайне редко. Двусторонний же обычай вообще не имеет смысла» [2, с. 11]. Общий характер обычных норм подчеркивает еще одну специфику международно-правовых отношений – они консервативны. Обычные нормы, как и договорные, являются основным источником международного права. Даже в ситуации, когда обычная норма кодифицируется в договоре она не перестает существовать. Прекращают свое существование лишь те обычаи, которые противоречат императивным нормам международного права (норме *jus cogens*¹).

Тот факт, что в международном праве параллельно в качестве основных источников права существуют договор (предоставляющий субъектам возможность волевым решением создавать новую норму) и обычай (общая норма, возникающая на основе практики), составляет еще одну специфическую особенность международно-правовой системы.

Касаясь практики, необходимой для создания обычая, следует отметить, что в последнее время в международном праве стали появляться случаи формирования обычая на основе не длительной практики, а порой единственного факта. Так, запуск в 1957 г. первого искусственного спутника Земли при молчаливом одобрении остальных субъектов права стал основой сложившейся обычной нормы о свободе использования космического пространства [3, с. 166–170].

В уже упоминавшейся ст. 38 Статута Международного суда ООН в качестве основного источника международного права, которым руководствуется суд, указаны также «общие принципы права». Здесь имеются в виду принципы, которые лежат в основе судопроизводства и признаны основными правовыми системами. В качестве примера можно привести принципы «равный над равным силы не имеет», «никто не может быть судьей в собственном деле».

Что касается таких источников, как судебные решения и доктринальные толкования, то они имеют важное значение при формировании позиции тех или иных международных органов (в том числе судебных), определении возникновения обычая и т. п. Это отчетливо видно, например, при ознакомлении с частными мнениями судей Международного суда ООН и самими решениями.

Еще одна характерная черта отношений, регулируемых международным правом, состоит в том, что механизм принуждения здесь дей-

---

¹ Императивное право (лат.).

ствуется иначе, нежели во внутригосударственном праве. Субъекты, будучи юридически равными, тем не менее признают юридически обязательную силу международного права. Действительно, в международном праве не существует некоего «полицейского органа». И.И. Лукашук отмечает: «Источником юридически обязательной силы международного права является соглашение государств. Юридическая сила общепризнанных норм порождается общим согласием государств, согласием международного сообщества в целом» [3, с. 45]. «При создании нормы международного права, – пишет он, – достигаются как бы два соглашения. Одно – относительно содержания нормы, другое – о придании ей юридически обязательной силы» [3, с. 47].

Известный российский ученый С.В. Черниченко отмечает следующие особенности принуждения в международном праве: оно непосредственно адресуется участникам межгосударственных отношений; оно обеспечивается юридически равными субъектами; в организационном плане такое принуждение может быть непрямым (а опосредованным через другие организации или органы); диапазон принимаемых мер ограничен международным правом (т. е. нормами, являющимися результатом согласования воли субъектов) [5, с. 40–42].

Особый аспект представляет собой проблема соотношения международного и внутригосударственного права. Ведь нормы международного права регулируют не только отношения между субъектами международного права, но и непосредственно (а иногда и напрямую) общественные отношения внутри государства. Данная проблема была подробно изучена белорусским ученым А.В. Барбуком [12].

Разделяют непосредственное действие международных правовых норм, когда международная норма не требует дополнительных процедур для того, чтобы регулировать общественные отношения внутри государства, и опосредованное применение, когда государство интерпретирует норму и закрепляет ее в форме внутригосударственного нормативного акта. Ответ на вопрос о том, почему разделение на непосредственное и опосредованное применение укоренилось в отношении норм международных договоров, можно получить проанализировав историю соотношения этих двух больших групп норм.

Jus gentium в течение столетий рассматривалось не как система права, а, скорее, как один из многочисленных источников права [13, с. 112]. В средневековой Европе, поскольку монархи концентрировали в своих руках всю полноту власти, включая право заключать международные договоры, то и договор, и закон имели одинаковый статус [14, с. 3]. Они обеспечивались национальными средствами правовой защиты и применялись непосредственно. Таким образом, сформировалась

исторически первая доктрина соотношения международного и внутригосударственного права – доктрина инкорпорации.

С развитием теории разделения власти и созданием парламентов остро встала проблема ограничения полномочий монарха. Международные нормы не могли применяться непосредственно без одобрения представительной ветви власти. Для того чтобы такие нормы стали обязательными, был введен особый порядок – принятие парламентом имплементационного акта. Данная доктрина получила название «теории трансформации» [15, р. 46–47].

Развитие теории трансформации привело к возникновению доктрины дуализма. Известные ученые Л. Оппенгейм, Д. Анцилотти были ее сторонниками. Впервые данная доктрина была сформулирована Г. Триппелем. Основной ее смысл заключен в метафоре «два круга, которые тесно соприкасаются, но никогда не пересекаются» – имеются в виду международные и внутригосударственные нормы [12, с. 13–14].

В противовес доктрине дуализма возникла доктрина монизма. Основной тезис данной доктрины был определен В. Кауфманном и гласит, что международное и внутригосударственное право – части единой правовой системы [12, с. 15]. Именно доктрина монизма остро поставила вопрос об иерархии норм международного и внутригосударственного права. Данный вопрос решался и решается в различных правовых системах по-разному, однако, по нашему мнению, в последнее время наблюдается движение в сторону примата международного права над внутригосударственным.

На наш взгляд, *aurea mediocritas*¹ довольно точно выражена А.В. Барбуком, который утверждает, что в настоящее время «международное и внутригосударственное право имеют общую сферу правового регулирования, в которой между ними могут происходить коллизии. Вместе с тем они не составляют единую правовую систему, а остаются самостоятельными правовыми порядками» [12, с. 20]. Это *status quo*². Но тенденция развития общественных отношений настойчиво указывает на все более глубокое взаимопроникновение международно-правовых и внутригосударственных механизмов регулирования. Развитие интернета представляет прекрасную иллюстрацию к этому тезису.

Информационные потоки не знают границ и с большой неохотой подчиняются юрисдикциям государств. Одна из проблем – преступления с использованием компьютерной техники (киберпреступления). Проблема состоит в том, что подобные преступления «гиппертрансна-

---

¹ Золотая середина (лат.).

² Положение вещей (лат.).

циональны»: злоумышленник может использовать компьютеры десятков государств для совершения незаконных действий. Самостоятельно государство просто не в состоянии обеспечить расследование. Здесь, как нигде, необходим международный контроль и регулирование. Первые попытки предприняты. Так, в 2001 г. в Будапеште была подписана Конвенция о киберпреступности и основные положения этого документа уже имплементированы в законодательства большого числа государств. Данная конвенция – яркий пример того, что общественные отношения, которые государство не в состоянии урегулировать самостоятельно (ввиду их слабой связи с юрисдикцией государства), регулируются посредством международно-правовых норм.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что правовые механизмы регулирования международных и внутригосударственных отношений во многом отличаются. Можно указать и на определенную специфику международных правоотношений. Если во внутригосударственном праве юридический факт является обязательной предпосылкой правоотношений, а индивидуализация – неотъемлемым их признаком, то в международном праве часто сами нормы носят индивидуализированный характер. Например, двусторонние договоры имеют конкретных субъектов, а вступление в силу этих договоров может порождать целый ряд конкретных юридических актов. В национальном праве подобные акты именуют правоприменительными, отказывая им в нормативном характере. В международном праве данные договоры рассматриваются как нормативные. Это вызвано всей совокупностью специфических черт международного права, о которых говорилось выше. Вместе с тем в международном праве существуют и нормы, регулирующие общественные отношения на универсальной основе, без индивидуализации субъектов отношений, – это все так называемые «универсальные» договоры, в том числе, например, упоминавшиеся выше конвенции по морскому праву, а также обычные нормы права. Следует еще раз с сожалением подчеркнуть, что затронутая специфика не исследована должным образом в общей теории права.

В заключение хотелось бы отметить, что международное право представляет собой динамично развивающийся феномен. Появление «транснациональных» общественных отношений и влияние множества правовых систем на его развитие предопределяют появление новых норм, институтов, принципов и правовых концепций. Тем актуальнее становится изучение международного права в сравнительном контексте с внутригосударственным правом, анализ международного права с использованием инструментария, предоставляемого общей теорией

государства и права. Все это позволяет обогатить как теорию, так и практику правового регулирования общественных отношений и в конечном итоге обеспечить построение правового социального демократического государства в гармонии со всем миром.

Библиографические ссылки

1. Афанасьев, В.С. Правовые отношения / В.С. Афанасьев, Н.Л. Гранат // Теория государства и права : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001.
2. Ушаков, Н.А. Международное право : учебник / Н.А. Ушаков. М., 2000.
3. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть : учебник / И.И. Лукашук. 3-е изд. М., 2005.
4. Василенко, В.А. Основы теории международного права / В.А. Василенко. Киев, 1988.
5. Международное право : учебник / под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. М., 2006.
6. Богуславский, М.М. Международное частное право / М.М. Богуславский. М., 1998.
7. Курдюков, Г.И. Государство в системе международно-правового регулирования / Г.И. Курдюков. Казань, 1979. Гл. 1.
8. Международная правосубъектность / отв. ред. Д.И. Фельдман. М., 1971. Гл. 1.
9. Карташкин, В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве / В.А. Карташкин. М., 1995.
10. Лукашук, И.И. Современное право международных договоров : в 2 т. / И.И. Лукашук. Т. 1. М., 2004.
11. Статут Международного Суда // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. 2005. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/statut.htm>.
12. Барбук, А.В. Непосредственное применение норм международных договоров в национальных правовых системах : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Барбук. Минск, 2007.
13. Батлер, У. Взаимодействие международного и национального права (на примере Великобритании) / У. Батлер // Совет. государство и право. 1987. № 5.
14. Зыбайло, А.И. К вопросу о соотношении международного и национального права (теоретические аспекты) / А.И. Зыбайло // Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1998. № 3.
15. Brownlie, I. Principles of Public International Law / I. Brownlie. 5 ed. Oxford, 1998.

© Козик А.Л., 2008

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «ПРАВООТНОШЕНИЕ» В ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

В современном мире происходят существенные интеграционные процессы в различных сферах жизни общества – экономической, культурной, государственной, правовой и т. д. Наблюдается сближение правовых систем современного мира. Неслучайно различные стороны правовых систем, в том числе категория «правоотношение», стали объектом многочисленных научных исследований и также внимания практических работников государственных органов: парламента, правительства, прокуратуры, внутренних дел, госбезопасности и др.

«Правоотношение» – одна из важнейших категорий как всей юридической науки в целом, так и такой сравнительно молодой ее части, как «Правовые системы зарубежных стран». Это объясняется тем, что правоотношение представляет собой центральное звено, связывающее нормы права с социальной сферой. Нормы права конкретизируются в юридических отношениях между конкретными субъектами права. Категория «правоотношение» позволяет понять, каким образом право воздействует на поведение людей.

Нормы права, будучи моделью, становятся «живыми» только тогда, когда они реализуются в сознательно-волевых действиях людей, когда в обществе устанавливаются гармония и порядок.

Люди издавна знакомились с законами соседних народов, практикой их реализации. Большое внимание исследованию категории «правоотношение» уделялось еще древними римлянами, особенно в сфере гражданского оборота как между римлянами, так и между римлянами и иностранцами, но лишь с конца XIX – начала XX в. стали возникать общества и созываться Конгрессы сравнительного правоведения. Сравнительное правоведение было признано наукой и введено в качестве одноименной учебной дисциплины в юридических вузах различных стран мира, в том числе и Республики Беларусь. Однако данная учебная дисциплина, к сожалению, не предусмотрена учебными программами некоторых юридических вузов (Академии МВД Республики Беларусь и др.).

До сих пор не утих спор среди ученых и практиков о том, можно ли считать сравнительное правоведение наукой, также четко не определен предмет учебной дисциплины «Правовые системы зарубежных стран». Известный компаративист К. Осаке выявил по этому вопросу три

точки зрения: 1) сравнительное правоведение – не наука, а метод без самостоятельного предмета; 2) это чистая наука с самостоятельным предметом; 3) это вспомогательная учебная дисциплина в рамках общей теории государства и права, как теория сравнительного метода она является частью общей теории права [1, с. 18].

В какой-то мере прав российский правовед А.Х. Саидов, рассматривающий сравнительное правоведение как одно из направлений общей теории государства и права наряду с философией права, социологией права, но он не прав, полагая, что понятия «сравнительное правоведение» и «правовые системы зарубежных стран» – это одно и то же [2, с. 95].

На наш взгляд, первое понятие более широкое, охватывающее все учебные дисциплины сравнительно-правового характера (сравнительное конституционное право, сравнительное административное право, сравнительное трудовое право, сравнительное семейное право и т. д., включая учебную дисциплину «Правовые системы зарубежных стран»). Объектом изучения, исследования всех этих дисциплин являются правовые системы современности, но их предметы – разные.

Типовой программы по учебной дисциплине «Правовые системы зарубежных стран» в Республике Беларусь нет, а в базовых программах, разработанных в юридических вузах, как правило, акцентируется внимание на изучении главным образом основных источников права, отраслей права и их институтов. Но тогда следовало бы назвать учебную дисциплину «Системы права зарубежных стран» или «Источники права, его отрасли и институты в правовых системах зарубежных стран».

В Типовой программе по предмету «Правовые системы зарубежных стран», которую необходимо разработать и принять в ближайшее время, следует четко определить предмет данной науки и учебной дисциплины, что имеет важное теоретическое и практическое значение при исследовании категории «правоотношение» как элемента правовых систем современности.

При определении предмета учебной дисциплины «Правовые системы зарубежных стран» прежде всего необходимо разграничить такие понятия, как «система права» и «правовая система». Еще Р. Давид, французский компаративист, подчеркивал, что не следует смешивать эти понятия [3]. Большинство правоведов в настоящее время придерживаются такой же точки зрения. Однако некоторые из них полагают, что понятия «система права», «правовая система», «правовая семья» все же тождественны [4, с. 247].

Российский компаративист Ю.А. Тихомиров, определяя правовую систему как «структурно организованный нормативный массив, ори-

ентированный, формируемый и действующий на основе общих принципов» [5, с. 45], фактически также отождествляет понятия «система права» и «правовая система». С этим мнением согласиться нельзя.

В общей теории государства и права категория «система права» определяется как «объективно существующее строение права, которое выражается в разделении права на отдельные части (отрасли), связанные между собой» [6, с. 235]. Как полагает российский правовед В.Д. Перевалов, суть системы права – внутреннее строение (структура) права, выражающее объединение и дифференциацию юридических норм [7, с. 314]. Еще более четкое определение системы права дают белорусские правоведы, подчеркивая, что система права – это «объективно обусловленная характером общественных отношений внутренняя организация (структура) права, которая выражается в дифференциации правовых норм на отрасли (подотрасли) и институты» [8, с. 260].

В этих определениях системы права отмечены две черты норм права: единство и объективность. Термином «единство» обозначается неразрывная связь и взаимозависимость норм права между собой. Термин «объективность» означает то, что система права – не плод фантазии людей, не их выдумка, не результат их произвольного конструирования, а реально существующее подразделение на отрасли права, отражающее структуру явлений в природе, обществе, возникшее постепенно, естественным путем.

Система права – это внутреннее строение права, нормы которого установлены государством в результате достижения компромисса между субъектами права (или иным путем), и в этих нормах предусмотрена модель ожидаемого поведения участников общественных отношений как поведения возможного, обязательного, необходимого, желательного, допустимого или запрещенного. Иными словами, в нормах права предусмотрена модель будущих правовых отношений.

Как верно заметил Р. Давид, сама по себе совокупность норм права, закрепленных в различных источниках права, еще не дает представления о праве в реальной жизни. Для того чтобы эта система норм была приведена в действие и стала реальностью, *кроме нее, т. е. системы норм права, необходима достаточная совокупность постоянно взаимодействующих, взаимозависимых элементов*, имеющих связующее звено. Все эти элементы, вместе взятые, и составляют понятие «правовая система». Обнаружить различия в понятиях «система права» и «правовая система» можно сравнив рис. 1 и 2.

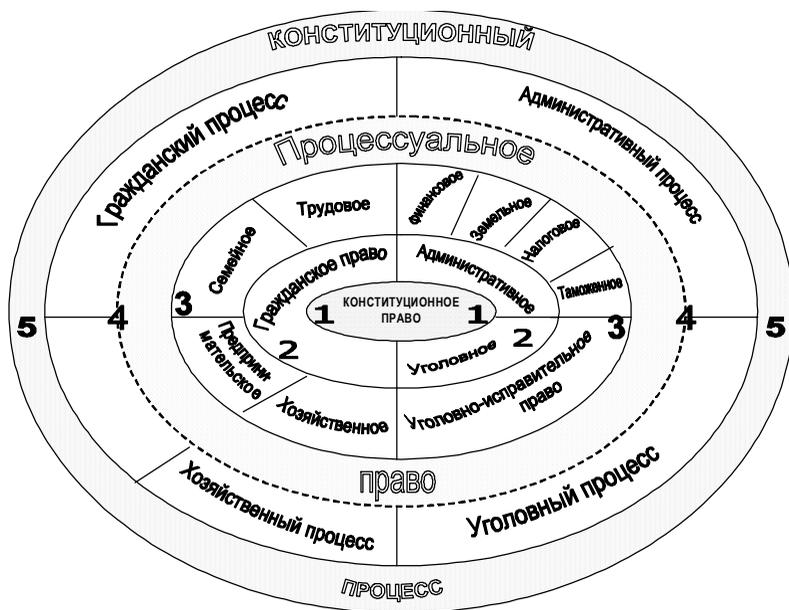

Рис. 1. Схема системы права Республики Беларусь

Основным системообразующим элементом системы права выступают нормы права, группируемые по отраслям права в зависимости от предмета и методов регулируемых ими общественных отношений (рис. 1). В центре схемы (круг № 1) расположена отрасль права (конституционное право), являющаяся базовой по отношению ко всем отраслям права, и в первую очередь к профилирующим отраслям права (круг № 2), которые являются базовыми по отношению к отпочковавшимся от них отраслям права (круг № 3): от гражданского права отпочковались трудовое право, семейное право, предпринимательское право и другие отрасли права; от административного права отделились финансовое, земельное, налоговое, таможенное и т. д.; от уголовного права отделилось уголовно-исполнительное. Далее идут отрасли процессуального права (круг № 4), обслуживающие соответствующую отрасль материального права (круги № 2, 3). Появление новых отраслей права вызвано усложнением связей и отношений между людьми в обществе, возникновением новых связей и отношений.

На рис. 2 показаны иные правовые связи и отношения.

Рис. 2. Схема правовой системы (элементы, структура, состав)

В качестве системообразующих материальных факторов правовой системы, как справедливо считают В.Д. Перевалов и В.И. Леушин, выступают *субъекты права*. Именно *человек, индивид*, его объединения (коммерческие и некоммерческие), в том числе государство, наделенные субъективными правами и несущие юридические обязанности, выступают реальными элементами правовой системы [7, с. 463]. Именно от субъектов права зависит формирование норм права и их фиксация в источниках права, т. е. создание модели надлежащего поведения субъектов в обществе.

От сознания, воли или желания субъектов зависит использование статутных прав, содержащихся в моделях установленных правил поведения, и возникновение реальных, конкретных правовых отношений (трудовых, имущественных, семейных и т. д.), их надлежащее юридическое оформление. Если правовые отношения между субъектами бу-

дут строиться на основе установленных норм права, будет в обществе и надлежащий порядок.

От уровня правовой культуры субъектов, т. е. уровня развитости их правосознания и уровня развития всех форм и видов деятельности (правотворческой, правоприменительной, научной, образовательной), соблюдения законности в соответствующем виде деятельности, зависит утверждение в обществе *устойчивого, стабильного правопорядка*, а следовательно, эффективное функционирование общества.

Между всеми элементами правовой системы существуют существенные, глубинные, неизбежные прямые и обратные связи и отношения, а главным связующим звеном между всеми элементами правовой системы является *правопорядок*, под которым следует понимать основанный на праве порядок связей и отношений между людьми в обществе в процессе движения и удовлетворения их материальных и духовных интересов.

Итак, **правовая система** есть интегрированная совокупность взаимосвязанных постоянных существенных элементов: субъектов права, правовой организации, правовых отношений, правовой культуры и правопорядка, – необходимая в целях нормального, стабильного функционирования общества.

В юридической литературе утверждается, что понятие «правовая система» охватывает *все правовые явления в обществе в их взаимодействии* (А.Ф. Черданцев, А.В. Малько и др.), что правовая система – это комплекс правовых явлений, обусловленный закономерностями развития общества, осознанный и воспроизводимый людьми и их организациями и используемый ими для достижения своих целей (В.Д. Перевалов, В.И. Леушин и др.). Авторы верно отмечают то обстоятельство, что объектом исследования правовых систем мира фактически является правовая реальность, правовая действительность и даже все проявления правовой жизни (Ю.А. Тихомиров и др.). Но все же, на наш взгляд, предмет правовой науки и учебной дисциплины «Правовые системы зарубежных стран» уже.

«*Правовые системы зарубежных стран*» как составная часть общей теории государства и права – вводной учебной дисциплины в юриспруденцию, с одной стороны, исследует сущность правовой системы вообще, ее элементы, структуру, состав, присущие правовой системе каждого государства, с другой стороны, выявляет особенности каждого элемента правовой системы, в том числе и такого ее элемента, как правовые отношения.

Каждый элемент правовой системы, включая правоотношение, в свою очередь представляет собой сложную структурную организацию, имеющую свои особенности.

На рис. 1 (круг № 2) была отражена система права Республики Беларусь как нормативная основа правовой системы, имеющая свои подсистемы в виде отраслей права. Низшим структурным элементом системы права, выражаясь словами биологов, физиков, строителей, ее клеточкой, ядром, кирпичиком является норма права, имеющая свою микроструктуру (гипотеза, диспозиция, санкция).

Категория «правоотношение» также имеет свою особую сложную структуру, под которой понимается совокупность обязательных элементов (субъекты правоотношения, субъективные права и обязанности сторон, объекты правоотношения и фактическое (реальное) поведение субъектов правоотношения).

В настоящее время наметилась тенденция считать и международное право особой структурной единицей системы права [9, с. 163]. Подобная точка зрения имеет под собой основание. Приоритет принципов международного права юридически закреплен в конституциях многих современных государств, право которых отнесено к романо-германской правовой семье (Франция, ФРГ, Испания, Италия, Республика Беларусь и др.), а также в конституциях тех государств, право которых отнесено к северо-западной (скандинавской) правовой семье (Дания, Норвегия и др.). Принципы международного права конкретизированы в отдельных источниках международного и национального права.

Но можно ли на этом основании считать международное право отраслью национального права, его особой структурной единицей или отраслью законодательства? Вопрос дискуссионный. Единого мнения по нему нет.

В отечественной юридической литературе международное право, как правило, отраслью национального права не признается. Признать международное право частью (отраслью) национального законодательства можно с оговорками [8, с. 276–277]. Сторонники подобной точки зрения ссылаются на ст. 15 закона Республики Беларусь «О международных договорах» от 23 октября 1991 г. (в редакции закона от 15 ноября 2004 г.), содержащей такую формулировку: «Нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики законодательства».

Некоторые исследователи, в том числе зарубежные, считают отраслью материального права национальной системы права только между-

народное частное право, а международному публичному праву, включая региональное межгосударственное право, отводят в правовой системе особое место [1, с. 22–23].

В английском праве, не признающем деления права на частное и публичное, теперь выделяется в общем праве (*common law*) международное право как отрасль материального права и право международных отношений, т. е. международное публичное право и право Европейского сообщества, которым отводится особое место в общем праве [1, с. 41].

Различные мнения относительно места международного права в структуре права обусловлены, с одной стороны, разным пониманием категории «международное право». Одни авторы полагают, что в мире существует единое, не делимое на части международное право, другие, наоборот, делят его на публичное и частное право. С другой стороны, различные мнения обусловлены еще и разным пониманием категорий «система права» и «правовая система». На наш взгляд, следует различать международное право и национальное право как системы норм права, как модели будущих правовых отношений, которые возникают, как известно, при наличии определенных жизненных обстоятельств (юридических фактов), и как правовую систему.

Что касается одного из элементов правовой системы, ее правовой основы (системы права), то об этом написано достаточно много и подробно, но исследованию категории «правоотношение» как одного из наиболее важных элементов правовой системы как современных государств, так и мирового сообщества государств не уделено должного внимания как с теоретической, так и практической точки зрения. А ведь через правоотношение устанавливается связь норм права с социальной сферой и в конечном итоге утверждается мировой правопорядок. Правоотношение как элемент правовых систем как отдельных государств, так и мирового сообщества государств имеет сложную структуру, всегда включающую следующие элементы: 1) субъектов правоотношения (не менее двух); 2) объекты правоотношения; 3) субъективные права и обязанности; 4) реальное поведение сторон по реализации взаимных субъективных прав и обязанностей.

Правовые отношения в различных странах имеют свои особенности, которые следует изучать и учитывать при принятии правовых актов.

В действующем в Республике Беларусь Госстандарте по специальности «Правоведение» (РД РБ 02100.5.063-98), касающемся учебной дисциплины «Правовые системы зарубежных стран», которым руководствуются в вузах до настоящего времени, даже не упоминается о такой категории, как «правоотношение».

Вызывает возражение также и то, что в указанном Госстандарте в основу расположения материала по курсу «Правовые системы зарубежных стран» положены совершенно разные критерии, а именно: «правовая семья», «правовая система», «право», «индусское право». Непонятно, почему надо изучать только индусское право, ведь Индия согласно действующей Конституции является светской республикой и в этой стране существуют другие религиозные системы, имеющие свои особенности (право мусульман, право парсов, право иудеев, право христиан, право джайнов, право сикхов и т. д.).

В основу построения курса, на наш взгляд, должен быть положен главный критерий – правовая система государства, что соответствует названию учебной дисциплины. Поскольку главными материальными элементами правовой системы являются субъекты, и прежде всего государство, играющее организующую роль в правовой жизни общества, то следует во всех разделах курса употреблять единый термин «правовая система государств» (правовая система мусульманских государств, правовая система скандинавских государств, правовая система Республики Индия и т. д.) и рассматривать правовые системы не всех государств (их около 200), а только тех из них, право которых послужило мировой моделью при формировании права других государств, на основе права которых сложились правовые семьи (Франция, Германия, Англия, РСФСР и т. д.).

В курсе, который следует назвать «Основные правовые системы современности», должны быть предусмотрены такие разделы:

1. Субъекты права – важный системообразующий фактор правовых систем.

2. Система права: понятие, ее место и роль в правовой системе. Разновидности систем права.

3. Правоотношение – важнейший элемент правовой системы, связывающий нормы права с социальной средой.

4. Правовая культура и ее роль в правовых системах современности.

На современном этапе в исследованиях правовых систем мира все большее признание приобретает необходимость разграничения понятий «система права» и «правовая система». В многочисленных определениях категории «правовая система» отражено много разных мнений, противоречий относительно структурных элементов этой системы. Одни исследователи (В.К. Бабаев, В.И. Власов, В.Н. Протасов, А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский, Э.А. Калинина) в качестве одного из структурных элементов правовой системы выделяют «правоотношение», не касаясь анализа роли этой категории в правовой системе [10, с. 86; 11, с. 80; 12, с. 111; 13, с. 43–44]. Другие (С.Г. Дробязко, В.С. Козлов, В.Д. Попков, Г.А. Василевич, Н.И. Матузов,

А.Ф. Черданцев, К. Осаке) в своих определениях правовой системы такие ее элементы, как «субъекты права», «правоотношение», не упоминают [4, с. 253; 14, с. 300; 15, с. 13; 16, с. 26].

Некоторые авторы полагают, что элементами правовой системы являются *все правовые явления*, существующие в обществе.

А.В. Малько справедливо считает, что не все правовые явления входят в число элементов правовой системы, а только те, которые необходимы для процесса правового регулирования, для целенаправленного воздействия на сознание и поведение субъектов. Он обоснованно полагает, что негативные правовые явления: преступность, правонарушения, деформации правосознания и т. п., – тоже имеющие отношение к бытию права, обладающие определенной юридической окраской, к элементам правовой системы не относятся [17, с. 123]. Неслучайно в исследованиях уголовного права зарубежных стран понятие «правовая система» не упоминается [18].

Различия и противоречия в определениях категорий «система права», «правовая система», а также неупоминание о такой категории, как «правоотношение», обусловлены разными подходами к правопониманию. Некоторые зарубежные авторы в понятие «право» помимо норм права включают и правоотношения. При таком подходе к правопониманию невозможно разграничить такие понятия, как «система права» и «правовая система», а тем более предусмотреть и исследовать правоотношение как необходимый самостоятельный элемент правовой системы.

Представители социологической школы права, главным образом представители реалистического направления в этой школе права (К. Ллевелин, Д. Фрэнк и др.), считают, что право следует искать не в нормах права, а в реальной жизни. По их мнению, в нормах права содержится лишь небольшая часть правил поведения, а основная же их часть содержится в решениях судей, административных органов и даже в решениях физических и юридических лиц. Перенос центра правотворчества на судей и административные органы создает опасность усиления произвола со стороны отдельных должностных лиц.

Еще древние римляне, сделавшие первые шаги на пути исследования категории «правоотношение», различали понятия «право» и «правоотношение». Существенный вклад в разработку теории правоотношений внесли юристы стран, право которых отнесено к романо-германской правовой семье (Ж.Л. Морандьер во Франции, Л. Эннекерус в Германии, И.В. Михайловский, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич, Н.В. Трубецкой в России). В трудах этих ученых проводилось четкое разграничение между правом объективным и правом субъективным, ими описана структура правоотношения и обращено особое вни-

мание на юридические факты и их классификацию [19, с. 743, 760, 791, 806]. Что касается юристов, выходцев из стран, право которых отнесено к англо-американской правовой семье, то они в своих трудах исследованию категории «правоотношение» не уделяют должного внимания.

Отголоски идей представителей социологической школы права (США, Англия) находят выражение в современных исследованиях категории «правоотношение», в частности в попытке обосновать концепции абсолютных и общерегулятивных правоотношений, которые подверглись обоснованной критике в юридической литературе. Так, в частности, Ю.М. Гревцов совершенно справедливо отметил важный недостаток этих концепций – перенос нормативности права на правоотношения и подчеркнул, что вряд ли можно найти в юридической практике судов и административных органов хотя бы один случай обращения к абсолютным и общим правоотношениям [20, с. 418].

Об абсолютных и общерегулятивных правоотношениях упоминают А.Ф. Черданцев, И.И. Лавриненко, В.Н. Протасов, А.В. Малько и др., но вразумительной аргументации в пользу существования подобных правоотношений они не приводят [6, с. 291–292; 11, с. 147; 12, с. 59–60; 21, с. 132]. По словам А.Б. Венгерова, подобные концепции имеют даже негативные последствия.

Аргументированная критика абсолютных и общерегулятивных правоотношений дана в трудах белорусских авторов, которые справедливо заметили, что при наличии только норм права без юридических фактов правоотношения в реальной жизни не существуют [8, с. 446].

Исследуя правовые отношения, российский теоретик права Р.З. Лившиц обратил внимание на три пути реализации статутных прав в реальной жизни людей:

1) субъекты юридически оформляют свои отношения (трудовые, семейные, имущественные и др.), строго соблюдая юридические нормы, т. е. активно претворяя свои права в реальных правоотношениях – идеальный вариант;

2) субъекты не соблюдают предписания юридических норм, но и не нарушают их (не оформляют свои фактические брачные отношения юридически) – вариант безразличного отношения к использованию статутных прав в реальной жизни; в данном случае правоотношения нет;

3) субъекты оформляют свои отношения юридически, но фактически нарушают предписания юридических норм (фиктивный брак, фиктивная сделка) – самый неблагоприятный вариант отношения к реализации субъективных прав в жизни [22, с. 130].

Из изложенного можно сделать вывод о разном отношении людей к реализации статутных прав в своих правовых взаимоотношениях, а

также о том, что статутные права либо не используются субъектами в реальной жизни (гражданский брак не влечет возникновения правоотношения), либо используются в корыстных целях (фиктивная сделка). В последнем случае возникает уголовное правоотношение при условии доказанности фиктивности сделки, т. е. при наличии юридического факта.

В настоящее время исследованию категории «правоотношение» больше внимания уделено в отраслевых науках при рассмотрении отдельных институтов права. Авторы исследований обращают внимание на особенности отраслевых правоотношений. Так, как замечает М.Ф. Чудаков, в отличие от гражданских, семейных, трудовых правоотношений государственно-правовые отношения не могут возникать между частными (физическими) лицами [23, с. 27]. Но, к сожалению, особенностей государственно-правовых отношений как элемента правовой системы зарубежных стран он не касается. Не рассматривает он и классификацию юридических фактов в зарубежных странах.

Особенностью трудовых и социально-экономических правовых отношений является возросшая роль профсоюзов в правотворческой и правоприменительной деятельности современных государств. Не без влияния профсоюзов включены в конституции современных государств статьи, предусматривающие права профсоюзов в сфере трудовых и социально-экономических отношений. Под их влиянием приняты трудовые кодексы. Первый такой кодекс появился в Венесуэле на 10 лет раньше, чем в европейских странах. На деятельность международных организаций и своих государств профсоюзы оказывают влияние через собственную Международную организацию труда (МОТ).

О завоеваниях, достигнутых профсоюзами Беларуси, хорошо сказано в речи председателя Федерации профсоюзов Беларуси Л.П. Козика на V съезде профсоюзов Беларуси [24, с. 19–74]. В частности, в Беларуси под влиянием профсоюзов был принят Закон о профсоюзах (1992), ряд других законов, дополняющих его, заключены соглашения между правительством, Союзом нанимателей и профсоюзами, значительно расширившие права профсоюзов в правотворческой и правоприменительной деятельности государства в сфере трудовых и социально-экономических отношений. В частности, нормативные правовые акты в сфере труда и социально-экономических отношений в Беларуси принимаются после предварительного согласования с профсоюзами. Профсоюзы участвуют в контроле за соблюдением законности в сфере трудовых и социальных правоотношений.

Возросшую роль профсоюзов в правотворческой и правоприменительной деятельности государства (и не только в Беларуси) можно

кратко, схематично объяснить следующим образом. Право не является чем-то внешним в сфере экономики. Право – это необходимый ее атрибут. Вне права экономика может превратиться в страшную разрушительную силу в обществе. Юридической основой всей системы экономических отношений является право собственности, главным объектом этой собственности – труд человека. Профсоюзы же – самая многочисленная и мощная организация, объединяющая людей труда, с которой все государства мира не могут не считаться.

К сожалению, о роли профсоюзов в правовых отношениях различных стран мира ничего не говорится в учебных изданиях, посвященных правовым системам зарубежных стран, подготовленных А.Х. Саидовым, М.Н. Марченко и др. Не уделено должного внимания правоотношению как элементу правовой системы в исследованиях гражданского и трудового права зарубежных стран [25].

На современном этапе необходимо дальнейшее, более углубленное исследование категории «правоотношение» как элемента правовых систем современности в контексте его связей и отношений с другими элементами системы, а также с социальной средой. Важно выявить общее и особенное, отличное в правоотношениях, складывающихся в обществе современных государств. Особую значимость приобретают исследования категории «юридический факт», поскольку вне юридических фактов правоотношений быть не может.

Юридических фактов великое множество как в правовой жизни национальных государств, так и в международной правовой жизни. В каждом государстве юридические факты имеют свои особенности. Например, в некоторых государствах (США, Нидерланды и др.) для приобретения гражданства необходимо получить вид на жительство, прожить в стране не менее пяти – семи лет; в Израиле гражданство приобретается автоматически по прибытии в страну при условии, что прибывший – еврей и он докажет, что его предки некогда жили в этой стране. В одних странах юридические последствия порождает только юридически оформленный гражданский брак (Франция, ФРГ, Швейцария, Япония и др.), в других странах брак может быть заключен альтернативно либо в гражданской, либо в религиозной форме (Италия, Испания, Англия, Дания, некоторые провинции Канады), в третьих странах существует только религиозный брак (Израиль, Ирак, Иран, некоторые штаты США) [25, с. 517].

Как справедливо заметил А.Б. Венгер, в условиях растущих интегративных связей между государствами мирового сообщества, а также между физическими и юридическими лицами этих государств, в условиях продолжающегося сближения правовых систем современно-

сти важно выработать единое понимание права, провести четкое разграничение понятий «право (позитивное)» и «правоотношение», «система права» и «правовая система» [9, с. 163].

Дальнейшие более углубленные теоретические исследования категории «правоотношение» как одного из элементов правовых систем современности имеют большое практическое значение не только в правовой жизни белорусского общества, но и в международной правовой жизни.

Библиографические ссылки

1. Осаке, К. Сравнительное правоведение в схемах: Общая и Особенная части : учеб.-практ. пособие / К. Осаке. М., 2000.
2. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение: (Основные правовые системы современности) : учебник / А.Х. Саидов ; под ред. В.А. Туманова. М., 2003.
3. Давид, Р. Основные правовые системы современности / Р. Давид, К.Ж. Спинози. М., 1999.
4. Дробязко, С.Г. Общая теория права : учеб. пособие / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. Минск, 2005
5. Тихомиров, Ю.А. Курс сравнительного правоведения / Ю.А. Тихомиров. М., 1996
6. Черданцев, А.Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов / А.Ф. Черданцев. М., 1999.
7. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 1997.
8. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под общ. ред. В.А. Кучинского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
9. Венгеров, А.Б. Теория государства и права / А.Б. Венгеров. Ч. 2. Т. 1. М., 1996.
10. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
11. Теория государства и права. 100 экзаменационных ответов : экспресс-справ. для студентов вузов. М. ; Ростов н/Д, 2003.
12. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. Вопросы и ответы / В.Н. Протасов. М., 1991.
13. Калинина, Э.А. Общая теория государства и права / Э.А. Калинина, И.Ф. Калинина, А.А. Старжинская. Минск, 2005.
14. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 1996.
15. Василевич, Г. Развитие правовой системы Республики Беларусь в условиях европейской интеграции / Г. Василевич. Юстиция Беларуси. 2005. № 7.
16. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. Саратов, 1987.
17. Общая теория государства и права : академ. курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 3. М., 2001.

18. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2003.
19. Хропанюк, В.С. Хрестоматия по общей теории государства и права / В.С. Хропанюк. М., 1999.
20. Общая теория государства и права : академ. курс : в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 2001.
21. Малько, А.В. Теория государства и права в вопросах и ответах / А.В. Малько. М., 1987.
22. Лившиц, Р.З. Теория права / Р.З. Лившиц. М., 2000.
23. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / М.Ф. Чудаков. Минск, 2001.
24. Федерация профсоюзов Беларуси: МЫ ВМЕСТЕ! : материалы V съезда Федерации профсоюзов Беларуси, Минск, 1–20 сент. 2005 г. Минск, 2006.
25. Гражданское и торговое право капиталистических государств / отв. ред. Е.А. Васильев. М., 1993.

© Калинина Э.А., 2008

В.А. Кучинский

ПРАВООТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Среди современных научных трактовок юридической ответственности (в значительной степени противоречивых) весьма распространенным является мнение о том, что она представляет собой разновидность правовых отношений. Так, И.Н. Синякин полагает, что «юридическая ответственность *представляет собой возникшее из правонарушений правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права*» [1, с. 543]. При этом правоотношение ответственности рассматривается в развитии и в нем различаются следующие стадии: а) возникновение юридической ответственности; б) выявление правонарушения; в) официальная оценка правонарушения как основания юридической ответственности в актах компетентных органов; г) реализация юридической ответственности [1, с. 542].

Получается, что правоотношение ответственности существует еще (уже) до выявления правонарушения и самого правонарушителя, до официальной оценки правонарушения как основания юридической

ответственности. А если же правонарушитель не будет выявлен, а правонарушение не будет раскрыто, то между кем состоится правовое отношение? Поскольку конкретных субъектов в таких случаях определить невозможно, то едва ли подобную трактовку правоотношения ответственности можно признать состоятельной.

Неслучайно поэтому другие сторонники характеристики юридической ответственности как правоотношения сводят ее к реализации компетентными органами мер правового принуждения в отношении правонарушителя. В.С. Нерсисянц, в частности, пишет: «Весь этот процесс реализации нарушенной нормы и определения конкретной меры юридической ответственности протекает (и должен протекать) в форме соответствующего правоотношения, которое носит правосоставительный характер. Помимо потерпевшей стороны и правонарушителя необходимым участником такого правосоставительного (и вместе с тем – правоприменительного) правоотношения является соответствующий компетентный орган (или должностное лицо) – правомочный субъект правоприменительной деятельности» [2, с. 522].

Преимуществом последнего суждения является то, что в правоотношении ответственности все же определяются совершенно конкретные участники, взаимодействующие в соответствии с обладаемыми ими взаимными субъективными правами и обязанностями. Но и тут возникает вопрос: насколько обоснованно сводить юридическую ответственность к реализации санкции правовой нормы, к наказанию за правонарушение? Разве ответственность как субъективная обязанность претерпеть наказание за совершенное правонарушение не возникает и не существует до привлечения правонарушителя к ответственности, до реализации санкции правовой нормы, т. е. до возникновения правоохранительного правоотношения? Ведь правонарушение может быть не раскрыто, правонарушитель – не обнаружен. Да и сами сторонники трактовки ответственности как правоотношения признают, что «юридическая ответственность неотделима от правонарушения, выступает его следствием» [3, с. 417]. К тому же действующее законодательство предусматривает определенные обстоятельства, при которых правонарушитель может быть освобожден от возникшей у него ответственности до ее реализации. Скажем, в соответствии со ст. 83 УК Республики Беларусь лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли определенные сроки. Наложение административного взыскания не допускается по истечении сроков, предусмотренных ст. 7.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Однако сторонники существования юридической ответственности только в форме правоотношения вынуждены отрицать все другие возможные формы ее присутствия в правовой действительности. А.С. Шабуров, например, категорически утверждает, что «совершение лицом действий, запрещенных уголовным законом, еще не влечет за собой юридической ответственности. Более того, до соответствующего решения (приговора) суда лицо вообще считается невиновным, а значит, и не подлежит уголовной ответственности» [3, с. 418].

Нетрудно заметить, что такого рода утверждения не только отвергают широко признанную обусловленность юридической ответственности лица совершенным им противоправным деянием, но и связывают ее возникновение лишь с правоприменительной деятельностью правоохранительных органов. «Юридическая ответственность, – настаивает А.С. Шабуров, – возникает только в силу предписаний норм права на основании решения правоприменительного органа» [3, с. 426].

Однако доказанность наличия ответственности, виновности лица в совершении правонарушения и сама юридическая ответственность, объективно обусловленная правонарушением, – отнюдь не тождественные понятия. Поэтому такого рода допущения вызывают серьезные сомнения в обоснованности стремления считать правоотношение обязательной и единственной формой юридической ответственности на всех этапах ее существования. В связи с этим представляется целесообразным исследовать проблему правоотношения ответственности в свете постадийного развития последней.

Для проведения постадийного исследования юридической ответственности весьма существенное значение имеет установление момента возникновения ее у конкретного лица, т. е. превращения из статутного состояния (предусмотренности в правовой норме) в субъективное (личную обязанность претерпеть неблагоприятные, вытекающие из санкции правовой нормы последствия). Юридическим фактом такого превращения, т. е. возникновения субъективной юридической ответственности, является правонарушение. Иными словами, личная юридическая ответственность возникает с момента совершения правонарушения.

Именно эта позиция предполагает последовательное, постадийное развитие ответственности к закономерному финалу – ее реализации посредством наказания правонарушителя. Противоположным этой позиции является приведенное выше мнение о том, что применение к правонарушителю мер наказания не является конечной стадией юридической ответственности, а означает саму правовую ответственность.

Такое мнение, следовательно, исключает постадийное исследование юридической ответственности.

Промежуточные между указанными позициями мнения сводятся к допущению возникновения юридической ответственности с момента:

- а) установления факта правонарушения (его признания) компетентными органами или лицами;
- б) привлечения правонарушителя к ответственности;
- в) вынесения решения компетентным органом или лицом о наложении наказания (назначении меры ответственности).

Общее во всех этих точках зрения в отличие от той, которая начало юридической ответственности связывает с фактическим совершением правонарушения, состоит в том, что возникновение ответственности ставится в прямую зависимость от эффективности деятельности уполномоченных государственных органов. Но при таком подходе к рассматриваемому вопросу следовало бы признать, что невыявленный или скрывающийся правонарушитель свободен от юридической ответственности. На самом же деле необходимость выявления правонарушителя, привлечения его к ответственности, а затем и наказания как раз и объясняется тем, что он юридически ответственен и, следовательно, обязан претерпеть предусмотренные правом лишения за содеянное, но каким-то путем избегает этого. Таким образом, требуют признания различия между самим фактом существования (возникновения) юридической ответственности и процессом ее реализации.

Юридическая ответственность не создается правоохранительными органами. Устанавливая правонарушение и привлекая правонарушителя к ответственности посредством правоохранительных правоотношений, соответствующие государственные органы не порождают юридическую ответственность, а на основе выявленной ими объективной истины (определения состава правонарушения) констатируют факт ее существования у конкретного лица в результате нарушения им предписаний законодательства. «Закон об ответственности, – писал К. Маркс, – вступает в действие лишь тогда, когда нарушаются эти предписания» [4, с. 32]. Компетентные же государственные органы, привлекая к ответственности и налагая наказание, конкретизируют в пределах, установленных законом, меры карательного воздействия на правонарушителя и тем самым обеспечивают реализацию (а не возникновение!) ответственности.

Сопоставление приведенных точек зрения о моменте возникновения юридической ответственности позволяет полагать, что различия между ними в значительной мере обуславливаются и существенными расхождениями во взглядах относительно соотношения ответственно-

сти и правоотношений, в которых она существует и реализуется. Эти взгляды, сформировавшиеся еще во второй половине прошлого столетия, при некотором абстрагировании могут быть сведены к трем основным группам:

1. Юридическая ответственность возникает лишь на определенной стадии развития охранительного правоотношения, порождаемого правонарушением (ответственность означает либо государственное принуждение, либо применение к правонарушителю юридических санкций) [5, с. 159, 163; 6, с. 69; 7, с. 383].

2. Возникновение юридической ответственности и соответствующего правоохранительного отношения происходит одновременно с момента совершения правонарушения (юридическая ответственность, как и вина правонарушителя, не может отрываться от материального правоотношения и существует на всех этапах его развития) [8, с. 108–111; 9, с. 77–78; 10, с. 73–74].

3. Материальное правоохранительное отношение возникает на определенном этапе развития юридической ответственности (уголовное правоотношение, в частности, связывается либо с привлечением лица в качестве обвиняемого, либо с вынесением обвинительного приговора, либо с вступлением его в законную силу, а до соответствующего момента признаются только уголовно-процессуальные правоотношения) [11, с. 93–96; 12, с. 21–22].

Об особых стадиях юридической ответственности можно говорить лишь при рассмотрении взглядов, относящихся к последним двум группам. В одном случае эти стадии связываются со стадиями материального правоохранительного отношения, в другом развитие последнего обуславливается стадиями развития самой юридической ответственности. Взгляды же первой группы допускают только стадии развития охранительного правоотношения, лишь одной из которых является юридическая ответственность.

Для обоснования того, что юридическая ответственность возникает на определенном этапе развития правоохранительного отношения в результате правоприменительных актов компетентных органов, обычно ссылаются на необходимость доказывания этими органами виновности лица, которое должно претерпеть меры ответственности. По действующему законодательству, в частности, никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовной ответственности иначе как по приговору суда (ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь).

Но эти аргументы отнюдь не могут служить доказательством того, что юридическая ответственность возникает в результате деятельности

компетентных органов. Ведь законодательное закрепление указанного демократического принципа уголовного судопроизводства предполагает лишь то, что вина (и, следовательно, ответственность) не может считаться доказанной, пока суд не признает достоверными и достаточными соответствующие доказательства, собранные и представленные компетентными органами. Дело в том, что отсутствие необходимых доказательств и невозможность в силу этого признания вины не означает само по себе доказательства того, что вина (и, следовательно, ответственность) отсутствует. Предположение невинности не равнозначно отрицанию виновности.

При исследовании юридической ответственности, по всей видимости, следует различать фактическую и формальную сторону дела. Фактически лицо может быть виновным в совершении правонарушения, в силу чего объективно является юридически ответственным, но формально (официально, в необходимой правовой форме) возможен случай непризнания этого лица виновным и ответственным из-за отсутствия достаточных для этого доказательств. Следовательно, до тех пор, пока не установлена объективная истина (не определен факт виновного противоправного деяния, а значит и юридической ответственности правонарушителя), лицо не может подвергаться соответствующим мерам карательного воздействия. Тот факт, что право признания лица виновным, в частности в совершении преступления, принадлежит только суду, никак не исключает объективного характера юридической ответственности.

Таким образом, как бы ни была значима роль тех или иных органов в деле выявления, оценки и реализации юридической ответственности, правоприменительные акты этих органов не влекут за собой начала такой ответственности, а означают только ее официальное установление и являются необходимым условием ее последующего осуществления путем наказания правонарушителя. Ведь в данном случае речь идет о признании компетентными органами виновности лица, о государственной оценке объективного факта наличия или отсутствия юридической ответственности. Поэтому наиболее существенное значение здесь приобретает вопрос об эффективности деятельности уполномоченных органов по раскрытию правонарушений, последовательному претворению в жизнь такого требования правового государства, как неотвратимость наказания (а не ответственности) за противоправное деяние.

Критически рассматривая утверждение о том, что применение к правонарушителю наказания является не отдельной стадией юридической ответственности, а самой ответственностью, необходимо также

учитывать возможность незаконного наказания отдельных лиц. Едва ли можно сомневаться в том, что осуждение невиновного и претерпевание им уголовного наказания происходят при отсутствии у него юридической ответственности. Ведь именно этим объясняется незаконность акта, определяющего меру уголовной ответственности невиновному, а также обусловленность его последующего освобождения от наказания и реабилитации. Знак же равенства между юридической ответственностью и фактически осуществляемым наказанием лица допускал бы признание юридической ответственности там, где ее нет, позволял бы считать юридически ответственным лицо, незаконно претерпевающее примененное к нему наказание, как это имело место в годы проводимых в СССР политических репрессий.

В связи с отмеченными выше обстоятельствами не могут не вызывать к себе интерес проведенные в разное время рядом правоведов разграничения основных стадий юридической ответственности, охватывающих ее субъективное состояние.

Б.Т. Базылев обнаруживает в юридической ответственности с момента ее возникновения у конкретного лица и до полного ее прекращения три стадии: становление, первоначальное развитие; конкретизацию; реализацию [13, с. 20]. Н.С. Лейкина, анализируя развитие уголовной ответственности конкретного субъекта, также называет три этапа ее реализации: привлечение лица к уголовной ответственности; установление его вины и назначение наказания судом; исполнение наказания [14, с. 31, 36]. Б.Л. Назаров выделяет четыре стадии развития юридической ответственности: возникновение у конкретного лица; выявление; опосредствование юридической ответственности, ее официальную оценку в правоприменительных актах; реализацию [9, с. 74].

Несмотря на определенные различия, все приведенные взгляды на стадийность субъективной юридической ответственности в основе своей представляются правильными. Они исходят из объективной обусловленности ответственности конкретного лица юридическим фактом совершения правонарушения; предполагают обязанность и способность компетентных органов выявлять противоправные деяния и устанавливать неразрывно связанные с ними вину и ответственность правонарушителей; направлены на то, чтобы применение мер ответственности происходило не по одному лишь усмотрению уполномоченных должностных лиц, а на основе всесторонне доказанного факта правонарушения и действительно существующей юридической ответственности определенного лица.

Отрицание же стадийности в развитии юридической ответственности, рассмотрение в качестве ее источника правоприменительного акта

и ограничение ее рамками охранительного правоотношения, посредством которого реализуются санкции правовых норм, означает допущение такой ситуации, когда существует правонарушитель, свободный от ответственности. На самом же деле не может быть правонарушителя, у которого отсутствует юридическая ответственность, а есть правонарушители, которые по каким-то причинам не подверглись наказанию, т. е. в отношении которых ответственность не была реализована.

Положительно оценивая постадийный анализ юридической ответственности, одновременно нельзя не заметить определенную ущербность периодизации ответственности только в рамках ее субъективного состояния. Выше уже затрагивался вопрос о содержании и назначении статутной, т. е. предусмотренной в законодательстве, ответственности, об условиях ее превращения в ответственность субъективную. С учетом этого обстоятельства представляется возможным говорить о целесообразности более широкого подхода к определению стадий юридической ответственности, отражающих ее специфические черты, зависящие от предмета и метода правового регулирования (отраслевой характеристики ответственности). Эти стадии способны охватить: а) статутное состояние юридической ответственности; б) субъективную ответственность от момента ее возникновения до привлечения правонарушителя к ответственности; в) состояние ответственности от привлечения субъекта к ответственности до начала ее реализации; г) реализацию юридической ответственности.

Статутная ответственность, т. е. ответственность в ее потенциальном для субъектов права состоянии, распространяется на не определенный в персональном отношении круг лиц, общие признаки которых зависят от характера правового статуса (всеобщего и специального), в который она (ответственность) включается. Основанием перехода статутной ответственности в субъективную является противоправное виновное деяние деликтоспособного (вменяемого) лица. Основанием перехода субъективной ответственности в стадию привлечения правонарушителя к ответственности является предусмотренный законодательством правоприменительный акт. Так, при наличии достаточных доказательств, дающих основания для предъявления лицу обвинения в совершении преступления, следователь, дознаватель выносят мотивированное постановление о привлечении его в качестве обвиняемого (ст. 240 УПК Республики Беларусь).

Заключительной стадией юридической ответственности является ее реализация. Основанием перехода субъективной ответственности в стадию реализации является достоверное установление в предусмотренном законом порядке самого факта противоправного деяния и вины совер-

шившего его лица. Установление этих обстоятельств должно получить необходимое оформление в соответствующем правоприменительном акте, предусматривающем также конкретные меры реализации ответственности. Примером может служить обвинительный приговор, который выносится лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность обвиняемого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ст. 356 УПК).

Переход юридической ответственности конкретного лица в стадию ее реализации не означает, разумеется, утрату ею субъективного характера. Дело в изменении ее качественного состояния. Ведь нереализованная юридическая ответственность, как и всякая иная неосуществленная субъективная обязанность, бесплодна. Основным смысл юридической ответственности – в доведении ее до наказания правонарушителя (освобождение от наказания – явление исключительное), ибо только при этом условии она в должной мере исполняет свою правоохранительную роль.

Иногда высказывается мнение, что при выделении стадий юридической ответственности допускается неоправданная криминализация общего понятия ответственности как обязанности претерпеть наказание за правонарушение [6, с. 65]. Но опасения такого рода ненапрасны. Действительно, в силу ряда причин уголовная ответственность оказалась более изученной, чем другие ее виды. Она ярче и полнее отражает основные стороны юридической ответственности вообще. Но даже обладая специфическими чертами (характер привлечения к ответственности, особенности мер ответственности и их исполнения, судимость и т. д.), уголовная ответственность не может и не должна противопоставляться другим видам правовой ответственности. Все виды юридической ответственности характеризуются определенными общими чертами, в связи с чем некоторый упор при исследовании проблемы на какую-либо отраслевую разновидность ответственности (в частности, на уголовно-правовую) не противоречит общим целям исследования, а служит его конкретизации, в том числе этапизации ответственности.

В самом деле, всякая юридическая ответственность конкретного лица обуславливается совершением им виновного противоправного деяния. Субъективная юридическая ответственность должна быть в установленном процессуальном порядке определена и доказана. Только при этих условиях она может быть реализована путем применения в отношении установленного правонарушителя точно определенных мер ответственности. Так, возникновение уголовной ответственности у деликтоспособного лица обязательно обуславливается совершением

им общественно опасного виновного деяния, предусмотренного уголовным законом. Но возникновение уголовной ответственности, как и любой другой, еще не означает ее реализации, которая в правоохранительной практике опосредствуется привлечением лица к уголовной ответственности. Привлечение к ответственности в различных процессуальных формах присуще всем разновидностям юридической ответственности, ибо оно необходимо для ее установления с обеспечением всех предусмотренных законом прав и интересов самого правонарушителя.

И здесь мы подходим к разрешению вопроса о соотношении юридической ответственности и правовой формы, в которой она возникает, устанавливается и реализуется. Привлечение к ответственности означает возникновение конкретных правовых связей (правоотношений) между лицом, в отношении которого добыты веские доказательства совершения им правонарушения, и правоохранительным органом. Однако при этом не следует упускать из виду, что юридическая ответственность правонарушителя существует объективно и до этого момента независимо от того, выявлено само правонарушение или соответствующим органам о нем ничего не известно, доказана вина правонарушителя или нет, готов он понести наказание или уклоняется от этого.

Но если юридическая ответственность возникает и существует некоторое время еще до возникновения конкретных правовых связей между правонарушителем и правоохранительными органами (до привлечения лица к ответственности, до применения к нему мер заслуженного наказания), то спрашивается: в какой же юридической форме она в это время выступает? Исходя из того что правоотношение всегда представляет собой индивидуализированную правовую связь конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, и что при определенных обстоятельствах субъективные права и обязанности могут возникать и существовать, даже осуществляться вне конкретных связей с другими лицами, ответить на этот вопрос следует таким образом: до привлечения правонарушителя к юридической ответственности последняя выступает в форме субъективных обязанностей и прав, существующих вне правоотношений.

Допущение того, что правоотношения ответственности имеют место еще до привлечения правонарушителя к ответственности, означало бы признание таких правоотношений, в которых участники даже не знают друг друга, не обладают четко определенными взаимными субъективными правами и обязанностями (так называемые абсолютные или общерегулятивные правоотношения). Получается, что могут быть

охранительные правоотношения, субъекты которых не знают о своем участии в них, т. е. не знают о своих субъективных правах и обязанностях, не говоря уже о возможной их реализации. Едва ли такие представления о правоохранительных правоотношениях соответствуют современным требованиям законности.

Юридическая ответственность конкретного лица уже на первой ее стадии выражается в субъективной обязанности претерпеть предусмотренные законом неблагоприятные (карающие) последствия своего противоправного деяния. Она обуславливает возникновение у правонарушителя и других субъективных обязанностей и прав, так или иначе определяющих характер последующей реализации его ответственности в соответствующем правоотношении. Например, у преступника в определенных случаях возникает обязанность предотвратить тяжкие последствия преступных действий, он вправе явиться с повинной и т. д. Существовая до определенного времени вне правоотношений, эти субъективные обязанности и права реализуются все же в рамках конкретных правовых связей.

Вне правоотношений с правонарушителем реализуются также многие субъективные права и обязанности правоохранительных органов по раскрытию преступления и обнаружению преступника. Это относится прежде всего к оперативно-розыскным действиям, совершаемым обычно с соблюдением строгой секретности. Разумеется, в необходимых случаях эти права осуществляются в рамках правоотношений, но не с преступником, а с другими лицами (изъятие с санкции прокурора документов, вещественных доказательств, корреспонденции и т. п.). Поскольку эти правоотношения совершаются вследствие возбужденного уголовного дела, то выступают в уголовно-процессуальной форме, хотя собственно уголовные правоотношения в это время могут еще и не возникнуть.

Возникновение правоотношения ответственности предполагает наличие наряду с фактом правонарушения (объективное основание) также правоприменительного акта, предусматривающего привлечение к ответственности или ее реализацию (субъективное основание). В отличие от гражданских правоотношений ответственности, в которых последняя может быть реализована без принудительного воздействия правоохранительных органов на правонарушителя, возникновение уголовных, административных и дисциплинарных правоотношений ответственности всегда происходит при условии установления в определенной процессуальной форме факта правонарушения, а лицо, в отношении которого собраны достаточные доказательства совершения им правонарушения, должно быть правоприменительным актом ком-

петентного органа в установленные сроки привлечено к соответствующей юридической ответственности. Следовательно, правовое отношение ответственности порождается не одним юридическим фактом, а их системной совокупностью (фактическим составом), в которой необходимую роль играют как объективные (совершение правонарушения), так и субъективные (решения уполномоченных органов и должностных лиц) моменты.

К правоотношению ответственности еще в большей степени, чем к иным правоотношениям, относится требование конкретизации его участников. Оно не может быть признано реально существующим, если не установлены, не персонифицированы как сам правонарушитель, так и противостоящие ему лица, не определены их субъективные права и обязанности [15, с. 43]. Так, на стадии привлечения к ответственности в уголовно-процессуальных правоотношениях в качестве одной стороны присутствует обвиняемый, в качестве другой – должностное лицо органа, осуществляющего дознание или предварительное следствие. Их взаимные субъективные права и обязанности, обусловленные уголовной ответственностью обвиняемого, реализуются в строгом соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

Правоведы в зависимости от того, как они определяют момент возникновения правоотношения ответственности, по-разному характеризуют его субъектный состав. Так, в отношении определения субъектов уголовно-процессуальных и уголовных правоотношений уже долгие годы обнаруживаются три основные позиции. Первая состоит в том, что лицу, совершившему преступление, в правоохранительных отношениях противостоит государство [16, с. 109; 17, с. 18; 18, с. 231–235]; вторая сводится к признанию одной из сторон указанных правоотношений государства, но в лице определенных его органов [19, с. 87; 20, с. 86; 21, с. 108; 22, с. 342]; третья заключается в том, что субъектами уголовно-процессуальных и уголовных правоотношений являются управомоченные органы государства или их должностные лица с одной стороны и лица, привлеченные к уголовной ответственности, с другой [23, с. 182; 24, с. 107; 25, с. 153–163; 26, с. 98–104].

Если исходить из теоретически обоснованного и практически подтвержденного положения о том, что принудительно юридическая ответственность реализуется посредством правоприменительных актов управомоченных органов, то субъектом правоотношения ответственности, противостоящим правонарушителю, следует признать не государство, которое устанавливает статутную ответственность (принимает нормативные правовые акты, в которых она определяется), а те органы и тех должностных лиц, которые применяют соответствующие

правовые предписания. Разумеется, эти органы и должностные лица выполняют свои функции по привлечению к ответственности и ее реализации от имени государства.

Если же признавать государство субъектом правоотношения ответственности, то следовало бы также согласиться с тем, что оно не только определяет правовой статус участников правоотношений, но и каким-то образом само осуществляет субъективные права и обязанности одной из его сторон и что, следовательно, не отдельные его органы и должностные лица, а непосредственно государство ответственно за неправильное применение того или иного закона об ответственности. Так, в частности, не органы дознания, следствия, не суды, а государство в целом должно было бы нести ответственность за неправильное применение уголовного законодательства; к государству, а не к его органам должны были бы предъявляться соответствующие претензии вплоть до исков о возмещении ущерба. Но такое решение этого вопроса ни с теоретической, ни с практической точки зрения нельзя было бы признать обоснованным.

Правда, в самом законодательстве на сей счет обнаруживаются некоторые противоречия. Так, в п. 1 и 7 ст. 460 УПК Республики Беларусь установлено, что вред, причиненный лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, возмещается государством в полном объеме независимо от вины дознавателя, следователя, прокурора или суда. Такое возмещение вреда производится за счет средств республиканского или местного бюджета (казны). В то же время установлено, что в случае причинения вреда гражданину в результате незаконного задержания, содержания под стражей, осуждения, орган, ведущий уголовный процесс, обязан признать за ним право на возмещение вреда, о чем выносит постановление (определение). После получения такого документа гражданин вправе обратиться с требованием о возмещении вреда в орган, ведущий уголовный процесс, решением которого за ним признано право на возмещение вреда (ст. 461–464 УПК). Возмещение такого вреда производится в порядке, установленном Гражданским кодексом Республики Беларусь (ст. 939, 940). При этом, однако, нельзя не заметить, что право лица на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс, зависит от признания этим же органом такого права.

Тот факт, что возникновение и реализация правоотношений ответственности находится в зависимости от волевых действий должностных лиц правоохранительных органов, имеет прямое отношение к ошибкам в привлечении к ответственности и даже в ее реализации. Суду, в частности, не всегда удается исправить промахи, допущенные

при дознании или во время предварительного следствия. Это приводит подчас к серьезным просчетам в квалификации преступлений и даже к осуждению невиновных. Некоторое время советские правоведы основную причину таких ошибок усматривали в неразработанности критерия истины применительно к деятельности следственных и судебных органов [27, с. 201; 28, с. 63]. Но более убедительным и поддержанным современной правоохранительной практикой оказалось мнение, что причины такого рода следует искать прежде всего в недостатках самой следственной и судебной работы, в несоблюдении требований закона о всестороннем, полном и объективном исследовании всех обстоятельств и фактов по делу в их взаимосвязи, в неумении порой глубоко анализировать эти обстоятельства и факты [26, с. 121–122; 29, с. 327–328].

Поскольку привлечение к юридической ответственности неизбежно затрагивает личную свободу человека, на соответствующие правоохранительные органы государства возлагаются строжайшие обязанности по точному и неукоснительному исполнению предписаний нормативных правовых актов, определяющих порядок привлечения к ответственности и ее реализации. В первую очередь это относится к органам прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, ответственных за соблюдение законодательства, определяющего правовое положение обвиняемого, за всестороннее, полное и объективное исследование всех материалов по уголовным делам. Отмечая это обстоятельство, нельзя не заметить, что авторы, связывающие возникновение уголовной ответственности только с моментом вынесения обвинительного приговора или вступления его в законную силу, фактически исключают из сферы уголовного преследования названные органы. Такое допущение противоречит и действующему законодательству. Так, ст. 393 УК предусматривает наказание должностного лица, производящего дознание, следователя или прокурора за привлечение заведомо невиновного лица в качестве обвиняемого. Статья 392 УК говорит о преступности вынесения судьями заведомо неправосудного приговора, т. е. противоправного применения санкции нормы уголовного права.

Вступление в законную силу решения компетентного органа, определяющего конкретное наказание правонарушителю, является тем юридическим фактом, который замыкает собой фактический состав, необходимый для реализации юридической ответственности. Так, вступление в силу обвинительного приговора суда, назначающего уголовное наказание преступнику, является последним и решающим основанием для возникновения материального уголовного и процессу-

ального уголовно-исполнительного правоотношений. Разумеется, между моментом вступления в силу акта, определяющего наказание лица, и фактической реализацией этого наказания (например, между моментом наложения штрафа и его уплатой) может пройти некоторое время. Однако самостоятельной стадией юридической ответственности этот период признан быть не может, поскольку он характеризует лишь оперативность соответствующих органов по реализации ответственности (исполнению назначенного наказания).

Последняя стадия юридической ответственности – ее реализация – оканчивается полным исполнением назначенного наказания или освобождением от него по законным основаниям. Правда, из этого правила имеется исключение, обусловленное особенностями уголовной ответственности. На последней ее стадии обнаруживается такой самостоятельный период, как сохранение судимости. Состояние судимости, которое может рассматриваться и в качестве особой стадии уголовной ответственности, прекращается с погашением или снятием судимости.

Смысл сохранения состояния судимости после отбытия уголовного наказания заключается в том, что лицо, претерпевшее такое наказание, должно еще в течение определенного времени доказывать обществу, что оно действительно исправилось. Эта обязанность осуществляется путем личного примерного правомерного поведения, т. е., как правило, помимо конкретных правовых связей (правоотношений). Но период судимости после отбытия наказания – это и период некоторого недоверия общества к бывшему преступнику. Поэтому к поведению судимого лица предъявляются повышенные требования, совершаемые им преступления в соответствии с законом оцениваются более строго, чем преступления других граждан.

Если судимость способна существовать и вне правоотношения, то к какой юридической категории ее следует отнести? Представляется, что она должна относиться к юридическим фактам, точнее, к такой их разновидности, как юридические состояния. Это ее качество проявляется в том, что состояние судимости влечет за собой определенные ограничения прав и свобод граждан. Во время судимости лицо может оказаться в специфических правоохранительных правоотношениях (находиться под профилактическим наблюдением или под превентивным надзором). Наличие судимости является основанием для определения видов рецидива, что влечет повышенную ответственность. О наличии судимости лицо обязано информировать органы и организации, куда оно собирается поступить на работу. Состояние судимости является препятствием для занятия определенных должностей (в органах внутренних дел, прокуратуре, адвокатуре и т. д.).

Однако в состоянии судимости лицо не может находиться бесконечно. Поэтому законом предусмотрено аннулирование судимости, которое производится двумя путями – посредством погашения судимости и снятия судимости. Погашение судимости – это ее аннулирование по истечении установленного законом срока после отбытия наказания. Снятие судимости – это ее аннулирование судом в случаях, указанных в законе (гл. 13 УК). На момент аннулирования судимости приходится прекращение и уголовной ответственности.

Итак, постадийный анализ юридической ответственности позволяет сделать вывод о том, что ее возникновение и прекращение могут не совпадать с началом и прекращением правоотношений ответственности. Если для возникновения юридической ответственности достаточно совершения правонарушения, то для возникновения соответствующих правоотношений требуются волевые акты должностных лиц правоприменительных органов (в отношении уголовных, административных, дисциплинарных отношений ответственности) или лиц, чьи интересы в имущественной или иной личной (частноправовой) сфере затронуты правонарушением (в отношении гражданско-правовых, трудовых, семейных).

Библиографические ссылки

1. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997.
2. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учеб. для юрид. вузов и фак. / В.С. Нерсесянц. М., 2000.
3. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М., 1997.
4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 19.
5. Огурцов, Н.А. Понятие уголовной ответственности / Н.А. Огурцов, А.В. Наумов // Тр. Высш. следств. шк. МВД СССР. Волгоград, 1969.
6. Самощенко, И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. М., 1971.
7. Алексеев, С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. Т. 1. Свердловск, 1972.
8. Хабибуллин, Т.Ф. О понятии административной ответственности / Т.Ф. Хабибуллин // Тр. Высш. следств. шк. МВД СССР. Волгоград, 1971.
9. Котляревский, Г.С. Проблемы общей теории права : учеб. пособие / Г.С. Котляревский, Б.Л. Назаров. М., 1973.
10. Багрий-Шахматов, Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Л.В. Багрий-Шахматов. Минск, 1976.
11. Смирнов, В.Г. Правоотношения в уголовном праве / В.Г. Смирнов // Правоведение. 1961. № 3.

12. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основания в советском уголовном праве / Я.М. Брайнин. М., 1968.
13. Базылев, Б.Т. Понятие юридической ответственности / Б.Т. Базылев // Учен. зап. Томск. гос. ун-та им. В.В. Куйбышева. Томск, 1967. № 66.
14. Лейкина, Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность / Н.С. Лейкина. Л., 1968.
15. Загородников, Н.И. О пределах уголовной ответственности / Н.И. Загородников // Совет. государство и право. 1967. № 7.
16. Шаргородский, М.Д. О системе советского права / М.Д. Шаргородский, О.С. Иоффе // Совет. государство и право. 1957. № 6.
17. Курляндский, В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия / В.И. Курляндский. М., 1965.
18. Розин, Л.М. Правоотношения, возникающие в связи с назначением и исполнением наказания / Л.М. Розин // Тр. Высш. шк. МВД СССР. М., 1971. Вып. 28.
19. Пионтковский, А.А. Правоотношения в уголовном праве / А.А. Пионтковский // Правоведение. 1962. № 2.
20. Загородников, Н.И. О содержании уголовно-правовых отношений / Н.И. Загородников // Совет. государство и право. 1963. № 11.
21. Наташев, А.Е. Основы теории исправительно-трудового права / А.Е. Наташев, Н.А. Стручков. М., 1967.
22. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. Минск, 2005.
23. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. М., 1958.
24. Ривлин, А.Л. Об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях / А.Л. Ривлин // Правоведение. 1959. № 2.
25. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права / В.Г. Смирнов. Л., 1965.
26. Брайнин, Я.М. Уголовный закон и его применение / Я.М. Брайнин. М., 1967.
27. Вышинский, А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. М., 1950.
28. Обсуждение в МГУ вопроса о преодолении последствий культа личности в юридической науке [редакционная статья] // Социалист. законность. 1962. № 2.
29. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.

© Кучинский В.А., 2008

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вишневский А.А. – начальник кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Вишневский А.Ф. – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, доктор исторических наук, профессор.

Габдуллина Ю.Ф. – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь.

Гайдельцов В.С. – доцент кафедры административного права и управления органами внутренних дел Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Горбатов Н.А. – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Калинина Э.А. – профессор кафедры международного права и общеправовых дисциплин Международного института трудовых и социальных отношений, кандидат юридических наук, доцент.

Каравай А.В. – начальник экспертно-правового управления Секретариата Конституционного суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Козик А.Л. – проректор по экономическим вопросам и международной деятельности Международного института трудовых и социальных отношений, кандидат юридических наук, доцент.

Колбасин Д.А. – профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Кукреши Л.И. – профессор кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Кучинский В.А. – профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Павлов В.И. – заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Пашикев М.А. – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Саркисова Э.А. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

Чигринов С.П. – судья Конституционного суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Шишко Г.Б. – заведующий кафедрой правоведения Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Кучинский В.А.</i> Правоотношение – индивидуализированная связь субъектов права	6
<i>Горбатов Н.А.</i> К вопросу о структуре правового отношения	23
<i>Вишневский А.Ф.</i> Развитие учения о юридических фактах как основаниях возникновения правоотношений	34
<i>Чигринов С.П.</i> Некоторые теоретические проблемы конститу- ционно-правовых отношений	52
<i>Саркисова Э.А.</i> Уголовное правоотношение в контексте обще- теоретического понимания правоотношения	63
<i>Кукреш Л.И.</i> Уголовно-процессуальные правоотношения: тео- ретические и практические аспекты	76
<i>Гайдельцов В.С.</i> Сущность и особенности оперативно-розыск- ных правоотношений	87
<i>Пашикеев М.А.</i> Субъекты, форма и содержание правоотношений в оперативно-розыскной деятельности	95
<i>Шишко Г.Б.</i> Трудовые правоотношения	103
<i>Колбасин Д.А., Габдуллина Ю.Ф.</i> Содержание гражданского правоотношения в контексте соглашения об играх и пари	120
<i>Вишневский А.А.</i> Налоговые правоотношения и их признаки	130
<i>Каравай А.В.</i> Деньги как объект правоотношений	141
<i>Павлов В.И.</i> Юридический конфликт и правоотношение: тео- ретико-методологические вопросы соотношения	153
<i>Козик А.Л.</i> Особенности международно-правовых отношений	170
<i>Калинина Э.А.</i> Теоретическое и практическое значение катего- рии «правоотношение» в исследовании правовых систем со- временности	181
<i>Кучинский В.А.</i> Правоотношения в сфере юридической ответ- ственности	195
Сведения об авторах	212

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сборник научных трудов

Редактор *Л.М. Романовская*
Технический редактор *А.В. Мозалевская*
Корректор *М.Н. Колотуха*

Пл. вып. лит. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2008. Поз. 11.

Подписано в печать 18.01.2008. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 12,4. Уч.-изд. л. 12,7.
Тираж 200 экз. Заказ

Лицензия на право осуществления издательской деятельности
№ 02330/0133022 от 30.04.2004 г.

Академия МВД Республики Беларусь.
220005, Беларусь, Минск, пр-т Машерова, 6.
Отпечатано на ризографе участка оперативной полиграфии
редакционно-издательского отдела.